

54/111
X 500

Дим Хусаинов

ОСВОБОДИТЕЛИ

повесть, рассказы

г. Артемовский

Дим Хусаинов

ОСВОБОДИТЕЛИ

43
Артемовский ЦД

г. Артемовский

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6
X 98

«Освободитель». Повесть, рассказы.

Новая (третья по счету) книга уральского автора Дима Хусаинова продолжает повествование о жизни Современной России, о годах гражданской войны, интервенции и Великой Отечественной войны.

Автор не находит какой-либо разрыв между теми или иными событиями. Он горд историей своей отчизны целиком, не видит причин стыдиться тех или иных её поворотов, ибо убежден, что не человек судит историю, а история человека.

Посвящаю светлой памяти моих родителей: отца Мухиба Хусаиновича, участника ВОВ, гвардии старшего Лейтенанта; матери Гайнисафы Кафеевны, воспитавших десятерых детей в те трудные годы истории Отчизны нашей.

Вечная им память и сыновья благодарность.

Артемовская ЦБС
Свердловской обл.

1.3.
69987

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ МУСЫ

1. Казнь и долгий путь к очищению

*Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждет меня палач и вырыта могила, -
Я ко всему готов. Но мне еще нужны
Бумага белая и черные чернила.
Муса Джалиль
Из «Моабитской тетради»,
перевод С. Маршака*

Раннем утром 25 августа 1944 года палач Берлинской тюрьмы Плетцензее Эрнст Реандаль прибыл на свое рабочее место – в четвертый корпус, где находился зал казней, а так же содержались политические заключенные, приговоренные к смерти. К работе своей он относился серьезно и никаких пререканий со стороны начальства не имел. Особое внимание он уделял главной «кормилице» гильотине: чистил, производил смазку и подтягивал, чтобы нож не расшатывался от непосильной работы и хорошо ходил вверх и вниз по желобкам вертикального основания. Кроме постоянного жалования палача в размере пятидесяти семи марок, Реандаль получал дополнительно по три марки за каждую отрубленную голову, и этот дополнительный доход обещал быть в этот день особенного богатым. Предстояло казнить одиннадцать «смертников», и он прибывал в приподнятом настроении.

За час до казни приговоренного, в камеру к нему

приходил надзиратель, в обязанности которого входило следить, чтобы тот не имел возможности покончить собой. Также этот надзиратель освобождал руки от замка и перековывал их уже за спину, освобождал шею от одежды и сдавал его конвоирам, которые отводили узника в зал казней.

Так закончилась земная жизнь великого татарского поэта и патриота своей отчизны Мусы Джалиля. Вместе с ним были казнены еще десять его соратников.

Закончилась война, страна и Европа очищены от фашистов, но не прекращена работа органов безопасности по выявлению предателей и изменников Родины. Так, в 1946 году МГБ СССР заведено розыскное дело на Мусу Джалиля, который пропал без вести во время боевых действий Волховского фронта в июне 1942 года. О данных разыскиваемого значилось:

Муса Мустафович Залилов, 15.02.1906 года рождения, уроженец деревни Мустафино Оренбургской губернии, партийный, образование высшее – окончил литературный факультет МГУ, поэт, литературный псевдоним Муса Джалиль, секретарь Союза писателей Татарии... Далее шли данные родных, близких и просто знакомых, с кем поддерживал связи. В разделе оперативных проверок были донесения берлинского резидента с полученными сообщениями оперативно-розыскного характера. Одним из первых бросалось в глаза сообщение батрака и бывшего военнопленного, работавшего в имении у немца в Западной части Германии, который, якобы, видел Джалиля в лагере военнопленных в Едлино на территории Польше в фашистской военной форме, а после и в Берлине. В Берлине Муса появлялся среди предателей, служивших рейху и даже жил в одно время у главы будущего «правителя» создаваемой фрицами

республики «Идель-Волга» Шафи Алмаса. Так же общалось, что после войны Муса Джалиль ушел в Западную Германию, где его неоднократно видели. Получалось, что поэт продолжал жить после своей смерти, но тогда еще не было данных о его казни.

Л.П. Берия уже не являлся министром госбезопасности, но курировал их работу, а потому был в курсе дела, поскольку в апреле 1947 года Муса Джалиль был внесен в список особо опасных преступников. Уже шли первые допросы и просто сообщения лиц, связанных с волжско-татарским легионом, где все в один голос отрицали возможность предательства со стороны Мусы, который создавал подпольные группы, поддерживал военнопленных, помогал им бежать. Эти сообщения доходили и до Лаврентия Павловича, который отреагировал на это просто и лаконично:

- У вас нэт данных исключających службу Джалиля у немцев, как и того, что он скрывается в Западной Германии, а показания предателей и их желание спасти от позора своего земляка и друга нэ может служить основанием для прекращения розыска дэла. Это правильно, что мы должны заниматься параллельно возвращением некоторым из них доброго имени, но разве нэ было сочувствующих у предателя Власова?

Вопреки всему, уже мертвый Муса сам продолжал воевать против своего обвинения в измене поэтическими посланиями в виде стихотворений, которые будучи узником распространял товарищам по плену. Стихи его служили боевым оружием в годы заточения, поддерживали военнопленных, и в них заключалась необъятная любовь к Родине и ненависть к фашистам. Здесь еще до победы было далеко, хотя в театрах Москвы и Казани шла опера «Алтынчеч» (Золотоволоска), либретто к которой напи-

сал Джалиль, но без указания авторов, а жену его Амину вызывают на допросы, чтобы узнать, не связывался ли еще с ней муж-предатель из Западной Германии. За время допроса в холодном чулане управления ждет свою маму пятилетняя дочь Чулпан. И все же приближался момент истины, тяжело со скрипом, но приближался.

Первая тетрадь с некоторым количеством стихов были переданы им в Моабитской тюрьме военнопленному Габбасу Шарипову и дошли до Родины героя в марте 1946 года. Их в союз писателей принес Нигмат Терегулов, которому их передал Габбас Шарипов уже в лагере Ле-Пюн, расположенном на территории Франции. Габбас Шарипов, в последствии, был осужден на десять лет, как предатель, а Терегулов погиб в лагерях ГУЛАГА.

Тетрадь представляла собой самодельные сшитые листки, на обложке которой химическим карандашом Муса написал, для отвода глаз тюремщиков, на немецком языке «Словарь немецких, тюркских, русских слов и выражений». Сами стихи были написаны на арабском, а в конце было завещание, что он татарский поэт Муса Джалиль. Там же указал свои Казанский и Московские адреса, и просил переписать стихи набело и передать союз писателей. Там же указал, что его осудят, как участника подполья и советской пропаганды к смертной казни, а потому завещает выпустить стихи после его смерти.

Уже из слов Габбаса стало известно, что Муса находился в момент передачи стихов в Моабитской тюрьме, приговоренный к смерти, а сами стихи несли всю информацию о том, что автор оставался до конца бойцом и патриотом своей Родины. Этим решил воспользоваться его друг и литературный критик Гази Кашшаф, который вел свое расследование, встречался с людьми, которые видели и знали Мусу

по лагерям военнопленных. Он обратился с этими доказательствами в МГБ Татарии, но ему посоветовали «охладить пыл» и не вмешиваться в дело органов.

Твердо стоял на своем во время допросов и бывший военнопленный и друг Мусы Рушат Хисамутдинов. Он настаивал, что Джалиль создавал подпольные группы, поддерживал боевой дух товарищей, и его стихи передавались из рук в руки и даже процитировал четверостишие из его стихотворения «О мужестве». Рушат перечитывая свои показания просил заносить все в точности, как говорил он, слово в слово, а только после этого подписывал.

Вторая тетрадь Мусы попала на Родину только в 1947 году. Эту тоненькую тетрадку с 33 стихотворениями он передал в тюрьме соседу по камере бельгийскому патриоту Андре Тиммермансу, который смог переправить её на свою родину с личными вещами, а уже после войны принес в Советское консульство в Брюсселе. Тетрадь содержала подарочную надпись на имя Тиммерсмана, а в конце стихов было дописано «В плену и заточении – 1942.9 – 1943.11 – написал сто двадцать пять стихотворений и одну поэму. Но куда писать? Умирают вместе со мной».

Третья тетрадь была передана в Советское посольство в Риме турецким подданным татаринном Казимом Миршаном в январе 1946 года, но она попала в МГБ, а оттуда переправлена в СМЕРШ, где и затерялась.

По настоянию друзей и по неоднократным просьбам Союза писателей Татарии, в МГБ СССР обращался генерал госбезопасности из Татарии Токарев, но ответ был тот же: «Данные проверяются, дело не прекращено». Однако, друзья на этом не остановили свой труд по восстановлению доброго имени своего земляка-поэта. К этой работе подклю-

чились А.А.Фадеев, который был знаком с Мусой еще до войны и К.Симонов. Константин Симонов даже имел личную встречу с бельгийским антифашистом Тиммермансом и беседовал о последних днях поэта. Он же организовал переводы стихов Джалиля, от которых шла великая живительная сила и неустрашимость патриота перед смертью. Послевоенная страна нуждалась в них, и шаг за шагом, по степени их поступления уже в переводах, читатели вникали и были ошеломлены стойкости своего героя. Переводами занялись многие известные писатели разных национальностей, и не могло быть силы, способной остановить эту волну.

В 1956 году татарскому поэту Мусе Джалилю посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а в 1957-ом – присуждена Ленинская премия за Моабитские стихи (посмертно).

2. Моабитская тетрадь

*Песня меня научила к свободе,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.
Из «Моабитской тетради»,
перевод С.Липкина*

Немецкие непосредственные руководители, стоящие у истоков создания волжско-татарского легиона «Идель-Урал» хватались за головы. Им до последнего момента не было понятно, почему так до основания проваливается вся их работа по созданию пушечного мяса из самих бывших жителей СССР (татар, башкир, марийцев, мордвы, чувашей и удмуртов). Вся работа по использованию «Kommando der Ostlegionen» (Восточный легион) себя не оправдала.

Особенная роль они уделяли «Волжско-татарскому легиону», обещая создать на освобожденной территории Поволжья республику «Идель-Урал» для этих национальностей и даже был объявлен будущий президент, коим, якобы, должен был стать Шафи Алмас, из татар. Результат оказался плачевным. Некоторые из легионеров совершали побег из Польши, Берлина, а многочисленные батальоны, направляемые на восточный фронт переходили к партизанам или дезертировали. Легионы проходили подготовку на территории Польши, но само татарское посредничество находилось в Берлине, где проходило торжество по его созданию. Присутствовали: со стороны немецкого командования генерал СС фон Медсэрих, а от руководства легиона со стороны немцев Унгляубе и Шафи Алмас – со стороны татар, как президент будущей республики

В начале осени 1942 года Муса Джалиль из лагеря в селе Рождествено Ленинградской области через пересылочный лагерь под Двинском был доставлен в крепость Демблин на территории Польши. Он все еще был сильно истощен, голод и этапы силы не прибавляли. Здесь порядки были более пригодны для существования, чем раньше, но он посещал лагерьный лазарет. Через некоторое время на территории лагеря и в бараках стали наводить порядки и улучшилось качество баланды. Он стал гуще и более пригодной для еды. Военнопленных стали сортировать по национальному составу и пошел слух, что немцы будут набирать солдат на вновь образуемую Республику «Идель-Урал», где будет действовать особый волжско-татарский легион. Из Берлина прибыли военные агитаторы, на выступление которых согнали всех военнопленных. Выступающий перед узниками «доктор», как его называли, разъяснял о создании восточных легионов, которые, теперь освобожденные

от кровавого большевистского режима, будут иметь свою республику, за создание которой должны встать под знамена рейха. Они будут свободными людьми, воюющими за эту свободу. Призывали татар и башкир бить неверных под знаменами рейха, но в то же время, рядом создавались легионы из христиан.

Муса, возле которого собиралась определенная группа товарищей, разъяснял по их просьбе о возможных вариантах и суть «создаваемой республики». Его, в целях конспирации называли Мусой Гумеровым.

- Видать, плохи дела у Гитлера с численностью войск. Скорее всего, легионы будут нести вспомогательную службу, чтобы больше освободить работающих и служащих немцев для пополнения армии. Но и воевать эти легионы тоже погонят, – говорил Муса, - необходимо бойкотировать набор легионеров, устроить саботаж и побег к партизанам, где можно умереть за отчизну, чем стать предателями Родины.

Нужно было начинать подготавливать побег, набирать дополнительных людей, изучить распорядок новой лагерной администрации, наметить пути побега. Однако все изменил разговор Мусы со старшим врачом лагеря Аркадием Львовичем Львом, с которым он поддерживал доверительные отношения.

- Тебе, может, лучше всего записаться в «Идель-Урал», Гумеров? Как смотришь на такую перспективу?

- Никогда я не надену их форму и не стану сражаться против своих, - отвечал Муса. - Только побег и - к партизанам.

Он даже предположить не мог, что Аркадий Львович мог подумать такое. Неужто он сам, после стольких бесед, оставил о себе такое мнение, что врач допускает с его стороны возможность измены Родине.

- Кем ты у нас был на войне, Гумеров? Политруком? А не считается ли для комсостава дезертирством тот факт, что командир покидает бойцов в такой момент? И не к смерти ли ты приведешь ту часть узников, которые пойдут за тобой? – говорил Аркадий Львович. - А ведь сколько мог бы ты сделать для подрыва изнутри эту организацию?

Эти слова Аркадия Львовича, какими бы они не показались дикими, засели у Мусы в голове, что он несколько дней обдумывал, прежде чем донести до товарищей. И все же все же он решился.

- Возможно, и скорее всего, наш побег удастся, но получится так, что мы оставляем на произвол тех, кто поверил немцам. Создаваемые ими батальоны будут сражаться против своих, и не лучше ли нам внедриться в их ряды, создавать в них группы подполья и разрушить все то плохое, что они возмнили о нас своим фашистским умишком. Если они и вправду такого мнения о нашем народе, мы докажем, насколько они ошибались. А побег мы будем устраивать обязательно. Возможно, что придется погибнуть здесь на их территории, повернув оружие против этих «заступников татар и башкир», но мы умрем с оружием в руках.

Самым трудным решиться на такой поступок было то, что им придется ходить среди немцев, в их военной форме. А ведь все это будет происходить среди своих, которые будут видеть этот позорный факт, а имена их будут внесены во множество немецких документов и окажутся после победы в руках наших. Скрытая, в основном борьба, потом ляжет на плечи их родных и детей позором на все времена. Они будут считаться на своей же родине родственниками и детьми изменников Родины. Среди всех этих сомнений относительно возможного проклятья со стороны соотечественников, ни разу и ни у кого

не возникло сомнения в том, что победа будет на стороне Советской родины. Со многими оговорками и скрепя сердцем было решено записаться в волжско-татарский легион «Идель-Урал».

- На этом пока остановимся, друзья, ибо на нас начинают обращать внимание. Да, и мне самому противно, что выгляжу со стороны фашистским агитатором, но скажу одно: теперь наша жизнь и смерть будут оправданы. Обращаться записаться в легион прошу по отдельности, чтобы было видно, что это никак не коллективное решение. После записи таких встреч будет редко и по особым случаям, пригляд за нами будет строгим.

Самым последним выразил согласие Зиннат Хасанов, работавший до войны товароведом. Человечески он был по своей натуре горячим и ненавидел немцев до такой степени, что друзья всегда старались быть возле него, чтобы не натворил дел. Особенно когда били прикладами по спине, что было делом обычным, друзья оказывались рядом и удерживали его от ответной реакции. Он и сейчас говорил:

- А если я вдруг не выдержу и заеду какому-либо фрицу по роже?

Все засмеялись, но предупредили, что друзья теперь не всегда буду рядом, а потому нужно сдерживать эмоции.

После этого разговора, друзья просили почитать Мусу что-либо из своих стихов. В этих случаях подходили и другие военнопленные. Муса в таких случаях превращался из «Гумеров иптеш» (товарищ Гумеров) просто в Мусу.

- Давай Муса, прочти нам «Я помню», - просил уже не первый раз бывший учитель совсем еще юный Фарит Султанбеков, - уж очень оно мне нравится.

*Как нежно при первом свиданье
Ты мне улыбнулась, я помню,
И как ты, в ответ на признание,
Смутьясь, отвернулась, я помню...
(перевод В. Звягинцевой)*

Муса начал снова писать свои стихи и прятать
еще в лагере под Рождество, но это стихотворе-
ние было еще довоенным, но нравилось землякам,
и они говорили, что после их чтения видят во сне
родные места. Последние стихи, написанные им в
неволе в основной массе своей, отражали ненависть
к фашистам и его отношение к своему рабскому по-
ложению и призывали к борьбе. Их он читал в более
узком кругу. Одним из первых стихотворений в нево-
ле было «Прости, Родина!».

*Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою...
(перевод И. Френкеля)*

Далее был особый лагерь Вустрау, расположен-
ный в 64 километрах от Берлина. Там находились
два лагеря: закрытый, где за колючей проволокой
находились уже отобранные будущие легионеры и
открытый (особый), где на свободном положении
проходили курсы из лиц военнопленных с высшим
образованием или редкими профессиями. В особом
лагере читали лекции по структуре третьего рейха,
программе и уставу нацистской партии и немецкий
язык. По окончании курсов, они становились служа-
щими различных ведомств Восточного министерства.
Особая роль отводилась пропаганде и агитации, а

так же религии. Теперь религия уже не была среди курсантов обязательным предметом, она насаждалась среди легионеров, готовящихся для фронта. Муллы имелись в каждом батальоне. Волжско-татарский легион имел общее подчинение к «Идель-Уралу» но в военном отношении не имелось общевойсковое командование. Они подготавливались и отправлялись на фронт побатальонно с присвоением отдельного номера каждому батальону. Так немцам было легче управлять ими.

По окончании курсов, выпускникам выдавались некоторое количество денег, гражданский паспорт и они направлялись в различные ведомства Восточного министерства. Муса был перечислен к тем, кто занимались агитационной и культурно-воспитательной работой, что давало возможность более целенаправленно вести подпольную работу. Он бывал в Берлине часто, встречался со многими земляками и просто лицами, занимающими нужные для этой работы должности. В паспорте он все еще значился Гумеровым Мусой, но уже и немцы знали, что является бывшим секретарем писательской организации Татарии, и скрыть это не было дальше возможности, уж больно многим он был известен. Немцев этот факт не тревожил, они даже были рады, что агитацию за великий рейх ведут известные для этой нации люди. То, что он так много сделал на своем посту в мирное время за крепость дружбы между народами, понять нацистам не так-то было легко. К тому же конспирации внутри подполья была крепкой. В орган подпольной группы, действующий рядом с руководством всего «Идель-Урала» входили, кроме Мусы, журналист Рахим Саттар, детский писатель и друг Мусы Абдулла Алиш, экономист из Средней Азии Гариф Шабаев и еще несколько человек. Для сбора сводок Совинформбюро подключился еще один из героев подполья

Ахмат Симаев, имеющий доступ к радиостанции. От них тянулись нити в другие ведомства, легионы, где так же организовывались подпольные группы. Вопрос стоял о создании подпольного комитета ВКП(б).

3. В логове «республики»

*Придет, придет день торжества свободы,
Меч правосудья покарает их.
Суровым будет приговор народа,
В него войдет и мой последний стих.
Перевод В. Ганиева*

Осенью 1943 года в Берлине в шестиэтажном доме будущего президента «Идель-Урал» Шафи Алмаса, в его отсутствии была принята программа, предусматривающая работу организации вплоть до прихода советских войск. В числе задач, на этот период было решено « В случае приближения фронта выступить организованно с местными организациями, с оружием в руках, отрезать пути отхода немецких войск, уничтожать связь, дороги, склады». Было решено печатать листовки и распространять их не только среди легионов, но и «остарбайтеров», работающих в немецких предприятиях.

Всё это время Муса не знал отдыха, выглядел усталым и исхудавшим, но не переставал писать стихи, среди которых теперь чаще встречались лирические, шуточные стихи и стихи для детей. Товарищи были рады этому и , как всегда просили прочитать им вновь созданную лирику. Одним из любимых у всех было стихотворение «Одной девушке»

*... Много в жизни мелочей докучных,
Сердях нас никчемностью пустой,*

*Но что сравнится с дружбой настоящей-
Такою пылкой, искренней такой?
И что с сияньем глаз твоих сроднится?
Они мне сердце разожгли огнем, -
Всю жизнь, твой взор чудесный вспоминая,
Отныне буду тосковать о нем...
Перевод С. Северцева*

Именно в 1943 году написана основная часть его стихов, которые сохранились в моабитских тетрадах.

Особой радостью для подпольщиков были сообщения о восстаниях и побегах из Волжско-татарского легиона. Их работа, опасная и сопряженная большим риском, приносила свои ощутимые плоды.

Одним из первых поднялся 825 татарский батальон, отправленный на Восточный фронт. Легионеры перебили немцев-офицеров и перешли на сторону Белорусских партизан.

Летом 1943 года восстал 827 батальон волжско-татарского легиона, расположенный в г. Станиславове. Во главе их стал старший лейтенант Мифтахов, который увел два взвода штабной роты к партизанам. Трагична гибель этого героя, но он остался верен себе. Не всем понравилась его желание вернуться обратно в расположение батальона, чтобы вести остальных легионеров. Он был схвачен. В батальоне была обнаружена листовка, привезенная накануне восстания из Берлина Габбасом Кадербаевым. Шли аресты. Изошренные пытки Мифтахова не дали результатов, он молчал и Кадырбаева так же отказался назвать. Немцами был учинен «показательный суд». Мифтахова привязали к двум склоненным деревьям и разорвали на части на виду у остальных легионеров.

826 батальон татар на территории Франции (их уже боялись отправлять на Восточный фронт) гото-

вил восстание, но были схвачены. Наиболее активные из них в количестве 26 человек расстреляны.

Круг сужался, гестапо подбиралась к руководителям подполья. Одним из позорных явлений для немцев послужил тот факт, что, как выяснила экспертиза, часть листовок печатались в типографии самой редакции «Идель-Урал». Отныне за членами подпольного руководства была установлена непрерывная слежка.

Девятого августа состоялась последнее совещание подпольщиков, где присутствовали Джалиль, Курмаш, Сайфульмулюков, Хисамутдинов и Фахрутдинов. Они предвидели возможность скорого ареста, и речь шла о восстании, которую назначили на 14 августа. Уже были распределены роли каждого, но были арестованы через два дня до начала выступления. Аресты производились одновременно в различных местах, но впереди их ждала одна участь – казнь.

Борьба Мусы теперь продолжалась в фашистских застенках в виде стихов, которые писались урывками, и втайне от надзирателей; тихие лирические, злобные, детские и шуточные, чтобы потом прогреметь на весь мир, о чем он и мечтал и жил этим.

*...Скоро, скоро, может быть к утру,
Смерть навек уймет мою строптивость.
Я умру – за наш народ умру,
За святую правду, справедливость.
Иль не ради них я столько раз
Был уже тобой, костлявый, мечен?
Словно сам я – что ни в день и час-
Роковой искал с тобою встречи...
Перевод Л. Пеньковского*

Муса, после бесконечных допросов гестапо, был слаб, болен, но держался стойко. Это отмечали по-

том многие оставшиеся в живых узники и сами допрошенные после войны фашисты. Среди этих лиц был и падре Юрытко, который допускался, в качестве священника, к узникам. Он передавал записки, снабжал Джалиля книгами из своей библиотеки, передавал данные, кто были казнены за эти дни. Его удивлял Муса, который так быстро перечитывал выдаваемые один раз в пятнадцать дней книги из тюремной библиотеки, и просил его приносить тоже. Немецкий он знал хорошо и с таким усердием перечитывал, уже на языке великого Гете, его «Фауста». Потом этот падре Георгий Юрытко скажет узнику Ланфредини : «Татары погибли с улыбкой». Позже эти же слова повторит в своем письме освобожденный из тюрьмы Советскими войсками узник Рениеро Ланфредини «Уважаемые господа писатели, не забывайте слова падре Юрытко : Татары умерли с улыбкой»

Иногда Мусе удавалось встретиться со своими товарищами во время прогулок или переговариваться через решетки. Его другие узники пытались опекать, а близкий друг А. Алиш обращался с письмом к Шафи Алмасу, где просил : « Я ничего не хочу для себя, прошу только об одном: спасите Мусу. Он нужен всему татарскому народу». Муса, в это время, сам старался поднимать жизненные силы друзей. Стихи его звучали и по коридорам тюрьмы, выкрикиваемые через решетки и во дворе тюрьмы во время прогулок. В них было столько силы и веяло жизнью, что становилось не так одиноко и становилось покойно. Нельзя передать, да нет такой возможности, чтобы понять, как подействовали стихи его друзьям, продекламированные им во время прогулки. Они полюбились всем и их повторяли многие при встрече друг с другом. И в том, что они умирали с улыбкой, наверняка было зерно и этих строк. Одним из наибо-

лее понравившимся было коротенькое стихотворение «Костяника», которое потом декламировали и другие.

*С поля милая пришла,
Спелых ягод принесла,
Я ж сказать ей не решаюсь,
Как любовь моя светла.
Угощает цветик мой
Костяником в летний зной.
Но любимой губы слаще
Костяники полевой.
Перевод А. Ахматовой*

Эти стихи пришли на Родину в одной из Моабитских тетрадей с датой отмеченной самим поэтом. Написаны они 8 октября 1943 года. Больной и приговоренный к смерти Муса продолжал писать такую лирику. Среди стихов, конечно же, были строки посвященные жене Амине и маленькой дочери поэта Чулпану.

Поэт, как и друзья его, так же улыбался всем невзгодам, и даже в памяти нашей невозможно представить его угрюмым, загнанным и обреченным. Он - поэт и этим сказано многое.

После войны, многие годы спустя в архиве ЗАГ-Са Берлина был обнаружен последний документ жизни поэта, в виде аккуратно составленной карточки о казни под номером 2970. Там он уже внесен как писатель Муса Гумеров-Джалиль, проживающий в Берлине. Дальше идут данные о его родителях. Данные заполнены на основаниях устных показаний помощника надзирателя Пауля Дюррхаэра, который и подписал, подтвердив их соответствие к действительности. Документ заверен 26 августа 1944 года испол-

няющим обязанности служащего ЗАГСа по фамилии Глюк. В конце выведено : «Причина смерти: обезглавлен».

4. Послесловие

Сколько дней (иногда и ночей), обложенный книгами, выписывая и исправляя свою писанину из отдельные мест разных книг, «ныряя» толи дело в интернет, задавал себе одни и те же вопросы : то ли я пишу, так ли? Внутри меня назревали различные чувства и желания. Хотелось, вроде, создать лирический образ Мусы Джалиля, исходя из его отдельных стихов. Но ПАФОС (именно с большой буквы) возвращал меня в другое русло. Герой жил и сгорел, как факел, раздробив себя на множество стихов, оставаясь патриотом своей страны, помогая своим друзьям и тысячам незнакомых ему людей, которых спас от фашистского плена или просто помог вернуть им доброе имя. Слово «просто», как опять замечаю, здесь совершенно неуместно. Для многих из тех, с кем ему приходилось встречаться за колючей проволокой, а после и в легионах, возможно, это было единственным стимулом – вернуть доброе имя Советского гражданина, а не оставаться изменником и предателем. Как тут обойтись без пафоса, если время, место и сами происходящие события далеки от лирики и так тесно связаны смертью? Другое дело – внутренний мир поэта. И я, по своей наивности, собирался «выделить» этот внутренний мир от всего остального. Даже взял «Фауста» Гете, в переводе Б. Пастернака, чтобы попытаться понять, какие монологи из каких актов его особо могли затронуть в таких «условиях», но отложил в сторону. Конечно же, он есть, этот внутренний мир. Он богат, широк и даже

свободен. Во многих стихотворениях поэт часто переносится туда, где Родина, дорогие для него люди, с которыми он часто имеет беседу, радуется вместе с ними. Не случайно многие литераторы относят некоторые его произведения – к «послевоенным». В них он воспевает, видимо по своей прозорливости, победный май и мирный труд. Так в стихотворении «После войны» в октябре 1943 года он пишет:

*В мае опять состоится сбор,
Съедутся все друзья.
Звучно ударит в дно хрусталя
Алой дугой струя.
И перебьет застольный хор
Смех, словно шум ручья.
... Пусть в тумане рассветной поры
Тракторы загудят!
Пусть играют в лучах топоры!
Пусть хлеба шелестят!
Пусть на улицах городов
Дом за домом встает!
Пусть после битв от наших трудов
Родина вся цветет!
Перевод И. Френкеля*

Я в свое время, оканчивая национальную восьмилетку, читал, где-то в классе 6-ом, стихи из Моабитской тетради в сельском клубе на языке самого автора, но после не раз перечитывал уже в прекрасных переводах на русский язык. Сегодня же, двое из пяти молодых людей, кого я спрашивал, сказали, что где-то слышали имя Мусы Джалиля, а трое ответили, что не слышали о таком вообще. Вот и выходит, что пишу я о нем не «по зову», а по долгу сердца.

Долог, ужасно долог был путь стихов поэта, после гибели его, к народу, и какое большое счастье,

что они пробили себе дорогу. Низкий поклон тем, кто бился за это и посвятил себя к восстановлению святой истины, кто переводили, редактировали и издавали эти книги! Среди источников, коими я пользовался, попалась тоненькая книжца «поэт-герой Муса Джалиль» Ахмета Исхака. В ней всего 24 страницы и издана она в 1956 году, в год когда поэт, наконец, был реабилитирован и стал Героем Советского Союза. Но издавалась она на русском языке по первым отдельным переводам, когда еще не все обстоятельства были выяснены. Даже еще не был обнаружен документ, регистрирующий его смерть в архивах ЗАГСа Берилина, не все опрошены или допрошены. Датой его смерти в этой книге еще значится 10 января 1944 года.

Читая и перечитывая множество литературы, приходилось часто встречаются словами «под чутким руководством товарища...», «под чутким руководством великого...», но все же остаюсь солидарным тому, что и сам пишу действительно о сыне великого татарского народа великой Советской страны, героически погибшего в Великой Отечественной войне. Тут из песни слов не выкинешь. Да, и как могли без этих слов авторы тех книг? Кто бы их стал издавать без этих слов. Были ли и вправду великими наши вожди? Не знаю. Но Победу одержали великие сыны и дочери нашей страны среди которых Муса Джалиль выделяется особо. Ему было суждено погибнуть в застенках и выжить в стихах в собственной стране.

Во время работы над этим рассказом (очерком, сочинением – как вам будет угодно), перечитывая и исправляя отдельные места, не мог отвязаться еще от одной мысли, засевшей глубоко внутри меня. Отдельно надо бы выпустить книгу о тех людях, кому было возвращено их доброе имя, с которыми поэт не был даже знаком, но стал тому причиной. Ведь,

кроме тех, как потом было установлено, двенадцати человек, погибших в вместе с поэтом, были и другие, которых рвали на части как Мифтахова, расстреливали и вешали десятками, гноили в лагерях (немецких и, впоследствии- в своих). Многие из них стали в ходе поисков узниками, принявшими смерть как сыновья отчизны, как добросовестные отцы и дети своих семейств, а не предателями и изменниками Родины. Ко многим такая весть пришла с опозданием, когда их не было в живых, но очищение не может быть бесполезным. Оно не имеет ни границ, ни времени, не признает деление на национальности и, не дай Бог, партийности. Оно просто возвращает доброе имя погибших их потомкам. В этом еще одна заслуга Мусы и тех, кто вел настоящую работу в поисках истины о герое: Гази Кашшафа, Рафаэля Мустафина, Константина Симонова и многих многих других. Я всех не знаю и не смогу назвать, но низкий им поклон!

*Друг, не печалься, этот день взойдет,
Должны надежды наши сбыться,
Увидим мы казанский кремль, когда
Падет германская темница.
Придет Москва и нас освободит,
Казань избавит нас от муки,
Мы выйдем, как «Челюскин» изо льда,
Пожмем протянутые руки.
Перевод А. Тарковского.*

А что я могу еще написать о Мусе Джалиле? Какой можно создать образ, когда он уже есть? Да и пишу не только потому, что хочу показать этим пятерым, опрошенным мною про Джалиля. Они, пожалуй, и мою писанину не прочтут. Я просто по своему излагаю написанное другими, из разных источников,

поскольку переиздать, как видно, их никто не собирается. Художественный вымысел тут не уместен. Обидно до боли в душе, когда треплемся о «своей богатой истории», не зная таких ее сынов. Какие образы создала она сама, история наша...

Читайте «Моабитскую тетрадь». Читайте.

ОСВОБОДИТЕЛЬ

*Освободитель бескорыстный мой,
Союз Советов! Не тебя ль, как брата.
Впервые на софийской мостовой
Увидела я в образе солдата.*

Блага Димитрова

Перевод с болгарского Д. Журавлева

1.

Что не говори, но воевать и освобождать страны Восточной Европы, было легче, поскольку не все встречали с оружием в руках. Натерпевшись от фашистского ига и всевозможных унижений от представителей «высшей расы», жители этих стран из лучших побуждений и благородства, не хотели сидеть, сложа руки. Они стремились облегчить кровавую долю своего освободителя, старались внести и свою лепту. Однако все эти плюсы, как говорится, имели свой минус. Освобождая огромную свою территорию, советский воин знал, что идет по своей стране, где его, как хозяина и своего соотечественника, понимают все. Война всегда сопряжена кровью, разрушениями и не бывает такой возможности, чтобы всегда можно было бы сначала эвакуировать мирное население, а уж после начинать обстрел или бомбежку населенного пункта. Наши жители российских городов это понимали, а поймут ли тебя тут?..

Именно об этом думал командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Федор Толбухин.

- Воевать и освобождать Румынию было, можно сказать, легче, чем предстоит проделать тоже самое в Болгарии, - говорил он задумчиво командиру 17-й воздушной армии Судец В.А. – Дипломатия. брат. Еще неизвестно как повернет после войны. Там был

союзник Гитлера и воевавшие с нами на территории России румынские солдаты, которых нужно было бить, как врага, а здесь Болгария сама объявила себя «нейтральной страной».

Даже вести воздушную или пешую разведку командование запрещало до объявления войны официально. Велась только радиоразведка с перехватыванием вражеских переговоров. Облегчало и оправдывало задачу освободителя то обстоятельство, что на имя монархистского государство неоднократно предъявлялись ноты о необходимости порвать все отношения с фашистской Германией, перестать их обеспечивать чем-либо. О необходимости таких предупреждений говорилось и в директиве Ставки Верховного Главнокомандования. Однако правительство Болгарии, которое состояла из лояльной немцам клики, просила перемирия, а порвать с фашистами отказывалась. Всё ими делалось в угоду немцам, которые укрепляли свои силы и наращивали мощь. Очень им не хотелось терять Балканы.

Командующий Толбухин, находясь практически на границе Румынии и Болгарии, понимал это как никто другой, а потому подгонял свое политуправление о необходимости довести до каждого комиссара о требованиях момента, хотя солдаты сами прониклись к местному населению братским чувством. Слова «братья славяне» звучали по всему фронту. И все же предстояло воевать на этой земле, бить фашистов и их приспешников - болгарскую армию на всей территории, независимо : населенный пункт пред тобой или оперативный простор полей. Одним штыком воевать не получится, а пуля, как говорил Суворов, дура и тоже не отличает фашистов от мирных болгар.

Была такая возможность, и в которую хотелось верить, занять Болгарию без боя. Об этом говорил,

находящийся в Москве секретарь ЦК Болгарской рабочей партии Г. Димитров «Вас встретят с хлебом и солью, а не огнем артиллерии и пулеметов». Однако в стране, которую было необходимо занять, были фашисты, и они готовились сражаться насмерть. Иначе не получится. Поэтому, до начала операции, войска любыми способами распространяли письменное обращение, подписанное командующим фронта Толбухиным. Их несли болгарскому народу первые переребжчики. Там говорилось об освободительной миссии Красной Армии и необходимости прогнать или передать фашистов в плен, что является единственным условием прекращения состояния войны. Что в противном случае война – неизбежна.

5 сентября 1944 года Советское правительство объявило о состоянии войны с Болгарией, поскольку новое царское правительство Болгарии во главе с Муравиевым, ничем от бывшего правителя Багрянова не отличалось и вместе с немецкими карателями продолжало бороться против своего народа, которые оказывали настоящее неповиновение и готовили восстание. Протестующих против фашизма болгар они продолжали сажать в тюрьмы, объявляя всему миру о своем нейтралитете.

2.

Настроение у заряжающего минометного расчета Захара Егорова было из рук вон плохое. Их 37-ой армии 3-го Украинского фронта предстояло переправиться через Дунай, прежде чем вступить на землю Болгарии. Ему такому молодому сибирскому пареньку нравилось, что он идет как освободитель по Европе, но будучи сильно чувствительным никак не мог забыть предыдущую свою переправу. От той переправы, у него врезалась в память пристреленная бойцами лошадь. Тогда переправа происходила широ-

ким фронтом. Целых три понтонных моста были перекинута параллельно на расстоянии 50-70 метров друг от друга. Командование могло себе такое позволить потому, что все огневые точки противника были уничтожены нашей артиллерией заранее, а снаряды дальнобойных орудий врага падали в водную поверхность редко и не прицельно. Перетаскивать 82 мм. миномет особой сложности не представляет. Он компактен и незаменим для пехоты. А вот у соседей слева на одной из звеньев моста в пара лошадей были запряжены в полковую 76 мм. пушку. Видимо так было удобней поднимать её на берег. Перед самым противоположным берегом Андрей услышал сильный взрыв, ржание лошади и обернувшись увидел, что именно этот участок моста почти перевернуло волной от близкого взрыва, и одна из лошадей, видимо, дернулась от испуга и упала в воду. Она запуталась при этом в ремнях и тянула за собой вторую лошадику и пушку. Уже выйдя на берег, Андрей услышал выстрел, и оглянувшись понял, что пристрелили лошадь. Видимо она повредила себя так, что не могла плыть, и начинала тонуть, хотя все ремни перерезаны, а пушка с другой лошадию были на месте. Кто-то из бойцов не выдержал и, видимо, решил предоставить ей болюю легкую смерть. Ржание прекратилось вместе с выстрелом.

Отец у Андрея был почтальоном и зимой развозил почту по деревням по санному таежному пути из районного почтового отделения. Лошадь им полагалась по должности и даже доплачивали за подготавливаемое сено и содержание. Все детство было связано этим существом с кличкой «Ходок». Сам он ни за что не смог бы пристрелить такое красивое и очень мирное животное. Ему вспоминались огромные как омуты глаза и длинные ресницы Ходка, и как она вечно махала головой, словно соглашаясь со

всем, что делалось.

Кроме этого случая, старший сержант Захар Егоров никогда не сможет забыть рассказ, услышанный о бывшем лагере для советских и английских военнопленных в районе Слобозия, мимо которого они проходили. От лагеря остались одни воспоминания: большая площадь с останками строений, осколки стекол, недогоревших тряпок и чего-то ещё непонятного, втоптанное в землю. Таких брошенных пепелищ жилья и различных времянок на дорогах войны проходили множество. Но от рассказов жителей и оставшихся пленных лагеря волосы вставали дыбом, и отказывался верить разум. В этом лагере, расположенном недалеко от Болгарской границы фашисты содержали около 18 тысяч советских и английских солдат, но в связи с наступлением русских и свержением фашизма в стране, они покидали бывшего союзника, и не было времени для планомерного и «делового» умерщвления, как в других концлагерях. Уже во время бегства, направляясь в сторону Болгарской границы, группа танков 13-й танковой армии фашистов ворвались на территорию лагеря, откуда вывезли администрацию и принялись расстреливать и давить пленных. Бараки, где некоторые узники пытались спрятаться расстреливались из пушек, разрушались от танкового тарана, а выбегавшие уничтожались пулеметами или их просто давили. Если бы отключить звук танковых двигателей, то стоял бы всеобщий хруст костей и чавканье гусениц от пузырявшейся под траками крови. Это был танец сатаны на костях, а его хохот, подпитываемый душегубством фашистов носился над этим скорбным местом. Многим узникам удалось разбежаться, но около 5 тысяч человек было расстреляно и раздавлено танками. Такое забыть невозможно. Советский воин испытывал то чувство, когда жалость призывает к мести, а рука

до боли сжимает оружие; вырывающиеся из груди стон и из глаз слезы престают слушаться разума : «Смерть – за смерть!».

Именно это чувство солдат предстояло усмирить, хотя бы в малой степени, комиссарами. Они сами, в основном не военные в мирное время люди, прекрасно понимали чувства, испытываемые советским солдатом. Особо нужно было держать на поле зрения тех, кто потеряли на войне всю семью и сражались с яростью, не думая о смерти, или те, кто обнаруживали, освобождая родной край разрушенные свои села, снимаемые с виселиц трупы. Нелегкой была задача требовать от такого солдата, чтобы он показал гуманизм советского воина братьям славянам. Все при этом понимали, что гуманизм его состоял уже в том, что он пришел как освободитель, и если бы он не убивал этого врага так хорошо не жалея себя, то и здесь бы не оказался, не делал бы ещё то, что должен был сделать тот сам. Этого знали всё и, слава Богу, сам болгарский народ тоже. Он еще не забыл о русских героях, освободивших их народ от турецкого ига, и звал советского воина «дважды освободителем».

3.

Оказалось, что можно привыкнуть и тому, что в сентябре может быть такое лето, какое в России мало где встретишь. Привыкнуть можно, как оказалось многому, но не такому радушию, коим их встретил народ Болгарии. Временами война казалось страшным сном. В Болгарии Захару показалась, что он оказался совсем в другом мире: ходили поезда, люди продолжали трудиться и праздновать встречу. Не привычно это было. Болгарская армия стрелять в советского солдата не собиралась, что было, пожалуй, единственным признаком нейтралитета, поскольку

ку царь присоединился к фашистскому союзу, но посылать армию свою на Восточный фронт отказался, а теперь и вовсе сложил «монаршие полномочия».

В первом же городе, куда вошел их полк, уже были наши войска. Бойцы Болгарской армии поднимали руки в знак приветствия, кричали «Добре дошли, другари!» и стрелять не собирались. Полицейские несли службу, давали честь и улыбались, а болгарский народ лез целоваться. К Захару, расталкивая идущих в строю солдат, кинулась девушка в ярко расшитом сарафане и страстно целовала в губы. О, как истосковалось по ласке молодое тело, пропахшее потом и порохом. Запах едва задевших щеки волос болгарки сводил с ума, и прикосновения крепкого и упругого тела поднимали дремавшее где-то в глубине души желание любить. Захлебнуться! Задохнуться, но пусть продолжается это чувство вечно! У Захара кружилась голова, он озирался счастливо вокруг себя и улыбался виновато. Идущие рядом солдаты засвистели и тоже смеялись, завистливо глядя на них, хлопали в ладоши, а девушка, взяв Захара под руку, продолжала идти с ним рядом.

Выяснилось, что батальон решили покормить местные жители. Под деревьями на площади недалеко от здания городской общины были накрыты столы с расшитыми скатертями, где угощали уже не первый «заход». Туда-сюда сновали жители в ярко расшитых одеждах. Командиры пытались настроить своих солдат на легкий завтрак, чтобы уважить хозяев, но это не очень-то получалось. Кухня оказалась своеобразной мясо-сырной, а между этими двумя продуктами, в отсутствии надлежащего догляда командиров, проскакивали кружки с замечательными винами. Было тяжело отказать этим людям, которые все называли тебя братом, а что особо важно – сидящая рядом прижавшись коричневыми как вишни

глазами «сестричке». Она весело глядела Захару в глаза, болтала без умолку, и хотя речь эту можно при желании, понимать почти всю, он ничего не понимал. Уж больно кружилась голова и никак не получалось сосредоточиться. Только улыбался и кивал, соглашаясь со всем, как любимая им в детстве лошадка «Ходок».

- Смотри сержант, не увлекайся. Скоро построение и в путь. Тут военного сословия без нас хватает, - кивал на «сестричку» Марианну командир взвода лейтенант Митин, - дислоцируемся в другом месте.

- Письмо. Адрес, адрес, - говорил ей Захар, и она поняла, что подходит время прощаться и стала писать на переданной кем-то бумажке.

Подошедший с улыбкой дядька в расшитой рубашке с красной безрукавкой, стал говорить, так же кивая на Марианну. Получалось, что она сирота и живет у дальних родственников. Приехали в город после смерти матери, а отец служил в местной полиции, но погиб в тюрьме за связь с партизанами, которым передавал сводку о передвижении Красной Армии. Она при этом смотрела ласково и продолжала улыбаться. Захар молчал, смотрел, не мигая, и не мог унять переполняющую его волну нежности. Они еще обнялись перед построением, и она провожала батальоны, отставая понемногу, пока совсем не остановилась, прислонившись к огромному дубу.

Советские войска, верные своим обещаниям не предпринимали никаких военных действий, но снабжали необходимым вооружением новую болгарскую армию, созданную новым правительством, которая объявило войну Германии. Перед 3-м Украинским фронтом была Югославия. Партизанское движение там было сильным и победное шествие продолжалось.

Американский военный деятель Дж. Маршалл писал в эти дни: « У меня такое чувство, что русские даже довольны нашим топтанием на месте у линии Зигфрида. Создается впечатление, что инерция их глубоких ударов легко приведет войска в Берлин и, возможно, дальше». А верховный главнокомандующий союзными войсками в Западной Европе генерал Д. Эйзенхауэр выскажется о возможных пересмотрах планов наступления. Какие бы не были конечные цели политиков: будь то экономическое значение Балкан, или возможность проникновения в Восточную Европу «большевистской заразы», но была ещё одна великая цель – освободить мир от фашизма. Этим, не обращая никакого внимания на политиков разных мастей, занимались обыкновенные люди, составляющие народы этих стран. Один из них - Захар Егоров широко шагал по Европе как брат-освободитель проливая кровь, теряя товарищей и не было никакой силы извне, способной запретить ему делать это.

4.

В Югославии, в момент перехода границы, уже действовала народно-освободительное войско под командование И. Б. Тито, которое освободило значительную часть страны. Однако против наступающих сил советской армии противостояла армейская группа фашистов «Сербия», а в самой столице решался вопрос о её обороне. Немцы окружили Белград двойным кольцом. Второе кольцо окружения проходило уже среди жилого района окраины города. На улицах были устроены баррикады, в огневые точки превращены чердаки и подвалы. Кроме того, по случай отступления, фашисты заминировали административные здания, водонапорные станции и даже памятники культуры. Советское командование уже догадывалось об этом, ибо знало коварство немцев. Они

понимали, что такие «сюрпризы» будут установлены врагом во всех городах Европы, покидаемых ими под натиском Красной Армии. Было для этой цели выделены целых семь инженерных батальонов, которые шли сразу за наступающими и, как оказалось, не зря. Ими были разминированы более 800 объектов, которые должны были взлететь на воздух.

Особо высоко была оценена роль легких минометов, которым в таких условиях не было цены. Уличные бои не давали возможности использовать орудия на полную их мощь. Проходить всевозможные рвы, завалы не было никакой возможности под пулями фашистов. Кроме того, как не говори, бои шли в чужом городе, а потому командование требовало, чтобы разрушений было как можно меньше и принимались все меры по эвакуации жителей квартала. Стрельба нужна была не настильная, а навесная. Весь расчет миномета, где служил Захар, чувствовали себя настоящими именинниками. Отношения к ним со стороны пехоты стали самые уважительные. Желających быть возле них подносчиками мин было достаточно. Особенно старался ефрейтор Гриша, огромного роста пехотинец, над которым все посмеивались, но и любили за простоту и детскую наивность. Силы в нем было немерено, и сам он был такой уволен и никогда никуда не спешил. Даже когда ползал по пластунский, задираал зад и двигал им в стороны, выделявая такую ходячую сопку, что командиры падали, хватаясь за живот. «Ты что на врага работаешь, корректировку даешь – куда стрелять надо?». «Нет», - говорил он серьезно и улыбался виновато. Был он деревенский, откуда-то из-под Перми и часто вспоминал деда, который делал отличный самосад. Толи он не тот сорт выращивал, как все остальные, толи сушил и крошил табак по особенному, что он раздирал горло, как деревенские говорили «по самую задницу».

Всё обещал Гриша, что ему пришлют самосад, и он угостит всех, но вот жаль только не может, поскольку де сам меняет в последнее время одну европейскую страну на другую. Где тут табаку дождешься, когда фриц подождать не может и отступает часто.

Гриша умудрялся таскать аж по три лотка мин за раз, ступая снова во весь рост, а там девять мин (по три в каждом) тянули почти пятьдесят килограммов, но он передвигался «как порожняком» и все просил у Захара, укладывая рядом лотки: «Дай стрельнуть». Захару хотелось смеяться

- Ну, ты и впрямь как ребенок, Гриша. Что значит «дай стрельнуть»? Как рогатку просишь пострелять, что за желание опустить мину в дуло? У нас отработана такая скорострельность, а от этого много зависит.

Гриша не унимался, уходил и подходил снова и, конечно же, снова забывал, что хотя бы для видимости надо время от времени нагибаться. Шел во весь рост и говорил вполне серьезно

- Я обязательно напрошусь в ваш расчет, когда кто из вас погибнет, - говорил он очень серьезным видом, - хочу быть минометчиком.

И снова улыбался.

- Слушай, уйди не смеши, - говорил ему наводчик Якушев, - собьешь меня. Хрен ты дождешься, чтобы мы место тебе уступили таким образом.

Гриша все равно улыбался, не понимая, почему он не может стать минометчиком и говорил под нос «Я дождусь».

Миномет был еще и тем опасен для немцев, что быстро мог менять место и появляться в другом участке, где его совершенно не ожидали. Бойцы расчета уже давно отработали под секундомером свои действия. Миномет разбирался быстро: один хватал ствол

с казенником, которому другие подсобляли быстро заправить в специальный выюк за спиной, второй брал двуногу-лафет, а третий – опорную плиту. Пространства большего для него не требовалось, а увеличив угол ствола до 80 градусов, он мог уничтожать фрицев за домами, находящихся совсем недалеко от себя. Наводчик Якушев набил руку так, что настраивая угол около 50 градусов, мог бить прицельно до полутора километров. «Можно и до трёх КМ,- говорил он, - но это уже работа полевой пушки, а не моя».

Последним наши войска захватили крепость Калемегдан, и столица очередной страны была освобождена. Их расчет там не участвовал, но в бою за Белград отличился особо, что пообещали отправить наградные и, пожалуй, на ордена. Расчетом было уничтожено до тридцати фрицев и четыре огневые точки. Особую роль они играли в передвижении наступающих сил. Немецкие орудия и пулеметные точки поджидали наступающую пехоту русских уже на пристреленной ими площадке, между двумя домами. Они уже представляли, как трупы советских солдат будут падать друг на друга, на этом узком проходе, но в это время их самих накрывала мина, падая с неба, перелетев целый квартал. Сколько жизней своих товарищей они спасали при этом?

И действительно в это время англо-американские войска стояли с осени 1944 года на линии Зигфрид Западного фронта, вплоть до января 1945 года, не сделав ни шагу в сторону наступления, о чем и писал Дж. Маршалл. Они наблюдали, имея превосходящие над фашистами силы, как СССР освобождает Восточную Европу, на амбразуры, естественно так же бросались. Возможно, что это и было гуманным по отношению к своим солдатам. Вполне возможно...

Захар был тяжело ранен на территории Венг-

рии. В декабре 1944 года они сдерживали наступление врага, который во что бы то не было, пытался вырваться из окруженного Будапешта. Немецкое командование было намерено деблокировать кольцо, вытаскать свои окруженные войска из города во что бы то стало. В ударную группу немцев входили 4-й танковый корпус СС, переброшенный из Польши в составе пяти танковых и трех пехотных дивизий. Кроме того использовалась пехотная дивизия, прибывшая из Голландии, а в небо были подняты более 700 немецких самолетов. Расчет Захара был уничтожен авиабомбой в ночь на Новый 1945 год под Будапештом.

Захар долго ехал без обеих ног в санитарном поезде и был помещен в госпиталь города Уфы, где собирались укоротить его культяпки, отрезанные чуть выше колен ног ещё выше, в связи с начинающейся гангреной. В пору было застрелиться, а утешительные речи врачей и соседей, вызывающие сначала слезы безвыходности теперь только раздражали. Вместе с вещмешком, где лежали кусок мыла, полотенце, остатки гетрадки и солдатское белье в госпиталь передали документы, где среди листочков солдатской книжки лежал адрес болгарской девушки Марианны, которую он, после освобождения всей Европы, собирался забрать к себе невесткой для любимой мамы. Сколько раз он предавался мечтам в окопах, представляя, как заедет в этот болгарский город, снова прижмет её к груди и больше никогда не выпустит, и как будет радоваться мать его счастью и как они ранним зимнем утром проедутся по санному пути, на легкой кошевки, запряженной Ходком, а с двух сторон будут расти высокие сосны в серебряном инее. Пусть и она посмотрит, какая она Россия. Не вышло.

«ГЛОБУС»

1. В интернате

Жизнь в школе-интернате была вполне сносной, и кормили почти хорошо, а если перед отбоем на сон хотелось сильно есть, то они умудрялись стащить пару булок хлеба в интернатовской столовой, которые разламывали на куски и запивали водой. А еще лучше, когда у них был порошок Уппи, который превращал обыкновенную воду в сладкую фруктовую водичку. Такой порошок стоил копейки, но и таких денег нужно было доставать. Самым терпеливым человеком и почти другом для них стала ночная няня баба Клава, которая отвечала за сон всего первого этажа, Ребята не хотели её подводить, но все равно убегали через форточку, поскольку сами окна были забиты гвоздями. До утра ребята старались вернуться и возвращались за редким исключением потому, что за такое могла пострадать баба Клава. Ребята осуждали таких товарищей. Старшекласников в интернате почти не было, их после исполнения четырнадцати лет отправляли спецшколы или специальные ПТУ, а потому восьмикласников было всего четверо пацанов и девчат семь человек. Они жили в отдельном крыле здания, там работала другая ночная няня, но молодая и строгая. Там и порядок был всегда, хотя ЧП иногда тоже случалось. У младших порядка было меньше толи потому, что их было больше, толи из-за того, что они никак не могли привыкнуть к такой жизни. Их тянуло к матерям, которые пьянствовали и позволяли бегать беспризорно и делать все, что хотят. Домашняя обстановка все равно была тем, без чего дети не привыкли жить, а

потому убегали часто. Возможно, что им хотелось ласки и заботы родных людей, а потому часто ревели по ночам, стараясь скрыть от других, всхлипывая тихонько под одеялом. Убегавших ловили на различных станциях и возвращали назад.

Витек еще ни разу не убегал, хотя и проучился в четвертом классе уже целую четверть. Убегали в основном те, чьи родители жили недалеко и иногда приезжали. Бабушка Маруся, у которой жил Витек жила далекоовато и никто из ребят не знал в какую сторону ехать и до какой станции. Отца у него не было, а мать уехала куда-то, оставив его с бабушкой, и пропала. Учился Витек нормально, а по математике и новсе получал пятерки, что его уже начинали звать «математиком», но классный руководитель Людмила Валентиновна дала ему кличку «Глобус». Она всех ребят обзывала по своему, и эти «дразнилки» прилипали к ним раз и навсегда. К этому уже все привыкли, и стоило ей обозвать новичка, и тут же тот обретал свое новое имя. Витек был ростом маленький, но голова у него была до того круглой и правильной формы, что это было заметно всем. Скорее можно было бы обозвать его «колобком на шее», но Людмила Валентиновна сказала свое веское слово, и он остался «Глобусом».

Жить у бабушки было хорошо: сытно и вольно. Она никогда его особо не баловала, но и не наказывала никогда. Витек так же не хотел её огорчать. Жили они в двух комнатах длинного двухэтажного деревянного барака в районе железной дороги. С двух сторон барака с торца были пристроены туалеты, а по коридору в обе стороны шли комнаты. Во дворе напротив барака, так же на всю его длину, шли деревянные гаражи и сараи, оббитые кое-где железным листом. Там же был и сарай Мишки, который проживал на втором этаже барака и дружил с Витьком, хотя

был на два года его старше. Витя часто пропадал в сарае у Миши, где у того имелся мопед «Рига». Мопед был старый и, если малость покатаешься по двору и своей улице, приходилось снова ремонтировать. Это их занимало и было не до пакостей. Но и надоедало.

Первый свой мопед они угнали от магазина и долго держали в сарае у Мишки, пока не начали разбирать, чтобы собрать один из двух. В тот магазин они раньше не ходили, поскольку все необходимое было рядом в железнодорожной лавке, но их туда направила мать Мишки со списком товаров для ремонта. Отца у него тоже не было, а мать работала где-то стрелочником и часто дома не ночевала. Мишка был нормальным и воспитанным ребенком, что баба Маруся часто говаривала своим соседкам на скамейке, что он малец не вредный, не «фулиган», а к тому же с ним они всегда находятся перед глазами под присмотром. Они действительно были нормальными ребятами, но мопед оказался именно в том месте и в нужное время. Его за руль вел совершенно пьяный дядька, который уже не мог ехать, а после и вовсе прислонил к забору на углу переулка, где был магазинчик стройматериалов, а сам, шатаясь поплелся дальше. Видно было, что ему мопед мешал, и он не раз падал из-за него. Еще сыграло роль то, что мопед был именно такой же и тоже сборный. Ну как тут мимо пройдешь.

- Возьмем?- как-то жалостливо спросил его Миша, словно это был Виткин мопед – Все равно его кто-нибудь украдет, раз он так бросает где попало.

Действительно в это время ребятам казалось, что лично они могут просто «Взять» этот мопед, раз хозяин бросает, где попало, а другие обязательно «Украдут». Витя, молча качнул головой в знак согла-

сия, и они вдвоем покатали «взятый» мопед к себе, отпядываясь бесконечно раз назад. За ними никто не гнался.

Движок от этого мопеда оказался таким безотказным, что ребята поставили его на свой мопед и очень быстро перестали бояться. Они и купаться на нем ездили в пруд, расположенный в двух кварталах, меняясь по дороге, управляя по очереди. Все соседи знали, что у Мишки мопед был всегда, а потому внимания никакого не обращали. Таким же образом ребята увели от подъезда конторы коммунальных услуг велосипед, на который поставили старую черную раму, которая валялась тут же давно между двумя сарайками. Снова никаких вопросов к ним не возникло – ребята собирают из старья технику и флаг им в руки. Лишь бы не хулиганили и не курили, иначе могут учинить пожар. Этому боялись все жильцы, а всё остальное значение не имело. Уже второе безнаказанное воровство стало восприниматься ребятами как игра с таким замечательным концом, когда они становятся, как взрослые, собственниками таких серьезных и необходимых вещей. Это поднимало их в собственных глазах и перед поселковскими, которые жили за перекидным железнодорожным мостом.

Двухскоростной мопед «Верховину» Витька украл один, с привязанными к раме удочками и саком от магазина «Охота и рыбалка», но уже без шалости, а с применением всего, что знал или видел в кино. Он наблюдал за хозяином мопеда и даже заходил за ним в магазин, но увидел, что тот пошел далеко от входа к отделу, где продавали спортивные товары. Мопед Витя увел не спеша за дома, где он завелся с одного раза. «Верховина» была пределом мечтаний всех пацанов, кого он знал. К тому же очень хотелось похвастать перед Мишкой. Ему и вправду завидовали все ребята, и он уже стал помогать другим

обзавестись техникой. Однако, в связи с тем, что в районе стали пропадать множество мопедов и велосипедов, милиция взялась-таки всерьез, и Витек сидел у них буквально через два дня с момента создания оперативной пары: участковый инспектора и инспектора по делам несовершеннолетних. Пацаны района друг друга знали хорошо, были в курсе – кто на чем ездит, а по простоте своей (или даже от зависти) могли наговорить все что угодно. Так Витя и попал в школу-интернат, поскольку бабка не переставая талдычила, что уже старая, а потому не сможет ходить за внукам и держать за него ответ тоже не собирается.

В интернате после обеда свободного времени хватало тоже, но заняться особо было нечем. Гонять футбол надоедало, а торчать в спортзале летом и вовсе не хотелось. Ребята часто выходили в город, но жители их недолюбливали. Не было у них какой-либо особой формы одежды и было удивительно то, что их всегда и всюду узнавали как интернатовских, редко при этом кто давал что-нибудь вкусненькое. В основном гнали в шею, чтобы не портили их сыновей или, не дай Бог, своровали у них что. Глобус часто рассматривал себя в зеркало и видел, что ничем от городских ребят не отличается, а напротив, очень даже хорошо смотрится по сравнению с Гошиными товарищами из теплотрассы. Как люди его отличают в трамвае от других? Не мог он еще понять, что взгляды у интернатовских всегда «затравленные» от отсутствия ласки и внимания, испуганно-внимательные, готовые сорваться в бега или дать отпор тем, кто может «погладить против шерсти». Даже речь у них была иной. Было в них еще что-то презрительное к себе подобным из «городской мелкоты». Все эти особенности вместе взятые всегда выдавали их, как говорит баба Клава, потрохами.

Именно потрохами выдал вид Глобуса его интернатовскую сущность трем дядям, курящим на скамейке сквера. Поманили они его вполне мирно, и Глобус сразу своим интернатовским чутьем понял, что эти бить не будут, хотя и далеко не студенты. Такие могут дать и покурить.

- Привет, пацан. Интернатовский, вроде? Давай выкладывай – кто такой, как зовут и как идет учеба, - хохотнул один из них, которого звали Валерка, - Садись. В ногах правды нет.

- Да, там я живу, - ему не хотелось повторять слово «интернатовский», - а зовут меня Глобус.

- Как, как? Глобус?, - засмеялся другой дядька, которого эти двое, как было видно, слушались и побаивались, - Ты, брат, как я погляжу, серьезный перец. Ну, давай тогда подружиться. Меня величают Сан Санычем. Запомни это. Ты, видать, тоже хочешь покурить? Но это, брат, детям нельзя при мне делать, хотя Валера даст пару сигарет. Потом покуришь. Сам я не курю и тебе не советую. Валера, угости Глобуса, не жадничай, он наш парень. Он и завтра суда придет к полчетвертого. Придешь, верно?

- Приду.

2. Начало

- Дурак ты, Валера. И работать ты тоже не умеешь, потому что нет в тебе ни капли сообразительности и художественного подхода к нашей деятельности.

- Чего-чего? Объясни, Факстрот, - Валера проговорил это как всегда по привычке, как он научился разговаривать с авторитетными людьми. - Я академиев не кончал.

- «Чего-чего?», - передразнил его Факстрот. -

Херовый ты подельник, вот чего. Ни на что не годишься. Наш окрас - это квартирные кражи, понимаешь ты это? Это кража с проникновением в жилище - как сказано в уголовном кодексе- понимаешь? Авторитетная статья, между прочим. Даже у хозяина уважают тех, кто по ней чалится. А нас, по твоей вине за что уважать, скажи мне? У нас научная организация труда, а кто у нас отвечает за наводку? Ты где надыбал последний раз такую хату, где ничего кроме двух колец и трехсот рублей не оказалось? Итить кудрить! И это называется - хату опрокинули? Слушай суда, дурья башка, за такую санкцию, сколько предусмотрено по этой статье такую мелочь брать нельзя. Наводчик отвечает за благополучие в квартире больше хозяев. Заруби это на носу. Да ты знаешь, что над нами даже менты сейчас смеются. Всё! Пока недогоревшими спичками на пятых этажах не балуемся. Чуток свой окрас поменяем. И смотри теперь суда, Валерик. Смотри и слушай. Где хочешь, но срочно найди богатую хату на первом этаже. Если не умеешь, как карманники сопровождать буржуев из магазинов драгоценностей до дома, то хотя бы изучи, как они одеваются, как хата обставлена, есть ли техника. Работать надо.

- Но это же не наша специальность, Факстрот, - удивился до сих пор молчавший Таксист, - мы же всегда бомбили последние этажи, проверяя со спичками в дверях отсутствие хозяев. А тут народ со всех этажей начинает свой подъем с первого этажа.

- Ну, во первых можно и частную хату опрокинуть, а во вторых у нас будет свой форточник. Это я беру на себя. Ты думаешь, я зря себя обозвал Сан Санычем? Нет, брат. Этот Глобус мне приглянулся сразу, маленький и юркий, - улыбался Факстрот, - Уже завтра начну обрабатывать. У меня осечек не бывает.

Так с легкой руки (с легкой ли?) квартирного поря Шабанова Юрия Александровича, несовершеннолетний Витя Самарин , теперь уже Глобус, превращался в вора-форточника. Первым его «делом» был богатый частный дом оперного певца с его домработником, который в отсутствии хозяина стал частенько убегать к дамочке сердца на весь вечер, надеясь на крепкие запоры, наличие овчарки и светлое время суток. Ночи он ночевал на месте и всегда один, поскольку дамочка идти туда боялась. «Да и кто днем полезет, когда кругом забор и кавказская овчарка во дворе? - думал домработник Артур, - Не первой, ничего не случится».

Его характер, время уходов, наличие в доме модных вещей Валера изучил досконально. Дело за Факстротом тоже не заржавело

- Понимаешь, Глобус, что такое женщины? Это брат оборотни в юбках и живут только тем, что кроме золота, денег и тряпок ничего не ценят. Потом ты поймешь всё это. Не спеши жениться, когда вырастишь. Это мой тебе совет. Моя баба вог меня выгнала и живет теперь с другим хахалем на всем готовеньком. А знал бы ты, сколько я пахал на прииске, чтобы все это заработать. Теперь этот козел пользуется всем этим. Где справедливость, как думаешь? Нет справедливости, потому как она баба. Они завтра уезжают куда-то, и я хочу забрать все вещи обратно. Ну, не все конечно, но самые дорогие мне украшения, деньги, добытые мной тяжелым трудом и все, что ей дарил. Пусть тот хахаль ей теперь и дарит, понимаешь меня, Глобус? Это надо повернуть, но только ворота у них закрыты, а во дворе псина злая. Решетки у неё на окнах такие редкие, и хотя сами рамы закрыты, можно проникнуть твоей комплекцией через форточку. Мы берем своё и бояться тут нечего. Если что, мы все трои будем

рядом. Поможешь мне, Глобус?

- Конечно, помогу, я ведь даже и воровал раньше. Брал мопеды и велосипеды, и тут всё сделаю. Я тоже думаю, что её надо наказать за жадность.

- Ну вот и правильно, дай руку, - воскликнул Факстрот, - ты, Глобус, настоящий друг, не то, что другие. В твои годы даже воров и тех ещё не сажают, но все равно надо быть поосторожней, чтобы соседи не слышали и не видели, что это её бывший муж увозит вещи. Со стороны улице тебя тоже не видно будет. Работать будешь за густым кустом сирени. Сделаем, друг?

- Сделаем дядя Сан Саныч.

Валера, ещё в первый раз когда выходил домработник Артур, видел что по двору у «солиста хренова», как его окрестил Факстрот, бегают огромная кавказская овчарка величиной чуть ли не с корову. Собака была на привязи, но кольцо цепи свободно перемещалась по всей стальной толстой проволоке, которая тянулась по всему двору. Она могла достать как до ворот, так и до двери дома. Однако и вправду собаки такой породы особо не лаяли, а если лаяли так не очень громко, как остальные дворняги. Факстрот, который любил изящную словесность и всегда был рад применить эту особенность при разговоре с подельниками, давал Валере новое задание:

- Собака кавказской национальности говоришь? А что? Они тоже люди, но не бакланы, а потому говорят мало и только по делу. Не то, что ты. Они, Валера, действительно мало лают и как-то глухо, соседей не оповестят. Однако ты побросай несколько дней подряд хорошей колбаски через забор. И в день, когда пойдем на дело, тоже бросишь перед самой акцией. Понял?

- Ну ты скажешь, Факстрот. Где я возьму такую колбасу, которую солисты оперы едят?

- Не умничай, Валера. - отвечал ему Факстрот сквозь смех. - Этот солист хренов не Лучано Поворотти и даже не Коля Басков, чтобы лучше нас домушников питаться. Скоро и их любимое государство кинет как последних лохов. В моде останутся только одни певички, которые сиськами на сцене хорошо трясут. Вот где нужно искать настоящее искусство. Отстаешь от жизни.

Все обошлось как нельзя лучше, и пока тузик кавказской национальности жрал колбасу домушников, Глобус легко проник через форточку и прутьев решетки, рассчитанные на формат взрослого человека. Лекция Факстрота о возможности нахождения денег между стопками белья тут помочь не могла, поскольку солист хренов не был женщиной, а впрочем, и не особо мужчиной. Деньги хранил как мужчины, но и золотом, как все женщины, не брезговал. Глобус вынес множество золотых безделушек и немалое количество денег. Карманы свои он набил конфетами. Факстрот эти конфеты решил оставить при пацане взамен обещанию, что он никогда никому не расскажет про сегодняшний вечер. «Менты и без того будут знать, что тут не обошлось без форточника, - решил он, - но впредь нужно проворачивать дела подальше от этого района города, где расположена школа-интернат. Пацана нужно как-то обезопасить. Золотая жила». При Глобусе его, как того требовала конспирация, продолжали звать Сан Санычем.

3. Вор-одиночка

На такие дела Глобус а брали не часто, но если брали, то работали далеко в другом районе. Вор-

вать на пятом этаже они не перестали, но теперь не успокаивались тем, что спичка на месте, а значит – хозяева не приезжали. Для начала отправляли туда мальчика. Глобус звонил в эту квартиру, и только после этого шли в ход отмычки или подбор ключа.

В милиции действительно думали, что квартирными кражами занимаются две разные преступные группы, поскольку при проникновении через дверь, если брали Глобуса, Факстрот тщательно проверял карманы пацана и не разрешал брать сладости. Его и без того кормили всем, чего он пожелает после каждого удачного дела. По адресам, где проникновение совершено через форточку, всегда брали конфеты и даже ели там же на месте, оставив буквально на столе опорожненные наполовину банки из-под варения.

И все же воровать стало тяжелее. Некоторые люди теперь стали богаче, проводили евроремонты, а за одним стали сдавать хагу прямо в ментовскую охрану. Заберешься к таким, а на пульте у ментов загорается лампочка. Их один раз уже чуть было не поймали таким макаром. Тогда их спасла тоже техника и приобретенная привычка открывать или взламывать заранее люк на чердак. Факстрот с Валерой уже были в хате, когда по мобильному позвонил Таксист и успел предупредить, что охрана мчится с «маячком» и скорее всего по их душу. Успели уйти через чердак и другой подъезд. А вот бы зазевался Таксист или пошел за угол нужду справлять, и копец всей компании. Долгое время после этого на дело не ходили, да и не попадались хорошие адреса, чтобы подломить что-нибудь стоящее. Приходилось выезжать по районным городам и перебиваться на мелочевке.

Сан Саных долго не показывался, а вернее сказать не посылал к Глобусу Валеру, который обычно

приходил в таких случаях покурить, прислонившись к интернатовской ограде со стороны, где расположено кочегарка. Пацаны, которых обычно угощал Глобус вкусненькими штучками стали на него вопросительно поглядывать.

- Где твои родственники, Глобус? Опять куда-то уехали?

- Да, - соглашался он в таких случаях, - Сан Саныч на приiski уезжает. Он золото добывает на севере, но вот-вот приехать должен, в эти дни.

«Была - не была, - решил он, - надо залезть в этот дом за стадионом одному. Возьму только сладкое и курево, если есть. Сан Санычу про эту кражу тоже не скажу. С ребятами пожрём за стадионом. покурим».

Дом этот он заметил несколько дней назад. Калитка ворот глухого двора закрывалась на ключ. Он сам видел, как оттуда выходила тетя и ушла, закрыв калитку на ключ. Он подошел к воротам и посмотрев в щель увидел, что на дверях в дом висит амбарный замок. Собаки также не было. Если перелезть через заборчик в палисад и обойти дом со стороны огорода, то форточка во дворе всегда открыта. К тому же его никто со стороны улице не увидит. Он будет в закрытом дворе орудовать не спеша. Глобус уже не первый день проходил там и подумал, что тетенька, скорее всего, целый день находится на работе. Уж больно заманчивый был домик. «А тетеньки конфеты любят», - чуть ли не вслух он проговорил прямо на уроке. Надо сегодня же и залезть, пока не выходной день.

Спускаясь через форточку прямо на маленький столик. Глобус опрокинул красивую тоненькую вазочку с живыми цветами, что полилась вода. Он спрыгнул на пол и увидел что-то похожее на маленькую кухню, а рядом за проемом без двери с краси-

выми шторами начиналась комната. В кухне, кроме посуды, стульев и умывальника ничего не было. В комнате с двух сторон были заправленные красиво кресла, а напротив, между двумя окнами со стороны улицы стоял буфет так же с различной посудой. Глобуса интересовали нижние закрытые створки буфета и открыв их он сразу обнаружил то, что искал. Конфеты находились в низеньких красивых посудах в виде широких и неглубоких тарелок. Тут же нашел вафли две пачки, как специально приготовленные для него. Еще были простые конфеты карамельки в мешочке. Рядом находилась еще одна, снова маленькая, комната, где находились кровать, журнальный столик и шифоньер. Там между сложенными пластами белья нашел деньги. Учение Сан Саныча не пропало даром, видимо, женщины все там любят хранить деньги. Деньги Глобус тоже решил взять. «А что, - думал он, - конфет тут немного, а нас пацанов не мало, покупать будем». Кроме того, он прихватил из буфета красивую с узорами круглую маленькую посудинку с крестиком сверху, и хотел было уже уходить, как заметил на столике фотографию девочки в раме. Обыкновенная девчонка с белыми бантиками смотрела с широко раскрытыми глазами и улыбалась. Большие искрящиеся её глаза смотрели озорно и осуждающе. «Не хорошо так, мальчик, - словно говорила она, - мама расстроится, меня ругать будет». Была она очень красивой, каких Глобус еще никогда не встречал, и будто разговаривала с ним. Фотографию он взял также и все «свое имущество», кроме конфет с вафлями, спрятал после в своем секретном месте в углу стайки, где хранился уголь для кочегарки интерната. Все вроде было сделано, но с этого дня он не мог найти себе место. Ему все время хотелось смотреть на девочку из фотографии и разговаривать с ней. Брать с собой и поставить на тумбочку он не мог,

будут дразнить женихом и невестой. К тому же очень ему хотелось, чтобы на неё смотрели все пацаны. Он хотел её видеть и разговаривать один. Потихоньку он научился прятать фото в отдельном кармашке ранца, где карандаши с линейкой, и разговаривать даже на уроках.

В красивой круглой посуде, с открывающейся крышкой находились разные украшения, Там были перстни, цыпочки и брошки, но оказалось, как говорил кочегар дядя Ваня, это было пасхальное яичко с бижутерией, которая и близко с золотом не лежало. Видимо это все принадлежит девочке. «Вот бы вернуть и познакомиться с ней. Интересно, что бы он ей сказал? Чтобы она сказала?»

4. Родительский день.

Сан Саныч с друзьями куда-то пропали и не появлялись. Было скучно, и он стал ходить в студию ДК на вокал. Туда его привела Лариска-Бориска, как они обзывали учительницу пения. Вообще-то её звали Лариса Борисовна, и она с первого раза на уроке пения наострила уши, пытаясь определить - чей такой голос из общей толпы выделяется? Неужто этот круглоголовый Глобус имеет такой тембр и родниковой чистоты голос? Совсем незаметно при разговорах. А ведь, вроде и не старается особо, а просто следует толпе, а ловит музыку тут же и не ошибается, словно сам писал. «Надо его показать. - решила Лариска-Бориска- Пади уже курить начал, такой голос испортит. Жалко будет. Дает же Боженька кому-то»

В студии с их группой из трех человек специально занималась преподаватель, которая заставляла по множеству раз повторять и внятно выговаривать слова, учила упражнениям для дыхания. Однако

же учить Глобуса наравне с другими не стали боясь, что голос он все же сорвет, а поскольку голос действительно был чудесным, заучивали сразу песни и начали приглашать в различные мероприятия, где выступали дети. Сам Глобус особого внимания на это не обращал, хотя было приятно, когда кричат «Браво!» и так бурно хлопают. С Сан Санычем всё же было интересней. Парнишке нравилось, как он хотя и боится, но все же так ловко может залезть куда угодно. Восхищения мужчин звучали более конкретнее, чем овации на концертах, и сопровождались материальным вознаграждениями. Там с ним все из компании обращались как с равным, предлагали сигарет, давали прикурить и это так же нравилось. Кроме того, Глобус замечал, что Сан Саныч обращается с ним даже лучше, чем с Валерой или Таксистом. Однако же куда они пропали. Неужели в тюрьму посадили? Нет. Их не поймают, они хитрые, а Таксист так ловко водит машину, что уйдет от любой погони. Они – настоящие крутые, и Глобус, когда вырастит, будет таким же, а может даже и лучше, чем Сан Саныч. Он так же не будет обижать пацанов и будет говорить как с равными.

В один из дней его позвали Колька с Гошей на кладбище, чтобы поесть сладкого, видимо тоже решили поделиться с ним. Он же всегда делится. Глобус не хотел с ними идти. Он знал, что Гоша водится даже с ребятами, проживающими в подвалах, нюхает с ними клей и краску. Все же они уговорили его.

- Ты чего, Глобус. Там знаешь как хорошо? Это же называется родительский день и нас даже стараются угостить все. Возле могил сидят люди и угощают всех ребят, а особенно интернатовских. Вот сам увидишь.

Раньше такого Глобус не видел, и было интересно. Почему туда идут люди с конфетами и ждут

интернатовских? Они что не могут прийти во двор интерната и раздать конфеты?

- Врежь ты, Гоша. Я, на всякий случай пойду, но смотри, если наврал. Я тогда сам тебя угощу бесплатно, - погрозил он кулаком.

Однако все оказалось иначе. Там могли покормить всех людей, кто попросит, и не ругали тех, кто брал разбросанные на могилах конфеты. Гоша чувствовал себя как дома, обходил одну могилу за другой и шел туда, где было много народу. Его даже подзывали к столикам и угощали пирожками.

- Вот еще это возьми, поешь. Покойный любил детей. Ты, видно, интернатовский? Позови друзей, чего один? Идите ребята, поешьте.

Глобус понял, что их угощают от имени мертвых, а потому не хотел брать ничего, но и отказываться тоже стеснялся. Тогда получается, что он брезгует. Он старался отстать от Гоши с Колькой и пошел в обратную сторону, где народу было меньше.

- Мальчик, не отказись, помяни мою дочку, - ему протягивала руку с кусочком пирога женщина в черном платке, - покушай, пожалуйста. Не отказись.

На глазах у неё стояла такая мольба, что никак нельзя было отказать. Когда Глобус взял пирог, у неё на лице выступила такая благодарная улыбка, что ему сделалось совсем легко и не стыдно. Ему показалось, что она похожа на его маму, хотя совсем её не помнил. Она, его мама, наверное, такая же добрая, если конечно тоже не умерла. Так он подумал потому, что слышал от старухи с их барака, которая говорила бабе Марусе про его маму «А может и живых-то её нету, иначе бы показала сыну-то».

- Садись мальчик, посиди со мной.

Она снова посмотрела на него так нежно и со слезами, что Глобус решил подождать возле неё своих друзей, посмотрел на могилу еще раз, его тут зат-

рясло и он упал в обморок.

Женщина перепугалась, предполагая, что мальчик в интернате голодает и у него что-то с желудком. Едва привели в чувство, как Глобус вырвался с ревом и убежал. Это был его первым побегом, ибо в интернате не появлялся, пока не поймали на вокзале незнакомого ему города и не поместили в спецприемник для выяснения личности. Однако ребенок был слаб после нервного срыва и нуждался в реабилитации. После оказания медицинской помощи, через полторы недели его вернули снова в школу-интернат. Глобус был похудевшим, но задумчивый и совершенно другим по характеру. На вопросы он почти ничего не отвечал и повторял только то, что у него закружилась голова и он потом заболел.

- Здравствуйте. Вы меня не помните? Вы угощали пирогами на кладбище, - Глобус хотел было облокотиться о косяк, но как-то неловко, что чуть было не упал, а после засмеялся, увидев, как женщина бросилась удерживать его. - Не бойтесь, я больше в обморок не падаю. Это было первый и последний раз. Мне надо вам сказать что-то, поговорить.

- Это очень хорошо, что ты зашел ко мне, я долго думала о случившемся, беспокоилась очень, искала тебя по больницам. Ты просто молодец, что зашел. Сейчас чайку попьем. Меня можешь звать тетей Надей, а тебя как зовут?

- Глобус. Нет, вернее меня зовут Виталием, - замялся малость, помолчал опустив голову, заплакал, падая на грудь к женщине, - Простите меня. Простите меня тетя Надя.

Женщина так заботливо обняла его и плакала вместе с ним. Ей казалось, что обрела снова ребенка, но уже в другом облики.

- Живи у меня Витя, живи здесь. Я ведь узнава-

ля, ты в интернате живешь. Я все устрою, все устрою, Витя, мальчик мой.

- Вы же не знаете! вы же ничего не знаете! - причал сквозь слезы Витька, - Вы меня не возьмете к себе! Никогда не возьмете. Вы даже не знаете, откуда я адрес ваш узнал.

- Да, подумаешь адрес. Мало ли откуда можно адрес узнать. Давай садись, чай пить будем, - она приходила в себя, уже спокойная и решительная, - а как жить дальше, поговорим потом. Садись вот сюда возле окна. Тут дочь моя, Маринка любила сидеть.

Однако от этих её слов Витя заплакал опять и упал перед ней снова на колени и продолжал говорить, боясь, что она не даст ему выговориться:

- Это я тут... Я украл ваши деньги и конфеты. Я украл фотографию вашей дочери Маринки, и узнал её на памятники, свами у могилы. Там такое же фото. Это я всё. Я! Я! Позвоните в милицию, пусть меня посадят. Пусть посадят. Я - плохой, плохой я!

Начинать разговаривать нормально получилось спустя почти час. Надежде Петровне стоило много нервов и усилий над собой, чтобы успокоить Витя.

- Ну всё, Витя, всё. Только завтра не забудь вернуть фотографию, я так к ней привык. А воровать ты ведь больше не будешь, верно же? И в гости ко мне ходить начнешь, да? Ну, вот и хорошо. А со временем перейдешь жить ко мне. Я ведь совсем одна, Витя. Совершенно одна. Ты вырастишь мужественным и честным человеком, а все что было раньше забудь и дай мне слово, что больше воровать не будешь.

- Даю слово, что никогда больше воровать не буду.

Им обоим в этот момент верилось, что так оно и будет. Не должно быть иначе, Да и сколько может

быть плохо человеку. Хватит уже. «Я приглашу её на концерт, и она будет мне как мама. – думал Витя, - такой же мамой, какой была для Маринки. А Маринка мне будет как сестра, и мы будем ходить к ней на кладбище вдвоем. Она там такая же красивая».

БОГИ И ГЕРОИ

из древнегреческой мифологии

А я, представьте себе, не считаю себя двоечником, пишушим сочинение с помощью спрятанного под партой первоисточника. Да я излагаю чужое, ссылаясь даже на труды других, кто до меня писал о том же. У меня есть оправдание (и даже оправдания): 1) я не имею заинтересованности получить положительную оценку или гонорар, повторяя то, что принадлежит не мне. Вполне возможно, что, напротив, потрачу свои деньги, которых всегда не хватает, чтобы издать это.; 2) я, надо заметить, ни чьи права так же не нарушаю (а если и нарушаю, то нег человека чтобы мог оспаривать свое авторство). Я просто влюбился под старую задницу, на ещё куда более старую вещь – МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ. Влюбился как школьник и написал всё, что внизу, тоже как школьник. Они так прекрасны, и несколько мне не стыдно почувствовать себя снова учеником. Обидно другое – где я был раньше? Как я мог пройти мимо такого сокровища? Эту НЕУД я ставлю себе сам и постараюсь исправить. Я постараюсь изложить кое-что из МИФОВ так, чтобы они полюбились кому-то ещё, кроме меня.

Царь Минос и Тесей

1

На далеком и прекрасном острове Крит у царя Миноса подрастала дочь Ариадна. Она была в том возрасте, когда на нее стали заглядываться юноши,

удивляясь непонятно откуда взявшейся вдруг красоте. Еще вчера бегала с босоногими девочками из простолоудин, пасущих коз и ничего стоящего из себя не представляла. Откуда только все взялось. Спереди и сзади появились необходимые бугорки, в соразмерной точностью и достаточном количестве, исчезли неизвестно куда торчащие под одеждой лопатки и все, что было еще вчера так угловато, округлилось, налилась, словно соком и манило к себе. И уже недалеко носился на золотых крылышках сын Афродиты Эрот, готовый сразить её сердце своей стрелой. Однако не торопился, ибо стрелы его несут не только радость, но и горе. Не хотелось ему торопить события. Пусть еще поживет, не зная эту участь – ВЛЕЧЕНИЕ. Ариадна и сама еще чувствовала себя девчонкой и вопросы эти её не трогали. Больше всего она подружилась с мастером и скульптором своего отца Дедалом, отбывающим свою каторгу за убийство из зависти своего племянника Тала. Когда-то Дедал был единственным великим зодчим и скульптором Афин. Никто и близко не мог оспаривать его труды, прославившие афинян, пока он не увидел, что его ученик и сын сестры начинает превосходить своего учителя по многим показателям. Терять лавры ему не хотелось и однажды, отдыхая под старым дубом у подножия скалы, он позвал Тала с собой на вершину Акрополя.

- Пойдем дорогой племянник на вершину, ибо и боги живут на горе Олимпе, чтобы видеть всё созданное ими с высоты. Ты многого достиг, Тал и скоро будешь творить самостоятельно. Мы с тобой сейчас прощаемся.

С этими словами Дедал столкнул племянника с высокой скалы вниз, но не мог уйти, не похоронив его, как это принято по обычаю. Он выкопал у подножья горы яму, положил покойнику под язык монетку,

предназначенную для перевозчика душ Харону, но в этот момент был пойман и был осужден Ареопагом к смерти. О том, как он бежал и оказался на острове Крит, ходили легенды, поскольку сам он об этом никому не рассказывал.

Слушая рассказ матери обо всем этом, Ариадна предавалась слезам, но обнаруживала всегда, что переживает за Дедала, а не за убиенного им Тала. Она также привыкла к его сыну Икару, этому кучерявому подростку, который был не в меру шаловлив и самостоятелен. Дедал из-за ранней смерти жены баловал и души в нем не чаял. Сколько раз он обращался к Миносу с просьбой отпустить мальчика, с упреждающими в Афины кораблями.

- Нет, - отвечал ему Минос, - даже не думай об этом. Он твой сын и множество твоих секретов ему известны. Он может проболтаться.

Еще лет десять до описанных событий, на острове Крит случилось событие, которые по воле богов, изменили образ жизни всех героев. Дедал, как один из посредников тех событий, пытался использовать все в свою пользу.

По сути, отец с сыном жили на правах рабов, хотя считались вольными людьми. За ними зорко следили и не могли они пробиться ни в один корабль, а из острова никуда не денешься. Он продолжал прославлять Миноса своими великолепными скульптурами из белого мрамора, дворцами и даже различными безделушками, которые изготавливал для его многочисленных детей. Приезжие любовались на это великолепие в полном смысле этого слова, а сам Минос не уставал демонстрировать и чувствовал себя единственным владельцем такой красоты. Особенно ему нравилось, как гости закрывали глаза и цокая языки и выговаривали «Божественно!».

Я сын бога - громовержца Зевса и дочери

финикийского царя , - не уставал, при этом, повторять Минос, - во мне и в самом много божественного.

Ему нравилось быть в центре событий. Он и на самом деле начинал чувствовать себя богом, хотя вслух говорить об этом не мог. Не хотелось навлечь гнев богов.

Об этом уже знали все, но Миносу нравилось повторять это каждый раз снова и снова, хотя афиняне и жители Крита знали множество детей бога Зевса. Это было обычным делом. Боги не всегда забавлялись у себя в Олимпе, а часто бывали среди народа. Они устраивали войны, обучали их искусству, помогали устраивать судьбы, наказывали, влюбляли стрелами Эрота, устраивали веселья с помощью Диониса, помогали стараниями Деметры в земледелии, но и пользовались ими, как было угодно им – богам. Зевс, вопреки ревности жены Геры, никогда не забывал пользоваться женщинами смертных, которые ему нравились. Всюду росли его дети, о которых он не забывал, оказывал содействия, но мог и наказывать. Чтобы завладеть понравившейся женщиной, он пускался и в различные хитрости. Мать Миноса Европу, он подпустил к себе, превратившись в быка, а после перевез на остров Крит. Поскольку Зевс считался старшим из всех богов, то сыну Европы Миносу была оказаны почести и другими богами. Его царство на Крите поддержал бог морей Посейдон и подарил Миносу великолепного красиво сложенного быка, что и обернулось впоследствии большими бедами.

Минос любил воевать, поскольку не все города признали его царство сразу, не оказывали свое уважение. К тому же он был чуть ли не первым создателем флотилии, имея пятьдесят кораблей с войском. Его могущество росло. Частое отсутствие на острове

сыграло свою роль, что его жена Пасифая спуталось с быком и родила однажды ребенка с туловищем человека, но головой быка. Первой мыслью Миноса было — прижать ребенка к смерти. Он уже приготовил место на самом конце своей столицы Кносса, но его остановили слова жены.

- Не навлекай беду, сын Зевса. Ребенок от быка, который подарен тебе владыкой морей Посейдоном, и он узнает об умерщвлении сына через жену бога царства мертвых Аида Персефону. Она передаст все своей матери Деметре, а от неё недалеко и до Посейдона. Посейдон в гневе может натворить многое, вплоть до затопления всего твоего острова.

- Ты еще смеешь мне советы давать?!- вскричал на жену Минос, - Но ты права, убивать нужно было тебя, а не этого уродца! Сгинь с глаз моих и не появляйся, пока не позову сам!

Ребенка уродливого назвали Минотавром, но его трудно было так содержать, чтобы он был не мертв, но и среди живых его также не было. Снова позвал царь своего слугу-мастера.

- Ты, как я полагаю в курсе дела, а потому скрывать не буду. Сделай мне Дедал такое устройство, чтобы Минотавра - мы так называли уродца- можно было содержать рядом, кормить, но чтобы никто его при этом не видел. Его не должны видеть не только жители славного города Кносса, но и я с Пасифаей. Он так же не должен нас всех видеть, но в то же время мог прогуливаться, питаться и жить.

Долго думал Дедал над словами Миноса и понимал, что никогда ему не видать свободы. Он всегда будет нужен правителю и нет никакой возможности уйти из острова, когда все отплывающие корабли тщательно проверялись. Разве что улететь птицей поспею. Иного пути у него не было. Он, великий мастер Афины сделает все, чтобы найти возможность

летать. Его сын должен расти свободным человеком. Такое слово он давал умирающей жене, и он его выполнит. Лабиринт, который он задумал строить для Минотавра, будет его последним делом у Миноса. Или царь отпустит его сына за такой труд на волю или они улетят отсюда вместе с сыном. Небесный свод над островом никем не контролируется.

В глубоко раздумье его застала тогда еще бо-соногая девчонка Ариадна, возвращавшаяся вместе с Икаром из виноградника.

- Как ты задумчив сегодня Дедал. Похоже, что мой отец тому виною. Я права, мастер?

Она всегда испытывала к Дедалу только лучшие чувства. Он не был похожим на других, и от слов матери Ариадна знала, что Дедал один воспитывал сына и очень несчастлив тем, что маленький Икар вынужден быть таким же как он невольником.

Лабиринт с подземельем с множеством ходов и коридоров был построен в Кноссе и в срок, указанный правителем. Он был устроен так, что имел один вход, который никак не мог служить выходом. Дедал постарался на совесть и в тайне надеялся вопросить, после обычных похвал Миноса, свободу хотя бы для сына. Однако не только свободы, но и похвал от царя он не дождался. Минос был в ярости, и едва загнали Минотавра, крепко связанного с помощью троих богатырей в лабиринт, уехал в Афины. Там был убит один из его сыновей – Андрогей, победивший на соревнованиях из мести со стороны соперников. Он хотел отомстить за сына.

Корабли Миноса, готовые высадить воинов для взятия Аттики, не являлись непобедимыми, но Минос надеялся запугать их, захватить земли и их богатства. Он обратился к Зевсу, который мог всё сжечь, метая свои молнии. Зевс не стал отказывать, как одному из сыновей, рожденных от смертных. В

тот же голод и мор. Афиняне обратились к дельфийскому оракулу, который посоветовал принять условия Миноса.

Именно таким образом Афины взяли на себя исполнение таких позорных условий откупного от Миноса, который обложил их данью – в каждые четыре года прислать ему на Крит семь юношей и столько же девушек. Все эти молодые люди загонялись в лабиринт, где их съедал Минотавр.

Только после использования в качестве пищи горькой партии присланных из Афин молодых людей, Минос пришел в нормальное свое состояние, но просил Дедала отпустить хотя бы Икара одного, и слушать не хотел. Именно с этого дня Дедал стал собирать перышки птиц, пролетающих над островом. Ему помогала Ариадна, которая приносила перья домашних птиц и работа пошла быстрее. Из собранных перьев при помощи нитей и плавленого воска Дедал складывал большие крылья, способные поднять в небо человека. Даже с помощью Ариадны, работа шла медленно, поскольку нужно было сложить четыре крыла, для себя и Икара. И вот, наконец, работа окончена, они могут взлететь. Дедал накануне своего небесного путешествия позвал Ариадну

- Ты всегда понимала меня, Ариадна, и помогала. Ты украшала жизнь моего сына, которая была бы без тебя невыносимой. На память от себя и сына отдаю тебе клубок нити, который является единственным ключом, при помощи которого можно войти в лабиринт и выйти оттуда. Эта нить такой тонкий и такой длины, что только по ней, привязав у входа, можно дойти до самой глубины лабиринта, по её же указке направляясь по коридорам, а после вернуться по ней обратно. Другой такой нити нет и быть уже не может. Только тебе я могу доверить этот ключ. Прощай.

После этих слов две странные птицы поднялись с острова Крит и взяли направление в сторону Греции – материка. На скале одинокая фигура уже подросшей Ариадны провожала их, пока эти двои постепенно не превратились в точек и совсем не исчезли из виду.

2.

Глубоко задумался правитель Афин уже немолодой Эгей. Много лет прошло с тех пор, как он прогнал из Аттики своих жадных до власти родственников, занявших обманным путем его царство. Теперь все принадлежало ему, и народ Афин уважал своего правителя, слагал о нем песни и устраивал посвященные ему праздники, но покоя на душе не было, поскольку не было у него и детей. Царь Эгей хотел сына. Сколько раз приводили к нему своих дочерей благородные горожане, сколько раз он сам останавливался на ночлег в семьях, где росли приглянувшиеся ему дочки хозяев, но зачать ребеночка никак не удавалось. Обратился он к оракулу, но из того что тот наговорил ничего понять не смог. Разъяснить и разложить по полочкам слова предсказания мог мудрейший царь города Троилены по имени Питфей. Питфей расшифровал слова оракула и понял, что человек объявленный сыном Эгея станет великим воином и героем Афин. Он тут же, желая попасть в родственники, а к тому сделать родиной героя свой город, объявил, что сына Эгею может родить его дочь Эфра. Тут пригодился и тот мифологический случай и любовный пыл богов, что именно перед этими событиями его дочь стала объектом интимной связи бога и владыки морей Посейдона (О, боги! Они успевали везде!). Сын у Эгея (хотя был зачат Посейдоном) родился в срок, он назвал его Тесеем, а сам уехал назад в Аттику, но перед этим сложил свой меч

и сандалии под скалу, сказав жене Эфре, что готов увидеть сына, когда тот будет в силах сдвинуть скалу и поружиться мечом отца. Шестнадцать лет Тесея прожил у деда Питфея. За это время он стал могуч телосложением, отлично владел оружием и к тому же был красив лицом и с черными кудрями, свисающими на плечи. Равных ему в городе не было ни по силе, ни по красоте. Он легко сдвинул скалу, забрал меч и сандалии отца. Мать и дед уговаривали его ехать в Афины морем, поскольку считали это безопасной дорогой, но Тесей не внял их предупреждениям и отправился сухопутной дорогой через Истм. По дороге к отцу он совершал подвиги, одним из которых является победа над разбойником Синидом. Этот разбойник забавлялся тем, что убивал своих жертв, привязав их ногами к верхушкам согнутых друг к другу сосен. Верхушки деревьев отпускались, и они с огромной силой принимали прямое свое положение, разорвав человека на части. Сил согнуть громадные сосны у Тесея тоже хватило, и он придал Синида к той же смерти, коим тот убивал других.

Совершая различные подвиги по пути, он достиг царство своего родителя, возмужав и обретая уверенность. То что он, к тому же, является сыном Посейдона уже знал и был уверен, что рожден для подвигов. Это было известно и Эгею, но так было принято. Люди в таких случаях принимали на себя роль родителей, как они выражались, по воле бога (в данном случае Посейдона). Грешить мог смертный, но только не бог. Посейдон, надо полагать, совокупляясь красивой дочерью царя Трои Питфея, всего лишь обрекал его дочь предназначенной богами судьбой. Не стоит перечить Судьбе, смертный!

Тесей пал в отчаянии, узнав о поставке Миносу дани в виде юношей и девушек для пожирателя жизней – Минотавра. Не мог он, сын самого Посейдона,

терпеть такое. Его так же не устраивала участь жителей царства его отца-человека. Не внял Тесей уговорам отца, пожелавшего сохранить и держать при себе единственного сына. Решение принято: он поплывет на остров Крит с новой - уже третьей по счету – партией, предназначенной для желудка Минотавра. Ничем его не мог остановить царь Эгей, но дал сыну наказ, что, в случае победы над Минотавром и в своем возвращении живым из похода, он был обязан поменять черные паруса корабля на белые. Увидев белый свет парусов он, царь Аттики будет встречать своего любимого и единственного сына, которого поставит царем вместо себя.

Корабль с афинянами, предназначенными для Минотавра, встречали вооруженный отряд Миноса и горстка любопытных жителей острова. Похорошевшая ни в меру Ариадна сразу обратила свое внимание на юношу, идущему среди торговых людей и путешественников, прибывших вместе с третьей партией. Юноша был высок ростом, отлично сложен и красив лицом, что она почувствовала непонятный толчок внутри себя, что сжало доселе неизвестное для неё сердце, которое раньше не давало о себе знать. Зерно это в её сердце заронила Афродита, вызвав непонятное ранее чувство. Она, как первая из богинь, рожденная от Земли (Геи), покрытой небом (Ураном) от пены и крови, была ветреной, создающей чувства легкости, нежности и любви. Она была олицетворением красоты и вечной юности. Кроме того, Афродита видела красоту Тесея и по своей божественной, но все же женской натуре, взялась устроить его счастье (Снова – о, боги! Или - о, женщины!). Чувство вызываемое Афродитой означало легкое дуновение влечения на уровне Души, которая

исполнялась чувством к другому человеку, не затрагивая другие аспекты этого вопроса. Остальное потом мог доделать её посланник и сын Эрот, который по натуре был шаловлив и коварен. Его золотые стрелы вызвали уже более практичные чувства, вызываемые другими органами и уже на уровне кровотока и мышечного сокращения. Зернышко любовного чувства для Тесея у Афродиты тоже нашлось. Молодые люди заметили друг друга, и между ними пробежала та искра, которая иногда случается, когда по прихоти богов чувства возникают взаимно и одновременно.

Пока юноши и девушки, предназначенные Миногавру, ожидали своей участи, Тесей увлекся Ариадной, не в силах совладеть с переполнявшими его чувствами.

• Я дочь царя Миноса, – ошарашила его девушка, – но и я скорблю вместе с тобой об участи этих несчастных, и если молодой человек горит желанием помочь им, то очень даже могу пригодиться.

Простота и тембр голоса девушки еще больше захватили Тесея и он решил прибегнуть к услугам дочери царя

• Вот тебе ключ от лабиринта, – протянула она глубоко нити оставленный ей Дедалом, – привязав один конец нити ко входу, ты сумеешь проникнуть в глубь до самого ложбища Миногавра и вернуться по ней обратно. У меня нет к нему сестринских чувств, и он не должен более лишать жизни молодых людей. Ты силен и красив, я – верю тебе Тесей.

Однако прибытие такого видного юноши не осталось без внимания и самого царя Миноса, который считался фактическим хозяином острова, и ему было неприятно видеть на этого видного юношу, поскольку он сын Демоса и царь этого прекрасного острова, а потому способен известить любого кто станет на его пути, в его же владениях. К тому же, внимание Миноса при-

влекла одна из девушек из той партии, кто должны были стать пищей для его уродца Минотавра. Девушка была почти ребенком, миловидна и стройна фигурой. Минос уже видел её в мыслях под собой, извивающуюся от боли и уже подкрадывался святанутой пятерней, чтобы схватить за едва обозначившиеся прелести. Он был обуреваем страстью, которая не могла возникнуть стараниями Афродиты или Эроса. Это был природный инстинкт еще первобытного явления под названием Эрос, существовавшего со времен Хаоса и появления Земли (Геи), в качестве первородного Влечения. Его еще называли Силой Тяготения. Там не было чувственности как таковой, он сохранился как остаточное явление. Эрос, до появления законов, со времен Хаоса управлял всем, соединяя и разъединяя все, что могло быть вокруг, но с появлением законов и богов не канул в Лету, а остался вечным напоминанием о разнополюсности всего живого, а это всегда влекло даже безособой чувственности или любви.

Тесей, видя выходки Миноса, встал между ним и девушкой.

- Ты, Минос, бахваляешься своим происхождением, а ведешь себя, как простой и не угодный богам горожанин. Это не может делать тебе чести.

Такое нахальство и непростительное вольнодумие едва прибывшего чужака привели Миноса в ярость, и он был готов отдать команду схватить наизла, но гость продолжал свою речь и это заставило его смягчить свой гнев.

- Я тоже сын бога Посейдона, - говорит юноша, - и перенял от отца своё благородство.

- Ты должен доказать мне свое происхождения смелый юноша, - проговорил Минос и бросил свое кольцо в море. - Достань мое кольцо, если ты столь благороден и приходишься сыном самому богу мо-

Тесею Посейдону.

Тесею тут же, не раздумывая, бросился в море. Это долго не было, и была в глубокой печали Ариадна, уверенная в гибели столь прекрасной юноши, и была в глубокой печали её отец Минос, мысленно прощаясь божественно изготовленным из золота кольцом работы Дедала. Но печаль их оказалась преждевременною, ибо появился вскоре Тесею из глубины морской. В руке у него было кольцо Миноса, а на голове красовался золотой венок, подаренный женой Посейдона Амфитригой.

После этого, Минос оставил в покое Тесею и девушку из прибывшей партии, над которой пытался гадать. «Подумаешь, благородство, - думал он, - она бы не испортила этот урод, будучи использована мною по другому назначению. Жаль нет рядом Дедала, он бы нашёл способ, как извести этого зарвавшегося Посейдонова выродка»

Однако в это время Тесею, воспользовавшись именно изобретением Дедала - проникнул вглубь лабиринта со стрелым мечом, вложенным в его руки дочерью царя Ариадной. В глубине длинного лабиринта он почувствовал стертый воздух и дыхание, но успел схватить за рог, кинувшего на него Минотавра. Силён был этот волубык, выращенный на человеческом мясе, но и Тесею не уступал ему в силе. Он успел увернуться и другой свободной рукой вонзил меч в сердце Минотавра.

Так были освобождены девушки и юноши Афины, предназначенные для гибели, но их нужно было вывести за пределы острова Крит. Тесею поднялся на свой корабль вместе освобожденными и Ариадной, пожелавшей стать его женой. Предварительно были проколоты днища всех кораблей Миноса, чтобы они не мог догнать их. По пути к дому, он оста-

новил свой корабль на острове Наксосе, где вышел на берег и лег отдохнуть вместе с молодой женой Ариадной...

Было больно после таких наслаждений и совместных планов оставлять её, но едва сомкнув глаза, Тесей увидел сон, где к нему пришел бог вина Дионис. Дионис был на веселее и объявил ему, что Ариадна, по воле всех богов, назначена женой ему. Полный грусти проснулся Тесей и, освободившись тихонько из объятий Ариадны, поднялся на корабль и отплыл дальше. Уже уплывая, он видел, как возле спящей красавицы появился приснившийся ему недавно Дионис. Сон был вещим, и он не мог противиться воле богов.

На корабле гуляли и распевали веселые песни, выпивая доставленные от Диониса в его отсутствие вина. Лишь Тесей был полон глубокой печали и был задумчив в своем горе, что даже позабыл, подплывая к Аттике, поменять паруса на белые.

Глядевший каждый день на море Эгей не выдержал весть о гибели единственного сына Тесея, ибо именно так понял то, что корабль возвращается под черными парусами. Не выдержал он такого горя и выбросился с высокого берега на море, разбившись насмерть. С тех пор море это стали называть Эгейским.

АИД И ПЕРСЕФОНА

Не повезло богу Аиду, одному из сыновей Кронона, при дележе сферы действия на Земле, где он должен был где-либо царствовать. Царство мертвых, куда он был определен, представляло из себя мрачное подземелье, куда не проникают солнечные лучи. Даже трехглавый пес Кербер с шипящими из пасти

наконец, в отличие от псов, обитающих на земле, охранял не вход, а выход из царства. Охранять вход и выход было бесполезно. В это царство никто не торопился попасть, а выйти бы пожелали все, кто попадал. Там протекает леденящая река Стикс, которой клялись даже боги, доказывая что-либо друг другу или во время спора. «Клянусь холодными водами Стикса», – слышишь или не слышишь. Там по мрачным полям носятся бесцветные души умерших, издавая слабые стоны. Там же протекает и река Лета, прикоснувшись к водам которой все живое уходит в небыль и предается забвению.

За небольшую цену – монету, которую клали мертвому под язык, старый Харон перевозил души мертвых через реку Ахеронт, и получалось, что и плату он тоже получал не за провоз душ в царство мертвых, а за труды при возвращении за новым «пассажиром», ибо по пути в царство не нужно грести. Людка шла сама, как говорится современным языком, полный сервис по пути «ТУДА». Пути ОТТУДА просто не существовало. По среди царства на золотом троне восседал сам Аид, такой мрачный и грустный от трудов своих праведных. Тут же рядом с ним находится юный бог сна Гипнос, который улетает творить свои труды на землю, где носится не крыльях, нагруженный головками мака и легким прикосновением своего же жезла усыпляет людей и даже богов. В отличие от него в царстве великого и мрачного Аида так же обитают и чудовища под предводительством Гекаты, посылающей на землю ужасы и тяжкие сны, приводящие к смерти. Нет под землей ни травы зеленой, ни цветов разноцветных и не звучат, как на земле, веселые песни. Ненавистно царство Аида людям, которые пугают им детей и боятся сами. Даже боги стараются бывать там как можно реже, долго не задерживаются.

Конечно же, Аид появлялся на земле и в Олимпе, но по долгу службы, большее время проводил в своем царстве. Тяжко было ему проводить лучшие времена под землей одному. Связи с женщинами он имел, но никто из этих женщин не хотела идти делить с ним царство его. К тому же, для такого дела была нужна такая женщина, которая не была бы в тягость за всё время его бессмертной и бесконечной жизни. Тогда Аид принял решение похитить себе невесту из числа богинь и держать в своем царстве силой. Наверное, нет и не бывает у богов такой никчемной и глупой поговорки «стерпится – слюбится». Скорее всего, ему было достаточно услуга одного лишь пса Кербера. Его супруга просто не сможет покинуть царство без команды мужа псу. Как тут не привыкнешь, надежнее его помощника в охране жены и не сыскать, а нравилась Аиду молодая Персефона, дочь богини плодородия Деметры и могучего Зевса. Деметра, уже была однажды замужем за критским богом и имела от него сына Плутоса, дарующего людям обилие земных даров и хлеба. Однако она испытала совсем иную радость, родив от Зевса прекрасную дочь. Аида, который так же приходился ей братом, она не могла терпеть. Сама Деметра, которую называли в народе не иначе как «Земля-Матушка» часто слышала от смертных хлебопашцев «отправился к Аиду». Эти слова всегда проговаривались горестно и со слезами. Так провожали умерших. И то, что Аид, наверное, был самым несчастным из богов, выполняя тоже не менее божественную и необходимую церемонию, её волновало мало.

Однажды Персефона гуляла со своими подругами океанидами по большому лугу возле Нисейской долины, где они собирали цветы. За ними тайно следил Аид, заручившийся поддержкой Зевса. Фактически Зевс отдавал свою дочь в жёны своему брату и

он обязан был отчитываться перед Деметрой за свои действия, поскольку был связан брачными узами не с ней, а Герой. Однако ссориться с ней ему так же не хотелось, а потому до поры до времени о таком обещании Аиду отдать ему Персефону в жены, Зевс промолчал. Им хотелось поставить Деметру уже перед свершившимся фактом, когда Аиду удастся похитить Персефону и привести её в свое мрачное царство.

Персефона рвала великолепные розы, на все дальше отдалялась от своих подруг, почуяв дивный аромат, который нигде ранее не встречала. Уже за деревьями она увидела странный цветок с множеством ярких как огонь цветов на одном стебле. Она нагнулась, чтобы приблизиться к цветочку, но в этот момент земля под ногами разверзлась и ушла куда-то в сторону, а из недр выскочила колесница Аида, и тут же скрылась под землей вместе с красавицей. Свершившееся едва успел заметить только Гелиос (солнце), совершая свой путь по небу, освещая землю своими лучами на золотой колеснице, запряженной в четверку белых как снег извергающих огонь коней, которых звали Свет, Блеск, Гром и Молния. В колесницу же Аида были запряжены кони черные как ночь масти, привычные скакать и в подземном царстве мертвых по его мрачным просторам.

Конечно же, богам тяжело было потерять кого бы то не было, ибо все что существует на земле, над землей и даже под землей и на море все между ними поделено и не может быть, чтобы хоть кто-то из них не знал, где находится пропажа.

- Скажи мне, лучезарный Гелиос, - обратилась Деметра к солнцу, ибо дочь её пропала в дневное время, не вернувшись из прогулки, - Твоя колесница обходит весь свод и твои зоркие всевидящие очи видят все, что творится здесь. Прояви же жалость и

окажи мне услугу, подскажи, где мне искать дочь свою Персефону?

- О, великая богиня земледелия, - отвечал ей Гелиос, - ты знаешь, как я трепетно отношусь к тебе и твоим трудам. Я готов не жалея света своего купать в лучах все, что растет на земле, благодаря твоим стараниям, но я был уверен, что тебе самой известно о её местонахождении. Знай же, царица плодородия, твоя дочь Персефона отдана Зевсом в жены Аиду, и теперь она недоступна лучам моим.

И пошла Деметра бродить между смертными, проливая слезы свои, ибо знала характер Зевса, словам которого привыкли подчиняться все боги – братья и сестры. Перечить ему возможности никакой не было, но почему же он - думала Деметра - даже не посоветовался с ней? Какую жестокую участь он приготовил к их совместной дочери, поселив рядом с Аидом в этом холодном и темном царстве. Выбросила она украшающую всегда её голову венки из трав, колосьев и цветов и продолжала жить среди людей, забросив все дела свои. Надела на себя черный до пят хитон и пошла странствовать. Усталая к вечеру пришла она в город Элевсин, присела на камень и горько заплакала. И не было в мире такой прекрасной богини, какой была она в тот момент. И была она красивей самой Афродиты, ибо походила на смертную МАТЬ, потерявшую ребенка своего, прижатая к земле отчаянием своим и безвыходностью. Только не могла она, бессмертная понять и испытать, что значить для смертных отправить ребенка к Аиду. С тех пор этот камень стал называться «камень скорби». Деметра попросила дочерей царя города отвести её к их семье, где устроившись как смертная, занялась воспитанием их детей.

Однако же, не годится богине то, чем живет смертная женщина, хотя и устроены одинаково, оди-

насилу желаемы мужчинами, и даже одинаково при-
франы рожать от исполнения тех желаний, поскольку
смертные наделены сроками, которые когда-либо
происходятся. Для Деметры её горе было всего лишь
одним из звеньев череды бесконечно продолжаю-
щихся явлений. Зря она так горевала, являясь бес-
смертной. Если судить с точки зрения смертных, то
она и то же время и радоваться должна, поскольку
будет зять Аид появляясь временами на земле, не
будет надоедать теще своей в течении всей её бес-
смертной жизни. К тому же, не так много в мире
бывает, чтобы упустить случай и не пристроить свою
жизнь с такой выгодой. Когда глубоко задумалась и
высохли слезы, Деметра поняла Зевса. Он – прав.
Только вот она, пока ходила в люди, бесполезно пы-
талась наделить бессмертием царского ребенка, за-
пустила дела земные. Ничего за это время не вы-
росло, начался голод. Умирили целые племена лю-
ди, прося пощады, простирая руки к небу. Даже тра-
ва перестала расти. Гибель грозила всему живому.
Потерпеть такое громовержец Зевс не мог и позвал
к себе вестницу богов Ириду.

- Ступай к Деметре, Ирида, и передай нашу об-
щую волю – пусть немедленно вернется в Олимп.

Однако Деметра не вняла его словам и пришлось
ему отправить быстрого Гермеса-посланника богов
и покровителя торговли, но уже к Аиду в его царство
мёртвых. Гермес был быстр, как сама мысль и так
ему приходился Зевсу сыном (говорить незаконноро-
жденным нельзя ибо богам дозволено все, а особен-
но Зевсу).

- Зовет, - проговорил Гермес Аиду почти заго-
ворщицки, ибо понимал, что значит жить под зем-
лей, вечно и без бабы (не смешно, читатель).

Теперь понял бедный Аид силу женского капри-
за, а перечить самому Зевсу так же не мог. Однако,

отпуская Персефону к матери, он дал ей проглотить зерна граната, символ брака. Этот символ имел и притягивающее действие: жены - к мужу и мужа - к жене.

Деметра выскочила из царского дворца славного города Элевсина, увидев, как во двор быстрее ветра примчалась карета, запряженная черными как ночь лошадьми. Из кареты выходила её любимая дочь Персефона, вместе с которой она вернулась в Олимп.

С тех пор снова зацвели сады, появились зеленая трава и всевозможные плоды. Пробудилась вся природа, а люди праздновали и славили великую богиню Деметру. Однако же не могла эта история (или миф - как вам будет угодно) закончиться таким вот образом. Судьба Аида все же была решена. Сыграли ли в этом роль гранатовые зерна или же Зевс не привыкший уступать постарался, но выход был найден. Было решено, что Персефона отныне две трети года живет с матерью, но возвращается от неё к мужу Аиду, где проводит оставшиеся четыре месяца.

С тех пор эти четыре месяца замедляют и даже останавливают рост земляных культур, не плодоносят деревца и не цветут цветы. Кое-где выпадает снег. И снова Деметра бродит скучная по осиротевшим садам, облаченная до пят в черном хитоне. Так проходит этот цикл, названный в последствии осенью и зимой.

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА

В далекой и прекрасной стране Аргонида умирал царь Абас. Уже находясь на смертном одре, позвал царь своих сыновей Акрисия и Пройта.

- Сыны мои, - говорил старый Абас, - я был рад жить на земле этой, и отправляясь к Аиду должен привести всё в надлежащий порядок, чтобы было душе моей покойно в его мрачном царстве. Живите и вы на земле этой прекрасной душа в душу, как и угодно братьям. И чтобы не было между вами ссоры по пустякам, решил поделить я свои владения на два отдельных царства: тебе Акрисий отходит горюх Аргос, а тебе Пройт - поселение Тиринф. Населения и дел, требующих решения на обоих царствах хватит лихвой каждому из вас. Слава богине Деметре, народ наш не голодает. Живите и рожайте детей, чтобы продолжались дела наши во все будущи времена.

Так начали братья править каждый своим царством и не было бы беды, если не подозрительность и жадность, старшего из братьев, Акрисия. Всё ему казалось, что вот умрет раньше Пройта, а тот тут же захватит его царство. Ничего, собственно, странного в том не было бы. Что еще может быть лучше их соединения земель покойного отца? Тем более у Акрисия нет сыновей, а его дочь Данаю, брат не обидит, выдаст замуж за достойного человека. Однако же не находил Акрисий покоя, исхудал и спал лицом не в силах разрешать проблемы, которых ещё не было и в помине. Даже с братом Пройтом он стал груб и нетерпелив. Как и все смертные самоеды, замученный своей подозрительностью, он пошел к оракулу, чтобы убедить себя в своей правоте и оправдать такое гнусное свое поведение. Не тут-то было! То, что предсказал оракул, совсем вывел его из себя. По его словам выходило, что Акрисий найдет смерть свою от рук внука, сына Данаи.

Как найти способ, чтобы не могла родить его дочь Даная? Что же сделать, чтобы не появился на свет такой внук-дедодубийца? И построил Акрисий под

землей замок из камней и бронзы, куда поместил Данаю. Ни в чем он дочери не отказывал, исполнял все её желания, но и в люди её не выводил, ссылаясь в присутствии других, якобы, на её бесконечные отъезды и страсть к путешествиям.

Однако же, разве можно утаить такую красоту от богов, а тем более от Зевса, у которого росло столько детей во всех уголках Греции, что ревнивая Гера уже плюнула на все. Она теперь только из подтяжка строила козни и посылала царские немислимые испытания этим, по сути, безвинным женщинам. Никто из них и не мыслила отказать самому Зевсу, а к тому же он мог пойти и на хитрости, чтобы совладать той или иной красавицей. Множество царей и героев выросло, если можно так сказать, от выроненных самим Зевсом «семян». Даже простые землепашцы и слуги начинали выдумывать и рассказывать другим о, якобы, имевшейся связи Зевса с их матерью, бабушкой и даже прабабушкой. Никаких подтверждений к этому не было, но они выдавали за правду желаемое. Связь с самим Зевсом? А разве можно придумать рекомендацию, лучше чем эта?

Зевс проник в покои Данаи в виде капель золотого дождя, просочившихся сквозь слои земли и явил свой царственный лик и желание, переданное ему Эротом, прекрасной царевне. Перед таким красивым мифом, пусть даже такой древности, не хотелось бы автору язвить и паясничать. И все же можно понять простую царевну, узницу подземелья, к которой вдруг явился мужчина к тому же бог во всей красе своей, чувствуя к тому же на груди укол золотой стрелы Эрота поразившей её сердце. Сцены, которые обычно проистекают после вмешательства Эрота, принято считать эротическими, а потому мы их пропустим, а только обозначим их окончание одним лишь резюме, что родившегося от этих дей-

стии мальчика назвали Персеем.

Разве можно удержать малыша-егозу и будущего героя, чтобы он сидел как крот под землей и бо-
и не пошевелиться. На шум и детский смех, спустился Акрисий в подземелье и обнаружил на свое удивление маленького ребенка. Новость, что малыш к тому же сын самого Зевса, привели его ужас. «Вот она смертушка, - подумал царь, вспомнив слова оракула, и что же мне теперь делать?». Велел он тогда закрыть дочь Данаю с внуком Персеем в большой ящик и бросить в море. И бросало ящик то на гребни высоких волн, то на дно пучины моря, било о скалы, но не суждено было погибнуть героям. Их вытащили сетями рыбаки царя Полидекта, который правил на острове Сериф, что в Эгейском море.

Жестоким человеком оказался царь Полидект. Он всегда старался обратить в свою выгоду любое явление, а в достижении своих целей способы не выбирал. Хороши были любые, лишь бы достичь корыстного результата, и пусть потом завидуют ему другие цари. О, он непременно воспользуется этим, что само идет ему в руки! Держитесь и завидуйте, жалкие соседи! Этот подросший в ящике юноша, если отцом ему действительно приходится сам громовержец Зевс, сможет многое. Ему поможет всемогущий отец совершить любые подвиги, и мелочиться тут не стоит. Подумав три дня и три ночи, он повелел позвать к себе Персея.

- Я почти поверил тебе, юноша, но и ты сам должен доказать мне, что в простом ящике на опасных просторах моря действительно носило сына самого Зевса. Но если это так на самом деле, Зевс окажет тебе помощь, и ты выполнишь мое условие добудешь голову горгоны Медузы.

Жили горгоны в стране ночи, где бродит бог смерти Танат, способный усыпить любого до такого

состояния, что человек уже оставался в состоянии вечного сна, и дорога ему предстояла только одна – в царство Аида. Горгоны представляли из себя крылатых существ, покрытых крепкой чешуёй, которую мог разрубить только меч Гермеса. Из рта у них торчали острые как кинжал клыки, а медные руки имели не менее острые когти. Место волос на голове у горгон кишели, пугая своим шипением ядовитые змеи, но страшнее и опаснее всего были их глаза. Они горели такой яростью и неземной ненавистью, что любой, кто встречался с их взглядом, превращался в камень. Кто не глядел на них, они просто разрывали когтями своими на части, вонзали клыки свои и пили кровь. Губы у горгон не просыхают от крови и вечно ярко-красные.

Трудный подвиг предстояло совершить Персею, но сыну Зевса решили оказать помощь все цари Олимпа. Любимая дочь Зевса воительница Афина подарила ему блестящий медный щит, на котором как на зеркале отражалось всё. Гермес вручил свой меч и как самый быстрый вестник богов указал дорогу, по которой можно выйти на след горгон, а нимфы подарили ему шлем подземного бога Аида, надев который человек становился невидимым, а кроме того чудесную сумку и сандалии с крыльями для быстрого полета над землей. Найти примерное место возможного пребывания этой нечестии – это не значит выйти к ним. Только в конце тяжелого пути он вышел указанным Гермесом месту, где жили старые сестры грайи. Три сестры грайи вели отшельнический образ жизни, в мрачной пустыне и знали точные место обитания горгон, хотя имели на троих всего один глаз, которым пользовались поочередно. Сестра, владеющая глазом, таскала за собой остальных двух, а по истечении небольшого времени передавала глаз и полномочия исполнять роль ведущего

другой сестре. Так они жили, пока Персей основательно не потревожил их. Спрятавшись за барханом, он выскочил именно в тот момент, когда ведущая сестра передавала глаз одной из ведомых. Выхватив глаз, он оставил бедных сестер совершенно беспомощными. Они стояли посреди песков, никто их никуда не вел, и не было понятно, что предпринять дальше. В таком положении держать в своей всеодно беспомощной памяти тайну для горгон никакого смысла и не имело. За возвращенный обратно глаза, они указали Персею остров горгон, а остальных, как принято говорить сейчас, по истечении множества тысячелетий, было делом техники. Персей орудовал острым мечом Гермеса, держа горгону Медузу в поле зрения, отражаемую на щите Афины, отсек голову и пристроил в сумке. Когда на помощь ринулись другие горгоны, он надел на голову шлем Аида и покинул остров.

Продолжая свой долгий путь с сумкой через плечо, где лежала голова Медузы, увидел Персей на берегу высокую скалу, где была прикована прекрасная девушка. Эта была дочь царя Кефея и Кассиопеи. Так их дочь Андромеда искупала вину своей матери Кассиопеи, проживая на берегу Океана, была горда и любила хвастать красотой своей, чем приводила в ярость морских нимф. Даже глядясь на свое отражение в воде, где те обитали, она не забывала объявить громко о красе своей. Разгневались нимфы и обратились к Посейдону, чтобы он наказал её. Бог морей думал недолго и направил к берегу, где начиналось царство Кефея исполинскую рыбу, которая плывала и опустошала владения Кефея. Кефей видел как гибнет его царство, и обратился к оракулу Зевса Аммону и спросил, как можно избавиться от такой беды. Ответ был страшным.

- Крепись царь. Единственное твое спасение

состоит в том, что ты должен отдать на растерзание чудовищу свою дочь Андромеду.

Не он один в качестве мужа терпел несчастье от языка жены своей, но это уже был не тот случай. Такой суровой кары еще не бывало. Не мог отец поступать так с родной дочерью. и он готовился к тому, чтобы выгнать Кассиопию и принять смерть вместе с дочерью, сразившись с чудовищем. Однако Кефей проболтался о предсказаниях оракула сопровождающему его слуге, и жители царства подняли бунт. Они требовали и заставили приковать Андромеду к скале и тогда рыба – посланец Посейдона перестала всплывать возле их берега. В таком прикованном состоянии и в последний момент её увидел Персей. Андромеда даже не успела до конца рассказать о горе своей, как заклокотала морская пучина, и вынырнуло чудовище с огромной открытой пастью с большими крыльями и рыбьим хвостом. На берегу проливали свои слезы царь Кефей и Кассиопея.

- Не слезы нужно лить, а пообещать мне, сыну Зевса отдать в жены дочь свою Андромеду, - кричал им Персей, - и тогда я спасу дочь вашу.

Наверное, не стоит описывать, что согласие было дано и даже прозвучало как просьба с обещанием, отблагодарить героя. И нет, надо полагать, надобности говорить о зерне Афродиты и золотой стреле её шаловливого сына Эроса. Всё это, как говорят, имело место. И победил Персей чудовище, и свадьба состоялась во дворце Кефея.

Только рано ставить в этой истории точку, поскольку и здесь пытались омрачить счастье Персея. В самом разгаре свадьбы вторгся во дворец бывший жених Андромеды Финей с большим войском, и началась бойня. Много пало друзей Персея и людей из войска Финея.

- А где же ты был, когда она была прикована к скале? – кричал Кефей вероломному Финею, - Так ты благодаришь Персея за спасение её от чудовища?

Однако это были всего лишь слова родителя, который едва успев оправиться от одного горя, снова испытывал возможность гибели родной дочери. Финей продолжал биться, не обращая на это никакого внимания. Он даже знал, что Персей сын Зевса, что ему помогут боги, но все равно бился на смерть и даже уже побеждал, но в это время прокричал сын Диона с Зевсом: «Отвернитесь, кто мне друг!», а сам достал из сумки голову горгоны и поднял, обратив её в сторону врагов. Кинулись на них тогда враги и каменели один за другим, повстречавшись взглядом Медузы. В скором времени, спрятал Персей голову горгоны снова в сумку и они продолжили справлять свадьбу и тризну по погибшим друзьям одновременно, вращаясь среди каменных статуй воинов Финея с настоящими мечами и копьями.

Такая же участь впоследствии постигла и жестокого царя Полидекта, направившего его за этой головой. а Персей вернулся в Аргос и стал там царствовать.

И снова был бы рассказ неполным, если его закончить таким образом, не уточнив тот факт, что древние оракулы тоже знали свое дело.

Во время игр с метанием диска, Персей так высоко закинул бронзовый диск, который взвился в облака, а падая попал в голову престарелого Акрисия. Так принял он смерть от руки внука, как и было предсказано оракулом.

ДЕД КИРИЛЛ

Умирал Кирилл Макаров, как казалось со стороны, почти не мучаясь, и особых хлопот сыну Игнату со снохой Натальей не доставлял. То, что к этой боли в животе привыкнуть невозможно, он знал один, хотя пытался привыкать. Видимо, в момент его «привыкания» метастазы так же на месте не стояли, а прогрессировали, распространяясь дальше по его тканям. Думалось в эти бессонные ночи много. Были, конечно, счастливые дни его семидесятидевятилетней жизни, но и натерпелся немало. Однако все эти невзгоды казались теперь незначительными, хотя был момент, когда он пошел вопреки своей совести, и это не давало ему покоя. Может, все же позвать попа и раскрыться? Вдруг как-то легче станет. Однако внутри него сидела малая толика надежды, которая, как известно, умирает всегда последней. Эта живучая толика шептала ему, что многие поднимались и после такой болезни, которую организм выплевывал как чужеродное тело для этой судьбы. А как тогда он будет смотреть в глаза людям? Конечно, лично ему будет наплевать. Его же при этом не будет. Только ведь Игнат остается, а разве он имеет право оставлять ему такое «наследство». Нет. Не надо никаких попов, не надо и Игнату ничего говорить. Ведь счастливые моменты жизни уйдут вместе с ним, и никто другой такое не испытает, так почему же этот позорный случай должны оставаться с сыном? Это будет не справедливо.

К сыну Кирилл испытывал огромное чувство благодарности и жил, не вмешиваясь в его дела на второй половине их дома. Он не разделял мнение соседей, что Игнат просто обязан был жить при старике после смерти матери, как единственный ребенок.

- Никто никому не обязан, - говорил он соседу Николаю, - а тем более единственный ребенок. Ты что Коля, соображаешь, что ты говоришь? Родить ответственного ребенка, чтобы всю жизнь потом держаться привязанным к себе? Нет уж. Мы, Коля, если хотим знать, добровольно должны уходить в старшие дома, чтобы не быть им обузой. Для счастья не рожали, помнишь? То-то же.

Ему в этот вечер вспомнился случай, который произошел с ним в октябре 1944 года. Тогда их Прибалтийский Фронт освобождал Северную Финляндию, которая к тому времени уже не была союзником Гитлера, а, напротив, вышла из этого союза и сама объявила войну Германии. Его ранило, когда уже с боями вышли на территорию Норвегии. Ранение было таким неожиданным и поражающим, хотя и не смертельным. Даже военврач Духов говорил, что от такого мало кто умирает. Одним словом, в таких случаях организм получает такую встряску, что может не выдержать какой-нибудь больной орган, с которым могли бы жить до ста лет без этой контузии. Такую контузию выдерживают 99,9% больных, но при поражении наступает состояние, напоминающее что-то вроде временной комы. Очень небольшое количество раненных, с хронической патологией какого-нибудь органа может, как говорил Духов, «крякнуть», не выдержав этого явления. Одним словом, Кирилл тогда не «крякнул». Теперь он был бы рад испытать все снова и «крякнуть» именно таким образом. Эта была бы такой легкой смертью, что он даже не почувствовал бы, что покидает мир. Даже удивлялся потом, что так - оказывается - легко бывает умирать. А теперь вот лежи, считай дни, бойся смерти и жалеешь остающегося без него сына. Было даже противно временами сознавать, что он, похоже, и не сына жалеет, а себя его посредством. Сыну, конечно же,

особых хлопот, кроме похорон, не доставит, но все же было бы легче помирать как те 0,001 % хроников, никаких чувств не успевая испытать после встряски. Вот эта была бы легкая смерть. Не страшно даже, когда нет этой противной жалости «а потом как же, чтобы меня не было?»

Не успел он уйти в дом старчества. Игнат не позволил, всё боялся людской молвы. А кому какое, собственно дело. Теперь бы ходили за ним специальные люди, которые так зарабатывают на жизнь и были бы вынуждены терпеть, поскольку живут за счет их немалой ветеранской пенсии. Дела-а.

Жаль, но уже поздно. «Яду бы достать?». Даже эту мысль Кирилл задал себе как вопрос, а не утвердившееся желание. Ему всё еще было жалко себя, а с другой стороны, как он надеялся, что в одно утро может не проснуться, так же не почувствовав смерть, как после той контузии. Наверное, такое бывает часто, ибо не раз замечал, хороня жителей своей деревни, как у тех на лице появляется почти незаметная, но улыбка. Ни у кого он не видел гримасу боли перед похоронами, видимо им было радостно уходить навсегда от этой боли. А возможно душа, находясь сорок дней перед уходом в свое измерение, смотрит сверху на эту брентную оболочку, а улыбка его отражается там, на этом лице чтобы запомниться таким искренне любящим его людям. «Ну и мысли, - думал он. - Хотя, какие есть. Это ведь последнее, на что я ещё способен - мыслить, думать и вспоминать. И ведь на самом деле, если я умираю при здоровом уме, то куда потом деваются мысли? Умрут-то ведь не мысли, а тело». Однако все равно не мог он так просто взять и идти к Нему, если Он существует, таким грузом несмываемого греха.

Тогда весной 1942 года их полк вел оборонительные бои на территории Украины. Наступление

на Харьков было остановлено, но советские войска вынуждены были отступать. Полку, где служил Кирилл, предстояло сдерживать врага до отхода основных сил, а вечером сняться и отступать по дороге, которую они прикрывали. Были отбиты четыре атаки врага и в ход шли бутылки с зажигательной смесью и последние гранаты. Обороняться было нечем. Бойцы ждали последний свой бой, когда налетели бомбардировщики врага и буквально смешали их окопы с землей. Кириллу едва удалось освободиться из-под толстого слоя земли. Сколько пробыл без сознания, он не помнил, болели глаза и уши забитые землей. Даже во рту был песок. Он долго приходил в себя, его уже расталкивали другие бойцы. Ничего утешительного, как оказалось, возврат сознания не сулил. Бойцами оказались два немецких солдата, которые тормозили его ногами. Еще немного и они бы ушли дальше, если бы Кирилл сам не вылез так вовремя. Среди лежащих раненных немцы подобрали Сею Юркова, который служил во втором взводе их роты. У него была ранена рука. Заместителя командира 1-го батальона Андроника Мигрикяна, которого все звали Андреем, пристрелил один из немцев, несшая автомат, висевший у него через плечо. Андрей стонал и пытался удержать обеими руками внутренности, вываливающиеся из раны на животе. Зачем немцам такой пленный? Живым никого фронтисты не оставляли и давали короткую очередь по всем кто был серьезно ранен или лежал, но не шевелился. Набралось 11 человек, двоим из которых шли только благодаря поддержки товарищей. Было понятно, что так они далеко не прошагают. Выйдя на грунтровку, прикрываемую до этого их силами, присоединились к новой колонне пленных. Набралось около 30 человек. Гнали их семеро немецких солдат, а навстречу сплошным потоком ехали грузовики с ав-

томатчиками и мотоциклы, обдавая их пылью. Немцы кричали что-то из кузова автомашин, и стоял хохот, пока не налетели наши штурмовики. Вот тогда наступила очередь смеяться пленным. Они сознавали, что и сами погибнут от своих же советских бомб, но от души радовались каждому меткому попаданию, когда взлетали на воздух немцы и расщепленные части кузовов или искореженные механизмы их техники. Налет продолжался недолго, и хотя были убиты некоторые из советских пленных, колонна была выведена из строя: одна автомашина разлетелась на куски вместе с фрицами, горели останки еще одной машины, а на обочине лежали два перевернутых мотоцикла. Несколько человек из пленных были расстреляны на месте разбушевавшимся фрицем, которого еле сумели остановить другие. Его вывел из себя откровенная улыбка одного из наших бойцов, вызванная таким удачным попаданием бомб и снарядов наших пикирующих бомбардировщиков.

После этого случая, их погнали быстрее, а тех, кто не мог идти без посторонней помощи выводили из строя и расстреливали. Осталось около пятнадцати человек. Один из фрицев вывел тяжелораненого из строя, вручил пистолет Сене Юркову, которого так же выволок, схватив за ворот, встал у них за спиной взятым на всякий случай на изготовку автоматом и потребовал, чтобы Юрков выстрелил в своего. Остановились все фрицы, и стали с интересом наблюдать – как поступит этот советский солдат? Сеня не хотел убивать своего, но и обернуться не успел. Фашист, видимо с перепугу, отступил на шаг и прошил его очередью из шмайссера. На этом, однако, он не остановился. Теперь за шиворот он вытаскивал из строя Кирилла. Его пытались остановить другие немцы, которые в этот момент казались чуть ли не родными для него людьми. Видимо, им не хотелось

убить вполне здорового пленного, поскольку видели, что Юрков и сам был ранен в руку, а этот цел. Кирилл вопрошительно смотрел на этих фашистов, ожидая участия в громкий и короткий спор немцев закончился не в его пользу. Ему вручили пистолет, и Кирилл почувствовал, как уперлась дуло шмайссера в спину. Что ему оставалось делать. Убивать своего солдата же не хотел, но и умирать было выше всяких сил. Кирилл нажал на спусковой крючок пистолета, стараясь, чтобы поверили, будто промахнулся не специально. Немцы смеялись, и было видно, что никто из них ему не поверил. С такого расстояния, при любой трясулки рук, промахнуться невозможно. Фашист свалил его сильным ударом в скулу, и поднимая, вновь вручил снова заряженный одним патроном пистолет. А ведь мог остановиться. Нет. И тогда он сделал это. Он выстрелил, почти не глядя и стал как вкопанный, пока не был зашвырнут немцем обрито в строй пленных. Освободили их свои же бойцы, так же выходящие из окружения под выстрелами. Охраняющие пленных немцы разбежались от такого написка под градом пуль, но вскоре поняли, что их тораздо больше. Назвать это освобождением было нельзя, поскольку продолжалась та же охота. Только дичи стало больше, и били эту дичь фашисты, стрельбу без разбору. Продолжалось долго.

Тогда их осталось в живых небольшая кучка, ворвавшихся к своим окопам. Разбираться было некому, ни и некогда. Отступали. В те дни из окружения выжили многие. Кирилл так же вышел к своим с оружием в руках, которое подобрал. С ним никого из тех пленных, при которых он стрелял в своего, не было. Его никто не узпал. В то же время остальные могли присоединиться к своим в другом месте переднего края или даже остаться в лесах, а после присоединиться партизанам. Он мог бы быть узванным

даже после войны. Жить с таким грузом было тяжело, и он вздрагивал каждый раз даже от одного напоминания об особистах и НКВД.

Долго еще он воевал и бил фашистов да октября 1944 года, пока не был контужен в Норвегии. За все время войны, к нему было особое отношение со стороны бойцов и командиров. Кирилл лез в самое пекло в каждом бою, бился яростно, как снайпер, ведя счет убитых им немцев за той лишь разницей, что не делал зарубки на прикладе ППШ. Порой ему казалось, что становится снова душегубом, поскольку бьет фашистов не из тех соображений, как остальные. Третий орден славы нашел его уже после войны, и его как полного кавалера приглашали в различные мероприятия. Был случай, когда в День 50-летия Победы его пригласили, как всегда, в Дом культуры районного центра, куда приехали из областного телевидения. Он несколько месяцев после этого не мог спать. Все казалось, что кто-то его узнает и позвонит куда надо. Кирилл знал, что за такое преступление уже прошли все сроки, и его могли бы осудить, учитывая заслуги, просто условно. «Однако, - думал он, - нужно было идти и сдаться самому, но еще до женитьбы». Жена болела долго и каждый год сразу после их свадьбы проходила лечение. Он очень её жалел, отправляя каждый год на последние деньги в санатории, местные курорты и было за что. Зоя, на которую он женился – можно сказать случайно- оказалась замечательным человеком. Уже исполнилось тридцати четыре года, когда она, послушавшись запрещающих под страхом смерти врачей, надумала и родила Игната. За одно это можно было носить на руках. Кирилл, всегда в работе и не особо внимательный человек, уважал её до глубины души, но только после смерти понял насколько любил её. Даже одной из причин опоздания в дом старчества

была то обстоятельство, что она умирала у него на руках в этой вот половине дома, на той же кровати, где спал все это время и теперь умирает он сам. Хотелось побыть на этом месте подольше.

Вечером, накануне смерти, его мыли переворачивая с бока на бок Игнат с Натальей. Кожа на спине была от пролежней почти не живая бурого цвета, а сам он уже не понимал об этих неудобствах, которые ему доставляют. Возможно, что и их уже не узнавал, хотя немного постанывал, издавая едва заметный запах гниения. Поздно вечером ему вдруг стало хорошо и он проглотил несколько ложек бульона, а ночью Игнат с Натальей услышали лишь одно, но так ясно сказанное им предложение :

- Будь ты проклята, война!

Это были последними его словами.

Утром Игнат пошел к соседу деду Николаю и сообщил, что отца не стало. Новость в деревне распространялась быстро и к дому стали подходить друг за другом все жители. Кирилл, (или то, что было раньше Кириллом), лежал просветленным лицом словно живой. По губам его можно было видеть , что едва заметно улыбается.

КОМАНДИРЫ

1. Капитан Филиппенко

- Да, молодой человек, вот закапаете вы из нас последнего ветерана и начнете забывать вообще, что означала та война. А дети ваши и вовсе не будут думать, что родились только благодаря тому, что мы дали возможность родиться их родителям. Спасибо нам, что пока напоминаем о себе и мельтешимся несколько человек среди вас.

- Ну что ты, Федор Иванович? С чего ты взял? Спасибо, конечно, за «молодого человека», но мне самому больше полвека и отец мой тоже был участником войны. Вот я и позвал тебя, чтобы поговорил со мной, вспомнил случаи из фронтовой жизни.

Федора Ивановича Свалухина я пригласил к себе после небольшого митинга на площади нашего небольшого городка, посвященного ко Дню Победы. Их последнюю горстку оставшихся в живых ветеранов угощали «фронтовыми сто граммов», настроение у него располагало, и приглашение он принял без оговорок. С ним мы знакомы давненько, поскольку Федор Иванович длительное время является бесменным председателем нашего гаражного кооператива. К тому же мой гараж, где держу старый «Жигуленок» находится рядом с его капитальным гаражом. Встречаемся часто. Когда был помоложе, со слов старых автолюбителей, он был мужиком деятельным, всегда держал территорию в чистоте, протянул электричество раньше других гаражных массивов и зимой не было такого, чтобы автолюбители, как сейчас, кивали друг на друга прежде чем нанять грейдер. Он часто проводил собрания, собирал деньги для благоустройства территории и следил за чистотой

У него и сейчас был порядок, но его всегда перлюстрировали и держали, скорее всего, как талисман кооператива. Казначей был другой, мужики выбрали небольшую группу активистов и делали вид, что советуется с ним по всем вопросам гаражного кооператива. Старик тоже доживал последние годы такой нелегкой жизни, и ему нравилось быть полезным.

- Я, Федор Иванович, может тебе известно, немало пишу и печатаюсь, а вернее будет говорить «печатая», а не «печатаюсь». Меня тоже тревожит тот факт, что подрастающие поколения и вовсе перестали читать, не говоря о тех книгах, в которых так хорошо описана Великая Отечественная. Эти книги, которые еще не выброшены и не сданы в макулатуру, никого не интересуют и считаются «старыми». Теперь модны детективы, где все преступления раскрывают: у нас - Мухтар который возвращается, вместе с инспектором рыбнадзора и лесничего, а у юнк - Рекс с лейтенантом Коломбой. А еще сейчас предпочитают читать про секс.

Федор Иванович смеется от этого слова, ибо их поколение до сих пор не воспринимает это слово вслух. С одной стороны, вроде, обделены чем-то, а с другой приятно видеть, что еще есть люди, воспринимающие это действие, как интимное и личное, о чем не орут за каждым углом. Лицо его от смеха и без того маленькое, становится почти детским, но с такими морщинами, что я начинаю смеяться вместе с ним.

Потихоньку я настраиваю его на воспоминания о годах войны, обещаю что писать буду о войне много и печатать не жалея свою мизерную получку, поскольку переиздавать те старые книги, навеянные патриотизмом никто нынче не будет, пока у власти стоят люди, которым, видимо наплевать, какая растет мо-

лодежь. Если, что и напишут о войне, или снимут какой фильм, то нет в них такого, чтобы прочувствовать огромную трагедию миллионов уничтоженных людей. Там обычно супермен такой же, как у них, но в советской военной форме.

Ругаться он почти не умеет, но чуть ли не после каждого пятого предложения повторяет привычное ему слово, которое я здесь не приведу. Выясняется, что Федор Иванович служил танкистом на Воронежском и 1-м Украинском фронтах, и мне кое-что удастся у него выудить. От первого лица излагать не буду, ибо повторяю я не документальный рассказ бывшего танкиста. Есть тут и вымысел, дополнительные герои, измененные имена, но время и место действий, события постараюсь оставить такими, как их передает рассказчик. Память у него еще отменная и, надеюсь, большие «ляпы» с ним не допустим. Пишу, как умею и могу только сказать, что эти события именно в таком виде, может, и не происходили, но вполне могли происходить примерно так.

Стоял август 1943 года. Командир танковой бригады полковник Хорошев Лев Семенович, наступая в составе Воронежского фронта под командованием генерала Ватутина, укрепился на правом берегу небольшой реки. Форсировать водную преграду сходу «на плечах» отступающего врага не получилось. Его танковые батальоны с оставшимися после Курска 48 танками перебросить на левый берег не получилось. Единственный в этом месте деревянный мост был взорван отступающими силами немцев. Саперная рота, укрепленная ротой управления, пытались было наводить понтонный мост, но от него мало что осталось с предыдущей переправы. К тому же фрицы заняли на левом берегу заранее подготовленный рубеж и вели прицельный огонь. Лев Семенович при-

стал взводу танков командования следовать за ним, а сам на головном танке КВ проехал с остановками вдоль по линии, параллельно реки и вернувшись обратно обнаружил, что начштаба и все трои командирские танковых батальонов оборудовали место дислокации и возможный наблюдательный пункт. Танки были собраны в не большом лесном массиве южнее НП, насколько это было возможно, замаскированы.

- «Пятый» на связь выходил, Лев Семенович. Приказывает форсировать реку любыми силами и оборудовать на высоте в квадрате три корректировочный пункт.

Начштаба Проханов был переведен в его бригаду перед самым наступлением в связи с ранением предыдущего, а потому смотрел вопросительно. Не скажет ли командир недовольство по выбору места НП и дислокации бронетехники.

Хорошев посмотрел, как начштаба направляет танки взвода командования к месту дислокации, и остался доволен. Они прошли в НП, где еще шли работы по его оборудованию. Рядом обустроивали небольшой блиндаж в один накат. Все знали, что засиживаться все равно не дадут, но вряд ли обойдется без подготовки выполнить приказ «пятого».

- Разведку ко мне, Филиппенко и батальонных командиров! – негромко проговорил Хорошев помощнику начштаба, повернулся к Проханову – Чайку бы сейчас а. майор?

- Есть чай. сейчас подадут Лев Семенович, - начштаба, как было видно, и сам не прочь испытать кружечку после такого аврала по устройству места дислокации.

В так называемый штаб в блиндаже, оборудованном силами комендантского взвода трофейными

складными столом и несколькими стульями и просто пустыми ящиками из-под снарядов, собрались все три командира танковых батальонов, командир разведроты старший лейтенант Стальнов и командир мотострелкового батальона капитан Филиппенко. Видно было, что бригадный до их прихода успел переговорить с начальником штаба, и глаза у них горели одинаково заговорчески, выдавая уже общий ход мыслей.

- Поступил приказ из штаба армии форсировать водную преграду и оборудовать вот на этой высоте пункт по установлению огневых точек врага, мест дислокации его живой силы, техники и для корректировки огня нашей артиллерии по всем этим точкам. С танковым взводом командования я проехал некоторое расстояние, но так мало что увидишь, а поэтому слушай приказ для разведки. Тебе, Стальнов, до наступления темноты, не особо выдавая свои планы обследовать берег севернее вот этого пологого участка на расстоянии около двух километров напротив высоты и вместе с Филиппенко подготовить там все для начала переправы с наступлением темноты, а точнее - ровно в 2 часа ночи. На Вас будет работать вся саперная рота. Они в курсе. Теперь, командирам бронетехники: сосредоточить технику напротив ближнего участка берега, напротив нас, на расстоянии этих двух километров южнее от места переправы. Начинать с 23.00 часов. Вам, напротив, следует не скрывать желание переправиться, мельтешить не переставая, выгружать на глазах у врага остаточные звенья от понтонного моста и чтобы враг поверил в подготовку к переправе именно на этом месте. Танкам маневрировать, отходить и приближаться к берегу и никаких перестрелок. Думаю, что враг, если поверит нам, не будет особо крыть нас своей артиллерией, а будет ждать момента переправы, чтобы

бить наверняка, уже на мосту, лишенных возможности оказывать сопротивления и маневрировать. К тому же они не намерены раскрыть месторасположение своих огневых точек раньше времени. Стрельбу, вместо ожидаемой немцами переправы, начать из всех танков ровно в 2 часа, что бы Филиппенко под этот шумок переправил свой батальон из двух рот на своем участке. Одна рота остается здесь. Пригодиться. Ждать времени нет, уже завтра немцы укрепят весь берег и подтянут резервы. Пока основные их силы заняты нашими соседями, которые так же пытались переправиться, и продолжают свои попытки. Время работает на врага. А теперь до наступления темноты всем накормить личный состав и приготовить допдаёк ротам Филиппенко. Все свободны, кроме Филиппенко. А ты, Стальной, передай свои полномочия и с небольшой группой разведчиков передаешься под командование Филиппенко. Там для разведки, пожалуй, тоже найдется работа до наступления утра. Теперь все.

В штаб армии, откуда шли бесконечные напоминания, была передана радиограмма «В гости отправимся в темноте за несколько верст к северным соседям, как доедем, сообщу дополнительно». Хорошев был уверен, что штабе армии поймут местонахождение будущей переправы и ничего на этом участке не предпримут. Ибо случались нестыковки, когда авиация или артиллерия начинали бить по своим. Филиппенко, кроме взвода разведки он передал трех человек с двумя рациями из взвода связи.

- Должно получиться, - проговорил он вслух глядя на начштаба, - лишь бы фриц сам не надумал начать артподготовку и переправу. Если начнет, придется устроить дуэль, ибо в штаб армии уже всё доложено. Только в таком случае Стальному с Филиппенко будет тяжелее переплавляться во время боя.

Так для их бригады началась Богородско-Харьковская операция под кодовым названием «Полководец Румянцев» силами двух фронтов: Воронежского и Степного. Конечной целью операции являлось уничтожение 4-ой танковой армии и группы «Кемпф», состоящей из 18 дивизии противника. Фашист еще был силен, но после провала своей операции «Цитадель» на Курской дуги, имели вид не особо бравый. Левее его готовились вступить в бой ещё две бригады их танкового корпуса, но они должны переправиться и вступить в бой уже после артподготовки по наводке корректировщиков Хорошева с высоты.

Переправиться удалось без особых происшествий, если не считать мелкие ошибки, когда два бойца провалились в воду и утопили ручной пулемет, который ох как бы пригодился на месте. Действительно, плавсредства готовились на месте дислокации, переносились и собирались саперами уже на месте переправы, не создавая шума. Тем более недалеко, в районе основных сил немцы выстреливали сигнальные огни на парашютах и освещение, как всегда в таких случаях, пугало бойцов и они часто останавливали работу, и некоторую её часть пришлось доделывать уже в полной темноте. « Обошлось как нельзя лучше, - считал Филиппенко, - теперь нужно подобраться поближе к высотке и ждать там наступления рассвета». Танки и артиллерия, как было слышно, ещё лупили по вражеским позициям через водную преграду, и немцы, догадавшись, что переправы никакой не будет, стали отвечать из своих орудий. Однако танки, отстреливаясь побатальонно, отходили на задний рубеж и возвращались отдельными экипажами, чтобы повторить свои три выстрела и уступить место другим. Так продолжалось около сорока минут, и Хорошев остановил дуэль и приказал

«обратить танки к месту дислокации. «Должны были успеть за это время, - думал он о Филиппенко, - Лишь бы они не наскочили на укрепрайон с ДОТаами.

Едва вступив на первом плоту в правый берег, группа разведки Стального занялся изучением местности, оборудованием секретов для ночных дежурств охраны. Ими же были изучены подходы к оврагу, где можно разместить бойцов. Двигаться вглубь вражеской территории было опасно. Ночь была темной, а враг наверняка неоднократно простреливал все подступы к высоте и мог бить при любой видимости. Однако рассветать начало быстро, хотя ещё стоял туман. Командир взвода разведки Стальной повел своих где пробежками, а где по пластунский, в сторону высоты, разделив на два отделения на расстоянии 30 метров друг от друга, пока передний боец не передал сигнал остановиться. Продвигаясь осторожно поближе, Степанков увидел силуэты немцев, ползающих по земле на подступах к высоте. Немцев было трое, но позже обнаружили, что левее их топшатаются еще трое немцев. Нужно было их обезвредить первыми, пока сами не обнаружены. Светало быстро и внезапно имело большое значение. В обеих группах немцы, увидев товарищей, заколотыми штыками и направленные на них ППШ подняли руки и сопротивляться не собирались, а препровожденные к Филиппенко охотно давали показания, не забыв при этом поставить в известность, что они из рабочих, взятых по мобилизации, что дома у них семьи, а Гитлер, по сути, капут. Так было выяснено, что на высоте немцев всего около двух рот, вооружены минометом, двумя крупнокалиберными пулеметами и автоматами. Немцы укрепиться там не успели, но и бросить такой выгодный пункт наблюдения тоже не хотели, а потому эта группа оставлена ими в качестве смертников. Фашисты минировали

высотку, как со стороны реки, так и с тыла, снизу вверх, чтобы самим, в конечном итоге, остаться окруженными минным полем со всех сторон. Отступить они не могли, предварительно не разминировав подходы.

Минеры сопротивляться броску группе Степанкова не успели, поскольку автоматы висели за спиной, а руки были заняты установкой мин, которых они тащили по земле в скользких поддонах с кармашками для мин. Такое количество бойцов, как посчитали немцы, достаточно до прибытия помощи основных сил. «Продержатся, ибо подходы нашпигованы минами. Большевикам подарок приготовлен хороший». Не могли немцы знать, что именно до наступления зари советские разведчики поспешат сами навстречу, не дожидаясь сюрпризов. Филиппенко видел, что самый разговорчивый пожилой фриц явно не из эсесовских фанатов, и решился взять его провожатым по минному полю к высоте, а остальных оставил под охраной в овраге. «Рискнем! Вроде на Сусанина не похож». Да и время шло, минеров могли спохватиться.

«Фрицы гарнизона высоты», как их окрестил для себя Филиппенко, без того чувствовавшие себя камикадзе, не были готовы что при таком раскладе на них набросятся в рукопашную непонятно откуда взявшиеся русские, а потому сопротивления почти не оказали. В действительности, понимал, Филиппенко их спасло и помогло только время, выбранное для переправы в момент минирования. Так близко подойти к «гарнизону» после окончания минирования не получилось бы никогда. Пришлось бы вызывать огонь на себя. Ну как тут не перекреститься. О такой удаче он мечтать не мог.

Посмотрев с высоты, Филиппенко понял, почему командование обратило на неё такое внимание.

Панорама вокруг, к тому же с установленной стереотрубой подходила для корректировки огня артиллерии идеально. Уже через пятнадцать минут он сообщил по радию, что в квадрате 2 на глубине 5 километров напротив первой бригады сосредотачиваются танки противника. Было видно, как застилается белый дым работающих двигателей. Артиллерия противника, расположенная в подлеске напротив между двух советских бригад, была замаскирована и с воздуха можно не заметить. Они не дадут переправиться остальным, если вовремя не уничтожить. Эти сообщения и другие подробности передал в первую очередь.

Хорошев отвечал с ответным приказом, чтобы Филиппенко «вжился» в окопы и не высовывался блинчики 5-10 минут. Оказалось, что командарм для из корпуса «выгорговал» у штаба Фронта гвардейские минометы «Катюши», оказавшиеся в это время поблизости. Двух залпов хватило, чтобы понять какое это было грозное оружие. В районе скопления немецких танков стоял хаос, а артиллерия выгорела с подлеском вместе. Деревьев, где они маскировались, почти не осталось, догорали последние. От самих орудий остались лишь металл, который так же горел, как дерево. Реактивные мины летели туда с таким воем, что страшно было высовываться из окопов. От взрывов стонала земля, было понятно, что снаряды фашистской артиллерии детонируют от попадания мин и пожара.

Когда был переправлен весь корпус, начали разминировать подступы к высоте. Отряд Филиппенко был отмечен наградами не только потому, что он обеспечил переправу основных сил, а потому что операция считалась удивительной. Сравнить это переправой Днестра или другой большой реки не приходится, масштабы не те, но уникальность опе-

рации состояла в том, что группа Филиппенко не потеряла ни одного бойца. Пленные у них - правда - оказались.

2. Полковник Хорошев

В ноябре 1943 года гвардейская танковая армия, входящая в состав 1-го Украинского фронта наступала за освобожденным Киевом и вклинилась в глубь вражеской обороны между группами войск «Юг» и «Центр», образовав опасный плацдарм. Наступление их было остановлено по приказу самого командующего фронтом Конева. Было видно по скоплению войск противника, что ожидается большое контрнаступление фашистов. Советское командование уже не раз убедилось, что немцы, едва заметив, образовавшиеся советские клинья, всегда старались ударить с двух сторон по основаниям, чтобы окружить хоть какую-то войсковую единицу русских. К тому же стали известны планы Вермахта начинать на этом участке крупное наступление, цель которого заключалось в повторной оккупации Киева и восстановление своего фронта по линии Днепра. Первоначальное, как казалась, обыкновенное сопротивление немцев переросло в тяжелые и кровопролитные бои. Началась Киевская оборонительная операция, которая продолжалась целых полтора месяца. Против 1-го Украинского фронта (бывшие Воронежский и Степные фронта), противостояли: 4-я танковая армия врага, 1 и 25 танковые дивизии и танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Враг наступал за частями, выходящих из окружения 38 армии и 20 ноября занял город Житомир, а еще через три дня Брусилів и вышел к шоссе Житомир-Киев, развивая свое наступление дальше. 25 ноября танковая бригада Хорошева в составе третьей гвардейской тан-

вой армии завязала бой северо-восточнее Брусилова. Лев Семенович в своем тяжелом танке КВ-1 выступал среди танков своего второго батальона, а 1 и 3 батальоны шли слева и справа от них. Рядом с ними среди танков КВ («Клемент Ворошилов») шли более скоростные легкие новые Т-34. Хорошев не захотел менять свой танк, хотя ему советовали начштаба, командиры батальонов и даже знакомые из штаба корпуса. Танков КВ-1 в его бригаде осталось уже мало, и он выделялся среди тридцатичетверок, как белая ворона. Ему нравился этот танк, хотя не раз попадал и переплет. Броня была усеяна вмятинами от снарядов, но пробить не смогли ни разу. Слухи дошли до штаба армии, и ему звонили из политуправления, что ему нужно выделяться и стараться вообще не лезть в пекло, что его дело руководить из НП и что немцы имеют специальные службы, охотящиеся на офицерским составом. Непосредственно участвуя в наступлениях, Лев Семенович знал, что с боков его броню выжидают такие же КВ-1 из взвода командования, идущие словно истребители прикрытия возле бомбовоза. Только на этот раз не обошлось. Получилось так, что пехота осталась позади, и Лев Семенович услышал в радиии голос командира танка Дмитриева, прикрывающего его слева:

- Смотрите за люком, чтобы не кинули гранату.

У вас на броне немецкие автоматчики.

Оказалось, что воспользовавшись отсутствием нашей пехоты, немцы запрыгнули на броню командирского танка – Держите прежний курс. Сейчас найду сзади и расстреляю их из пулемета.

Танк Дмитриева снизил скорость, пристроился немного сзади и действительно расстрелял немцев, которые, похоже сами не знали, что дальше делать на броне чужого танка. Однако этим маневром Дмитриев открыл бок командирского танка, куда и угодил

снаряд. Танк загорелся. Это было удивительно. Словно немцы слышали слова начальника политуправления и действительно караулили командирский танк и ждали этого момента. Конечно же, такого быть не могло, но и в действительности до передовой линии врага оставалось всего 150-200 метров, а с такого расстояния немецкая противотанковая 50 мм. пушка броню КВ пробивала. Немцы это уже знали и применяли эти пушки везде, где участвовали танки. Комбрига удалось вытащить из танка невредимого, но чуть не задохнулся его механик-водитель Георгий Джалахава из солнечной грузии. В этом же бою участвовал молодой механик-водитель тридцатичетверки Свалухин Федор Иванович, который так же горел в танке, но остался жив, похоронив командира танка и стрелка-радиста, а его лучший друг и земляк Иван Полетаев, так же механик-водитель второго батальона совершил таран, направив горящий танк фашистскому «Тигру». Хороший был дядька, один из первых трактористов своего колхоза в Зауралье. Взрыв тогда был такой мощности, что качнуло танк Федора, стоящий рядом, горящий с перебитыми траками.

Случай этот Хорошев считал чуть ли не позорным и хотел бы скрыть от высшего командования, но начштаба успел передать в штаб корпуса. Генерал Погодин разразился по телефону такой тирадой, что Лев Семенович только и успевал повторять «Так точно, товарищ генерал», «Есть, товарищ генерал», «Понял, товарищ генерал». После этого случая он передвигался на другом танке, но снова отказался от среднего танка Т-34, а пересел в скоростной КВ-1С со своим механиком-водителем Джалахавой. Правда, в пекло он после этого особо не лез, но не из-за боязни быть снова подбитым, а не хотел выслушивать такие нравоучения. И с начальником штаба отношения малость попортились. Ведь мог он промолчать.

Может, а вот не стал.

Восстановить оборонительную линию по Дунаю немцам не удалось, хотя потрепали они силы танковой армии изрядно.

Так получилось, что четвертая танковая армия 1-го Украинского фронта участвовала вместе с 1-м Белорусским фронтом в Берлинской операции, а основные силы их фронта ушли далеко на Запад. Встретились командир танкового корпуса генерал Хорошев Лев Семенович и командир танка ст. лейтенант Свалухин Федор Иванович в Берлине, после подписания капитуляции случайно. Хорошев, имея теперь, как командир корпуса, три танковых бригады всегда уделял особое внимание «своей» бригаде, где он прошел длинный путь от самого Курска до Польши, пока не был назначен на более высокую должность. Проходя мимо выстроенных в ряд танков с экипажами, вместе с новым командиром бригады Анохиным пожимал руки многим, кого помнил уже в лицо. К тому же Победа ровняла их в эти дни в одно великое братство и субординация особо не соблюдалась.

- Что теперь с бригадой и корпусом, Лев Семенович? - спросил его Свалухин, - Что с нами будет дальше?

- Похоже, что расформируют весь 1-й Украинский фронт, - отвечал генерал, который и сам почувствовал себя каким-то ущербным, еще не представляя до конца свою участь - Главное, что мы победили, верно. Федор Иванович.

«Удивительно. Не после того ли случая он помнит меня по имени и отчеству, - подумал Федор, - что вместе были вытаснены с поля боя под Брусилыным».

Сидя в данный момент у меня на кухне вете-

ран Свалухин, с которым малость выпиваем, бьет себя в грудь и уже дважды повторяет, что генерал Хорошев действительно помнил его имя и отчество, хотя я поверил ему с первого раза и не собирался спорить. И еще меня умиляет последнее, что он рассказывает уже заплетающимся малость языком:

- А вот встреча у нас была в Киеве к 50-летию Победы. Вот. И кого я там встретил, как ты думаешь? Никогда не догадаешься, - он снова хитро улыбался. - Филиппенко я там встретил, вот так. Не поверишь, вот так. Правда, он меня не узнал, потому что в Берлине с нами не был. Он, видишь ли, встречался в это время на Эльбе с американцами. Не узнал он меня. Ну да ладно. Он же - пехота. В танках не горел.

Я, проводив Федора Ивановича до дому, ещё долго оставался, как заблудший во времени. Не хочется даже для красоты слога заниматься словоблудством о той частичке внутри меня, пришедшей с тех времен, но все же...

ДМБ – УРА!

1.

- Привет, салага. Где это ты пропадал?- командир первого отделения сержант Талминев удивленно уставился на улыбающегося рядового Шурика

В курилке они были вдвоем. Лева Талминев оставил свое отделение в учебном классе, а сам пошел перекурить. Специалист, полковой химик, рассказывал солдатам его отделения о средствах химической защиты и Лева, которому до дембеля осталось 2-3 месяца, решил, что ему надо готовиться к дембелю, а не химической атаке. Собирался покурить и тут же вернуться поскольку, как по команде вместе с ним, начали поднимать свои задницы от стула еще два «деда» из отделения.

- Отставить подъем! – дал он команду старослужащим, - Сидите и слушайте. Остальным – законспектировать. Потом проверю.

Остался в курилке из-за Шурика, который служил в штабе, но числился за их взводом, где и стояла последние две недели его пустая кровать во втором ярусе.

- И вправду, ты где пропадал? Думали, уже в другую часть перевели.

Они сидели на одной из вкопанных в землю скамеек, расположенных полукругом к большому баку с окурками. Видно было, что эта урна когда-то служила на кухне. Теперь туда бросали окурки сигарет различных марок, а кое-кто из салаг, пока никто не видит, умудрялись наоборот доставать оттуда. Уж больно «жирные бычки» порой попадались.

- Да, тут меня направляли в военную прокуратуру, что при окружном штабе, - отвечал Шурик, который только-только научился курить и теперь демонстрировал, как это у него хорошо получается. Даже

плевок сквозь зубы выстреливать научился. Настоящий солдат, блин.

- Зря ты стал курить, Шурик. Тебе не идет. Неестественно как-то у тебя выходит. Не перекур, а выходка какая-то. Бросай, пока не поздно.

Он и впрямь, как пацан. На тоненькой шее торчит, как подсолнух, большая круглая голова, а лицо широкое с курносом носом так и клянит веснушек. Улыбка на этом лице живет давно и по прописке и, наверное, не уходит, даже когда он спит.

- Там, товарищ сержант трибунал находится, следователи военной прокуратуры, секретари. У них свои кабинеты, зал заседания, коридор. Я все это оформлял две недели. Служить там можно, кормить кормят, а потом даже и не замечают. Только когда у них заседания, прогонят в другую комнату и снова забудут. Когда отправляли туда, я в штабе был, слышал разговор, как меня забирали. Они там все начальники, а потому даже не стали особо разговаривать с нашим дежурным по штабу. «У вас есть молодой художник, откомандируйте его к нам на две недели». И всё! Не «здрасьте», не «до свидания». Я впервые себя почувствовал оловянным солдатиком, взяли и переставили. Интересно как-то. Я, словно какой-то ничейный.

- Ну и чем ты там занимался, такой оловянный? Поди, не просто стоял там, как часовой у знамени. Что делал-то?

- Ну я там рисовал различные следы обуви, ножи, какие бывают борозды эти, что на шее...

- Стоп, стоп! Какие борозды, на какой шее, ты это о чем?, - никак не мог понять Лева, - говори толком.

- Ну, это, борозды бордовые, что на шее солдата остаются, когда он вешается, транс..., транс... ну я забыл как по научному.

- Ну всё! Всё, хватит на хрен! Нашел о чем рассказывать. Вот гады, чуть пацана нам не испортили. Теперь слушай сюда, молодой. Нам, видите ли, некогда вешаться, мы, видите ли домой собираемся. Выбуди всех своих висельников, будешь оформлять свои деибельские альбомы. И тут тебе гораздо больше повезло. Альбомы эти, да будет тебе известно, на всю жизнь понимаешь? Хотя, что ты можешь понимать, штабная крыса. Не обижайся, это я так. Но прочь бы и сам так прослужить при штабе, но не получилось. Я и на учениях жопу морозил, и окурки, будучи молодым, хоронил. да и голодал малость, в начале службы. Теперь такого нет. Ну и не надо художнику всего этого. А ведь было такое однажды, так и я встал на подоконник третьего этажа и задумался сброситься вниз головой или нет на каменный плац. Ну, это я так. Одним словом мне известно, что хорошо служить в каптерке, в кочегарке или штабе. Но она прошла эта служба и очень дорога нам дедям. Это ты потом поймешь, но тебе несказанно повезло салага! - закричал Лева и обнял Шурика, - тебе охеренно повезло! Вот смотри сюда, - стал Лева выгибать пальцы, - старшина роты – дед, замкомвзвода – дед, я – дед. А кто ты, при таком раскладе?

Шурик не понимал, кто он при таком раскладе. Смотрел непонимающе и, конечно же, улыбался как всегда.

- Ты, при таком раскладе, кум королю. Вот ты кто. Ты – личность и уважаемый человек, понял салага! Даты у нас, после ужина будешь жить по своему распорядку. Старшина выделит тебе в каптерке чулкую мастерскую, от строевых занятий я тебя освобождаю. А в штабе ты будешь появляться очень редко и по особым случаям. Там тоже люди служат. Два раза в году, весной и осенью и офицеры понимают тех, кто уже ждет приказ и готовится стать гражданс-

ким. Так-то. Понимаешь, пацан, - стал его трясти Лева.

Шурик понимал. Ему, даже такому еще молодому, тоже было интересно слышать, как после отбоя в казарме самый молодой каждый вечер кричал во все горло:

- До дембеля стало ближе ещё на один день!

И тут же вся казарма хором и громко отвечала «Ну и хрен с ним!»

А после опубликования приказа министра обороны о демобилизации и очередного призыва, молодой будет объявлять громко и каждый вечер, сколько дней остается до дембеля. Так у них заведено и через это проходят все, а потому чтят как неофициальные пункты Устава, нарушать которые не принято. Деда вырезали из газет этот приказ и приклеивали на первый лист дембельского альбома.

- Лады, - отвечал Шурик, понимая, что панибратство ему теперь прощается, - только надо передать всем дедам, чтобы покупали альбомы примерно одинакового формата. Знаешь Лева, рисовать я буду красиво, и даже уже представляю, как все будет выглядеть, но без трафаретных рисунков и записей плохо будет смотреться. Надо, чтобы одинаково помещалось на страницах.

Было понятно, что придется оформлять всего-то три альбома для перечисленных Левою лиц из младшего комсостава. Деда, из числа рядовых, оформляли все сами. Работы не так много.

Лева и сам уже подумывал, где и какая будет находиться фотография, сортировал их по различным стопкам. Первым, после дембельского приказа будет приклеена фотография, где они четверо будущих дедов еще осенью прошлого года сфотографировались на учениях. Они сидят на скамейке с автоматами на груди в манере невоспитанного ковбоя,

ким. Так-то. Понимаешь, пацан, - стал его трясти Лева.

Шурик понимал. Ему, даже такому еще молодому, тоже было интересно слышать, как после отбоя в казарме самый молодой каждый вечер кричал во все горло:

- До дембеля стало ближе ещё на один день!

И тут же вся казарма хором и громко отвечала «Ну и хрен с ним!»

А после опубликования приказа министра обороны о демобилизации и очередного призыва, молодой будет объявлять громко и каждый вечер, сколько дней остается до дембеля. Так у них заведено и через это проходят все, а потому чтят как неофициальные пункты Устава, нарушать которые не принято. Деда вырезали из газет этот приказ и приклеивали на первый лист дембельского альбома.

- Лады, - отвечал Шурик, понимая, что панибратство ему теперь прощается, - только надо передать всем дедам, чтобы покупали альбомы примерно одинакового формата. Знаешь Лева, рисовать я буду красиво, и даже уже представляю, как все будет выглядеть, но без трафаретных рисунков и записей плохо будет смотреться. Надо, чтобы одинаково помещалось на страницах.

Было понятно, что придется оформлять всего-то три альбома для перечисленных Левою лиц из младшего комсостава. Деда, из числа рядовых, оформляли все сами. Работы не так много.

Лева и сам уже подумывал, где и какая будет находиться фотография, сортировал их по различным стопкам. Первым, после дембельского приказа будет приклеена фотография, где они четверо будущих дедов еще осенью прошлого года сфотографировались на учениях. Они сидят на скамейке с автоматами на груди в манере невоспитанного ковбоя,

положив ноги на стол в сторону фотографа. Из-за такого ракурса подошвы сапог смотрятся большущими, и на каждой подошве приклеена буква, вырезанная из белого ватмана: У Р А – Д М Б! Восемь букв на восьми подошвах. Здорово смотрится! Класс! Штормом можно поместить фото из строевого осмотра. Там Лёва впереди, еще молодой, с высоко поднятой ногой и открытым ртом. Он поет в качестве ротного запевалы. Другие деды каждый раз напоминают ему, что эта фотография должна быть обязательно одной из первых. Поет он действительно классно, и этим даже связана целая история.

Тогда в часть приезжали из штаба округа целая бригада офицеров и среди них одна женщина. Они представляли различные службы всего окружного штаба, и каждая занималась своим делом. Лева не спеша пошел в ту группу, где о чем-то агитировала солдат эта женщина. Он уже считался старослужащим, а потому его не особо-то и старались сунуть туда, где нужно было продемонстрировать физическую подготовку. Командир взвода лейтенант Митин махнул на него рукой и даже был рад, что Лева не будет мозолить глаза прибывшим штабистам. Оказалось, что женщина, которую звали Элиза Ахматовна, представляла коллектив песни и пляски военного округа и заслушивала всех желающих. Ребята, увидев подходящего к ним Леву, расступились, освобождая место. Зазвучали слова «Вот наш запевала», «вот он поет, это надо заслушивать». А Лева и вправду пел и в клубе полковом и первые места занимал всегда, начиная со школьной самодеятельности. Хорошо поющих солдат было не мало, и вся эта масса владела неплохим баритоном, но когда запел Тальминев, воцарилась полная тишина и все разговоры прекратились.

У солдата выходной,

Пуговицы в рад...

Даже из других групп, где занимались метанием гранат и строевой подготовкой подтянулись к ним, чтобы послушать Леву. Совершенно от небольшого усилия, у него открывался такой чистоты голос, что все как вкопанные уставились на Леву, и нельзя было, чтобы не завидовать такому чуду. Это был замечательный тенор, которого так не хватает в их хоре. Элиза Ахматовна взяла его сразу под руку и повела в сторону штаба. Конечно, у них были два замечательных солиста, но это крайне мало, а тем более один из них вообще собирался поменять место служб. Как только Лёву не уговаривали перейти в оркестр и остаться на сверхсрочную. Все было бесполезно. Лева был «дедом», и его уже ждали дома.

В штабе округа в тот вечер состоялся такой разговор. Дирижер и художественный руководитель ансамбля военного округа Базальт Эмильевич выговаривал Элизе Ахматовне о необходимости довести дело до конца.

- А что вы хотели, родная моя? Он старослужащий и это надо учитывать. Это же срочная служба, где солдат живет одним лишь устремлением к демобилизации. Это же дети, оторванные от домашнего очага на целых два года. Два года без мамы в восемнадцать лет и такие условия. когда он бедный целыми днями выполняет одни приказы, снимая эти чертовые сапоги только на сон грядущий. Его надо понять, родная моя, - продолжал Базальт Эмильевич, - я даже слышал, что там ужасные порядки, что там заставляют чистить туалеты зубной щеткой.

- Какой ужас, - проговорила Элиза Ахметовна, хотя и не поняла причем тут сапоги. - Как можно чистить унитаз такой щеткой. И что все же делать, Базальт Эмильевич?

- Тут, вы извините, я малость переборщил. Ник-

то их чистить щеткой туалеты, конечно, не заставля-
ет, но и просить или умолять чтобы содержали
этих места в чистоте не станут. Приказал и –
ничего. Но и ваши слова про унитазы звучат смехот-
ворно. Негу там такого. Унитазы там есть только в
штабах, а у солдат металлические или чугунные тол-
чки. Ну, все Извините. Не то начинаю говорить. А
вообще милая моя поезжайте к этому царю зверей
еще раз. Уговорите его. Обещайте, что мы дадим
ему время отгулять дембель дома, но возьмите что
ли хоть расписку, что не позднее двух месяцев после
дембеля приедет обратно к нам. Это, конечно,
орунда и такие расписки незаконны и необязатель-
ны, но ведь надо что-то делать. И разговаривайте с
ним хотя бы в присутствии ротного командира или
пусть даже взводного, заручившись их поддержкой.
И пожалуйста, когда безкомандиров, старайтесь все
время выделить те стороны нашей кухни, которая
отличается нас от срочной солдафонской службы.
Он же, наверно, думает, что никакой разницы нет.
Да и внушите этому Льву, что с таким голосом не
разбрасываются

- Что делать, я попробую, - не совсем уверенно
прошептала она, - а что говорить о жилье, ведь со-
всем скоро он жениться надумает?

- Ну вы давайте уговорите сначала и обеща-
йте что все будет. Потом будем разговаривать, когда
он согласится, а я тут поидук Александру Федорови-
чу. Пусть он включит нас с вами в график и обеспе-
чивает автомашиной на весь месяц. Будем ездить
по всем воинским частям. Не может быть, чтобы не
нашли еще кого-нибудь. Главное из молодых надо
выбирать, кому наша служба медом покажется. А то,
види гели, говорит Александр Федорович научился,
а дела никакого. Только другим карьеры портить уме-
ет, - и прибавил почти шепотом, - конференсье

хренов.

- Что вы говорите, Базальт Эмильевич?

- Нет-нет, ничего. Это я так, о другом.

Александром Федоровичем звали, уже непонятно с чьей легкой руки (языка ли?), заместителя начальника политуправления, майора Сергея Рогова. Никто его из штабных не любила, а воинских подразделениях, куда он повадился ездить, просто не навидели. У Рогова была привычка засовывать ладонь правой руки в прорезь кителя между пуговицами, стараясь походить на Наполеона. Однако он был высоким, худощавым и короткой прической без челки, а потому больше походил на Керенского – отсюда и прозвище. А портил он другим карьеру тем, что имел привычку появляться именно в тех подразделениях, где кто-то уже сидел два срока в одном и том же звании и дело, наконец, шло к разрешению вопроса, или там, где полк или дивизия вот-вот должны были получить звание показательного подразделения. Появлялся он почти случайно, без злого умысла более высокого начальства и своё выступление начинал примерно так: «Несмотря на неплохие показатели по службе, товарищи, в военно-политическом аспекте, а так же в воспитательно-патриотической работе много упущений. Непростительно много, товарищи». Слова словами, но и акты проверок он составлял такие же. В полку связи, например, командир роты второго батальона капитан Быстров после стольких лет, наконец, получал возможность перевестись с повышением в другой полк, но по акту, составленному Роговым чуть было не разжалован.

К нему подходили командиры других батальонов и рот, чтобы выразить свое несогласие и выразить соболезнования, но Быстров отмахивался:

- Да, не обращаю я уже никакого внимания на

него. Дело в том, что он, Керенский этот, даже не показухой занимается, а просто с головы до пят деревянный, как баобаб и действительно думает, что даже в Великую Отечественную Войну не народ победил, а комиссары и замполиты. Он уверен, что вся служба держится на таких, как он — Видать помру я капитаном.

Теперь Базальт Эмильевич готовился идти к Александру Федоровичу, чтобы тот дал команду включить их с Элизой Ахматовной на выезды по воинским частям в график и план политработы. Вопрос нужно было поднять на их уровне и стоять на том, что без патристических и военных песен воспитательная работа не может сниматься проведенной в полном объеме. При таком изложении, Александр Федорович, пожалуй, не откажет. Сам руководитель ансамбля не мог прыгать через их головы. А кто даст машину, кто с командирами подразделений договорится? Лучшей кандидатурой биться за ансамбль и быть не может.

Вечером он снова разговаривал с Элизой Ахматовной. Похоже, что этот Лев Талминев, отпраздновав дембель с родными не прочь приехать обратно. Особо полаг в этом командир его взвода.

— Ты что парень, — говорил ему лейтенант Митин, — хочешь, чтобы даром пропал такой голос? Если он дар Божий, то даже принадлежит не тебе, понимаешь? Сейчас самое время, пока попал в струю и тебя сам ансамбль приглашает. Потом захочешь, да поздно будет. Я бы, имея такой голос, не упустил бы такую возможность. Нет, не упустил бы. Сколько людей с консерваторским образованием не могут попасть в ансамбли. Даже не задумывайся, Талминев Соглашайся, иначе всю жизнь жалеть будешь.

Таким вот образом, — рассказывала Элиза своему руководителю, — его вдвоем и упомали. Приедет

он, Базальт Эмильевич. Приедет буквально через месяц после дембеля своего. И прав лейтенант. Чего ради ломался и отказывался от такой удачи. Пацан еще, потому что.

- Ну, а как он теоретически по музыке подкован, как к классике, например, относится? Выясняла что-нибудь?

- Полный профан и работать с ним придется долго, - говорила она и смеялась, - а грамота у него такая, что не отличает «танец шмеля» от «полета с саблями».

От этих слов они долго еще смеялись и пили чай, скрываясь от того же Александра Федоровича, который добровольно взял на себя еще одну обязанность – следить за занятостью некоторых служб. Там, где его уже посылали кое-куда, не появлялся, но к другим «случайно» заглядывал.

Талменев в эту ночь никак не мог уснуть, и с улыбкой вспоминал, как их молодых гоняли первом году службы, что засыпали, едва касаясь головой подушки. Они тогда, похоже, сначала даже засыпали, а уж потом происходила стыковка башки с подушкой. Вон, молодые, и сейчас так спят – служба им медом не кажется. Так и должно быть. А вот ему никак не спится. А правильно ли он поступил, что пообещал вернуться на сверхсрочную в ансамбль округа? С одной стороны, вроде всегда можно и передумать, но врать на таком уровне, да перед командиром и представителю штаба округа еще не приходилось. А то, что она женщина – только осложняет дело. «А вдруг отметив дембель с родными, я и вправду надумаю стать певцом. Может и родные так будут советовать, - подумал он вдруг, - тем более обещали обучать и поставить голос, что он сам удивится». Уснул он только после двух часов ночи.

2.

Приехал Лев Талминев, демобилизованный солдат в родной свой городок солнечным утром. Описание поездок такое. Встреча со своими родственниками, увы, состоялась совсем не так, как он часто представлял в казарме по ночам. Кто-то из пацанвы, катающих на велосипедах, успели предупредить родителей. Весь смак, сопляки, испортили! Он бы их удержал, предупредил бы, но за эти два года они так изменились и выросли, что не узнавал никого из них. Радость родителей и братика Сережки от этого не растаяла, и все было так долгожданно, что Лева просто забыл о своих грезах тут же. Встреча состоялась, чего ещё жалеть? Магь сразу стала собирать на стол, но праздновать встречу решили вечером. Родителя уходили по делам, а он не хотел, чтобы из-за него отпрашивались

- Да, зачем. мама? Папа? Я ведь уже дома и никуда не сбегу. Отдохну вон с Сережкой, к деду съездим. Одно классники опять же...

Девушка Ирина, с которой он встречался до армии, уехала и учится в области в музыкальном училище. К тому же повидаться с ней у Левы никакого желания не было. Друг его Женя писал, что она встречалась уже более полугода с парнем с Озерного поселка, и переписка с ней после этого стала напоминать выяснение отношений и со временем прекратилась. А вот с Женей повидаться стоит в первую очередь. Они дружили с детства, вместе призывались, но у Жени померла магь, а отца не было. Его комиссовали, так как оставалась две младшие сестренки одни

Дома у Жени была младшая сестренка Алёна. Лев никогда бы её не признал, повстречай одну на улице. Она, наверное, учится где-нибудь в четвертом или даже пятом классе, а когда их забирали в

армию, была совсем малышкой.

- А Женя на работе, Он говорил, что скоро вернетесь из армии, но ждал в июне. Давайте позвоним ему. У него и сюрприз для вас есть, но пусть сам расскажет. Не мой секрет.

Лева, уходя в армию, пожалуй, и сам был почти пацаном. Теперь услышав обращение к себе на «Вы» вдруг с отчаянием понял, что все изменилось так, что продолжение если и будет, то уже не того, что раньше происходило. Как-то странно было осознать такую вполне понятную вещь, что время, как оказалось, не останавливалась и здесь на гражданке, и он ощущал себя потерянным звеном общей цыпочки. Цыпочка, как было видно, существует, но ему, казалось, там уже не было места. Теперь он сам должен начинать новую цыпочку с их помощью, но без них, рядом где-то. Именно эту сторону он, бессонными ночами совсем упустил из виду и не признавал. И ведь, по сути, он так и остался тем же пацаном. Здесь, получается, все выросли, а его рост остановился. Вернее он тоже рос, но здесь был тем, каким был и раньше.

В первый миг от этой мысли его пробрал страх, что он за эти два года ничего не приобрел, а потерял очень много. Он не только не повзрослел, но и превратился отслужившего в армии пацана, который умеет выполнять любые приказы, но сам не в состоянии думать. За него два года думали и решали командиры. Там даже бытовало мнение, что инициатива наказуема. Да, дела... Теперь он сам как салага...

«Ну, ничего, - решил он все же, - буду теперь сам себе приказывать, а решительности выполнять приказы хоть отбавляй. Если, что поправят».

-Ладно, будем ждать его вечером, - сказал он Алёнке, и повернувшись Сереже, - поедем брат к

деду. Шибко я по нему там скучал».

Дед жил в небольшом, но уютном доме, на окраине города в поселке Озерном, и в свои восемьдесят восемь лет всяко артачился и не хотел переезжать в город. Брат отца, дядя Юра был готов жить в его доме, а деду предлагал заехать в его однокомнатную квартиру. Деду было тяжело носить воду, тимоной огребать снег и топить печь, но недавно протянули теплотрассу и подключили отопление от новой ТЭЦ. Теперь он и вовсе слушать не хотел о переезде, и всякие разговоры сыновей пресекал окриком:

- Да, пошли вы со своим унитазом! Мне тут привычнее, а у вас развился культ задницы! Вот помру, тогда и командовать тут будете. Хорошую вам дачу оставлю.

Степан Данилович, как звали деда, не хотел покидать дом, где он так долго прожил с бабкой Елизаветой. Бабушка померла за год до Левиного призыва в армию, и дед готовился так же помереть в этом же доме, но оказался живучим. Смерть его не брала, и он чуток погоревал и перестал её торопить.

- Как дед, держится молодцом? – спрашивал он Сережу в автобусе, на котором почти минут сорок нужно было ехать до Озерного, - Ждет наверное тоже.

Деда Степана Лева любил сильно и с детства, привык ездить к нему один. Его даже неоднократно снимали с маршрута из-за возраста, что без взрослых путешествует. Дед всегда разговаривал с ним как со взрослым человеком, будто советовался, хотя решение принимал сам. Дом его находился на краю озера, за которым проходила железная дорога. Все каникулы Лева любил проводить там, помогал, сколько мог, но в основном рыбачил, а баба Лиза ругала деда за то, что он доверял пацану лодку с дырявым дни-

щем.

- Башкой-то думаешь, пень старый, - начинала она выговаривать, - а вдруг вообще доски эти разойдутся. Угробишь ведь мальчика, горе ты луковое.

А лодка и впрямь малость пропускала, поскольку года два не конопатили, а тем более она долго пролежала на сухом берегу. Если вовремя выливать воду, то на этой лодке можно было и до вечера рыбачить, так что Лева дома не сидел. Концу лета, оставленная в воде лодка отсыревала и пропускала еще меньше.

- Дед сильно болел в праздник нового года, - перебил его мысли Сережа, - мы не хотели тебя расстраивать, а потому не писали. Он вообще чуть не помер. Все наши дежурили поочередно в его доме, кормили, поили и мыли его. Даже я два раза ездил, когда ему стало легче, повидать и узнать состояние здоровья.

Дед и в правду стал совсем другим, его не узнать. Сам, похоже, здоров как и раньше, а может просто хорохорится или не хочет расстраивать внука.

- Ну, здравствуй Лев Павлович, - приветствовал он Леву, - ты, брат, совсем мужчиной стал. Давайте-ка, я соберу чаю, посидим, поговорим - Налил воду и ставил чайник сам и говорил с удовольствием, видать, тяжело одному было без слушателей, - как дома дела, все здоровы?

- Все нормально, - отвечал ему Сережа, поскольку домашним здесь считал себя одного, так собственно и было. - Папа с мамой на работе, а праздновать будем вечером.

- Вот это правильно, это хорошо. Сын вернулся из армии, как не отпраздновать. Значит и Юрка за мной приедет. Вместе поедем.

Лева долго не мог успокоиться от одного вида старика. «Он сам, конечно же привык стареть поти-

доньку и изменения свои видит каждый день в зеркале, привыкает постепенно, - думал он о дедушке Стопане, - вот и ведет себя, как обычно». Лева не ожидал увидеть его такого старого и немощного. О, Господи, что время людьми делает! А дед в это время смотрел на внука и улыбался. Наверное, понял старик, какие мысли вдруг возникли в голове внука. И словно в подтверждении этого, он с улыбкой подошел к Леве и обнял его:

- Не узнашь деда, верно? Но не обращай внимания. У стариков не только за два года, но и за месяц может все измениться. Время у нас бежит год за два или даже три. Вот и считай, что пролетели целых шесть лет. У детей оно не торопится, время это, а после пятидесяти бежит так быстро, и ничего уже не поделаешь. Меня уже дети свои жалеть начинают. Отец вот твой мыл меня в баньке, после болезни, ногти стриг, веником малость похлестал и спину мне мылил, Посмотрел он на голого отца и слезы у него навернулись. Выскочил в предбанник, вроде как, покурить ему захотелось, а я понял все, Лева. Я всё понял. Страшнее смерти выгляжу: кожа да кости. Вот и жалко им меня обоим, Павлу и Юрке. Я и смеяться-то стал и улыбаться чаще, чтобы смотреться не так безобразно. Подумал, что им так легче со мной. И пожить, вроде, хочется, и жить-то стыдно. Но я очень хотел тебя дождаться, Лев Павлович. Я не мог иначе...

Вечером они всей семьей сидели за столом: мать с отцом, дядя Юра, Сережа, дед и друг Женя, который чувствовал себя не в своей тарелке и всё норовил убежать.

- Сиди, Женя, - говорила мать, - от тебя у нас никаких секретов нет. Может, наоборот, что и подскажешь.

Разговор шел в основном о дальнейшей судьбе

Левы. Отец категорический был против его службы в военном оркестре.

- Да какая же эта работа для мужика зарабатывать песнями? – не унимался он никак, - Да и какая же это военная служба. Ни то, ни сё.

Дед, как не странно поддержал внука и даже прикрикивал на отца:

- А что в том плохого, скажи мне Паша? Он же не как Леонтьев будет одеваться, чтобы всё под туго подтянутыми штанами пищало, Он в форме солдата Советской армии, чисто выбритый и петь он будет о Победе, о Родине нашей. Что тут плохо, тебя я спрашиваю? - пошел он в атаку, - У меня вот до сих пор слезы чуть не брызжут, когда услышу в исполнении солдатского оркестра «Вставай страна огромная» или «Враги сожгли родную хату». А на фронте они выступали как? Если бы ты это видел, так бы не говорил. Они пели на прифронтовой полосе, а ты через день после них идешь в атаку, а песня все еще звучит у тебя в ушах. Вроде, как и погибать не так страшно. Пусть поет. Вот пашешь ты, пашешь с утра до вечера, а что ты Паша заимел от этого? Даже я вижу что нету к тебе никакого уважения. И сам ты работу свою, никогда не любил. Пусть поет. Это тоже труд, если хочешь, без них никакой праздник не обходится.

Спорили долго. Отец против деда говорит много не хотел и сошлись на том, что Лев Павлович человек взрослый и пусть за этот месяц сам подумает и решит, где ему работать.

- А можно и учиться поступить, инженером стать или учителем, - вставила мать, - еще успеет, нарабатывается. Никуда она от него не убежит. Да и жениться скоро надо будет, и об этом тоже нельзя забывать.

Взрослые так и не пришли к общему мнению, продолжали спорить, а Лев с Евгением отправились навестить общих знакомых.

- Можно я с вами, - хотел увязаться Сережа, которому очень хотелось пройтись с братом в солдатской одежде, чтобы сверстники завидовали, но уже было поздно. Его отправили спать.

- Ну что, солдат, как себя чувствуешь – спрашивал его Женя, когда шли уже одни. – Мне вот не удалось испытать такой кайф – встречу с родными. Кажется, я чуток завидую тебе.

- Не завидуй ты этому, Женя, - говорил Лева, - есть, конечно радость, и она большущая, но и тревожного очень много. Завидовать ты можешь лишь тому, что родители здоровыми сына дождалась, хотя говорят, что дед болел и чуть не помер под Новый год. Знаешь, мне нисколько не жаль, что девушка не дождалась, мне жалко другое. Я чувствую себя постаревшим мальчиком, каким был до армии, словно выбросил эти два года коту под хвост. Меня снова должны одевать и кормить, пока не найду работу и не устроюсь. Сейчас вот срок службы сокращают до года, и наверно, это правильно. Вот ты, Женя, зарабатываешь на себя, сестер содержишь, а я даже не знаю, что буду делать. Заработки в военном ансамбле, как я понял, мизерные и ради этого ехать в такую даль не хочется. Сегодня деда жалко, а завтра, глядишь, родители в уходе будут нуждаться. Не куда я не поеду. Голос он при мне и никуда не пропадет. Помнишь, как втроем: ты, я и Гриша Бобин в седьмом классе «Орленка» пели?

- Помню. Только это в восьмом, кажется, было. Какое счастливое время было, а? Но ты и сейчас не приbedняйся, Лева. Ты прошел, как говорится, суровую армейскую службу. Закалился и возмужал, а работа от тебя не убежит. Все равно ведь есть, что вспомнить, а солдат? Есть ведь?

- Да, конечно есть, о чем речь, Женя. Вот как-

нибудь сядем, и я расскажу о службе по дембельскому альбому. Альбом у меня замечательный и там все от начала до конца. За первые полгода, правда, всего одна фотография – принятие присяги, но потом уже свой фотограф был во взводе. Да, а что я хотел тебя спросить? Ага, вот вспомнил. Сестренка твоя, Алёнка проговорила, что сюрприз у тебя какой-то для меня есть. Давай, рассказывай.

- Вот трещотка, ведь могла потерпеть, ан, нет! Ну, ничего ей нельзя доверять. Ну, ладно хоть всё не выложила, от неё всё можно ожидать. Одним словом, Женя, у меня скоро свадьба. Ты, солдат, будешь свидетелем моего пленения. Уже день назначен на 14 июня. Заявление мы с ней подали еще давно, и время подходило в середине мая, но мы отодвинули срок регистрации. Тебя решили дождаться, да и люди добрые посоветовали, чтобы не в мае месяце регистрироваться. Говорят, маяться всю жизнь будете, - смеялся Женя. - Так что готовься, свидетель отдать меня в мужа. А потом, глядишь, и тебя пропьем.

На другой день, Лева с дядей Юрой повезли деда Степана домой в поселок Озерный. Старик не хотел оставаться даже на денек-другой.

- К себе поеду, - говорил он, - что я тут потерял. Поехали со мной, Лев Павлович, хлопал Леву по плечу, - погостишь у старика малость. Успеешь хомут на шею одеть, после двух лет службы не грех и отдохнуть. Вот хотел сюрприз тебе сделать, но вижу, что не выдержу. Купил я тебе внучек подарок, с пенсии откладывал, знал потому что – дождусь! Снасти рыболовные тебе, сам разберешься, не нашенские какие-то.

- Ну, спасибо тебе, дедушка. Спасибо. Мы еще вдвоем с тобой порыбачим. Вся рыба наша будет!

3.

- Вот тут я прожил, внучек мой родной, больше тридцати лет. Тогда было проще оформлять землю для строительства, тем более фронтовикам. А ещё раньше дом твоего деда, отца моего - Льва Талминова стояла вон там, где раньше был цех по торфоподготовкам. В честь него ты и назван. Отец твой вырос здесь, потом и Юрка. Квартиру в городке тоже мне дали от железной дороги, как ветерану, но не могу я там жить. Давно хотел все это рассказать тебе, показать, но боялся, что не дождусь из армии. Особенно под новый год прихватило, думал, помирую. Выжил, однако. Дождался. Вчера разговор о тебе был каким-то беспутным, и пустым получился. А вот я всю жизнь проработал на железной дороге и здесь выхожу иногда вечером и слушаю, как поезда идут за озером. Стук колес хорошо слышен, видать, по воде так стелется, преград не зная. Только нежнее чуток звучит из-за этого.

- Ну ты дед, прямо как поэт, - не выдержал Лева, - красиво ты о железке рассказываешь. А вот я до сих пор не определился, что делать. Может и мне туда идти, а дед? Как смотришь на такой расклад?

- А что, не плохо бы. Это работа настоящего мужика. Тут был случай - когда твои родители теплицу и парники делали. Навезли материалу всякого, что бы, значит, обложить грядки парника деревянными брусками по периметру. Это, чтобы, земля не расползалась, когда поливаешь. Так вот я, повадился туда ходить поливать с таким, понимаешь ты, рвением, пока не понял в чем дело. Оказалось, что за парником положили несколько пропитанных для железной дороги шпал и этот запах меня и притягивал к себе. Во как! Петь песни за деньги оно, конечно, тоже можно, но прав Паша, не наше это. С ним я вообще-то согласен, а вчера наорал на него, чтобы

вперед батьки не лез. Ну, скажем, в воспитательных целях. Начнет говорить, так слова не даст вставить. Хотя хороших сыновей мы с Лизой вырастили. Юрка вот только развелся один раз и не хочет больше жениться. Однолюб или вообще в бабах разочаровался, не пойму. И разговаривать-то со мной не любят. Не подпускают оба, видать решили, что отжил я своё и уже не советчик больше. Да, оно, поди, так и есть. Сейчас дети привыкли жить своим умом. Мы всегда советовались с родителями, слушались их всегда, даже стареньких.

Удочки и катушки - по два экземпляра каждые - которые приготовил для него дед, Лева понравилась. Раньше он и мечтать о таких не мог. Тут, от вида дедушки, у него в груди снова поднялось то чувство, которое он испытал вчера. Старик так радовался тому, что угодил внуку и чуть ли не в ладоши хлопал, как ребенок. Лева поддержал такие его чувства и стал говорить « Вот это да! Вот это удочки!», а сам отвернулся, чтобы не выдать волнение.

Вечером дед так же продолжал разговаривать на различные темы, вспомнил и про войну, когда его чуть было не убили на территории Белоруссии. Тогда встреча с немцами произошла в лесу, и он спрятался за подвернувшимся толстым лежащим деревом. Расстояние оказалось между ними и немцами совсем небольшое, и наступила тишина. Лежали долго, и стрельбы никакой не было, видать немцев было не так много, и они не хотели обнаружить свое местонахождение. Однако деду Степану захотелось перекурить, и едва черкнув самодельной зажигалкой, он почувствовал, как об ногу ударила прилетевшей фашистской гранатой.

- Понимаешь, были у них такие гранаты с длинными ручками, а потому и медленным запалом. Их иногда успевали выбросить обратно, пока взрывчат-

ка не срабатывала. Но тут, понимаешь, она стукнулась об ногу и покати́лась еще ниже. Я бы мог не успеть, если попытался кинуть гранату обратно, а потому сработал чисто автоматический и выбросил через бревно себя. Когда граната взорвалась немцы так же поутихли на время и мне опять автоматически удалась перекинуть себя обратно на то же место. Немцы уже били из автоматов по тому месту, где я дожидался взрыва гранаты. Даже было слышно, как их пули вливались в дерево, где я лежал мину́ту назад. Шибко я тогда перепугался, - смеялся дед - Долго потом у меня была привычка оглядываться по сторонам, когда прикуривал. Не до смеху тогда было

На вечернюю рыбалку дед не пошел. Он устал от своих разговоров и, словно был опустошен, но счастлив, что у него в гостях находится внук, которого он, все-таки дождался назло всем прогнозам врачей.

Вечером Лева пожарил карасей, которые они с удовольствием ели под водочку, так же припасенную дедом для такого случая. Он был счастлив и боялся спугнуть удачу, которая его не подводила и продолжала пока сбываться, как и было надумано стариком. Когда Лева сообщил ему перед сном, что после свадьбы друга поедет устраиваться на железку, он и вовсе растаял и стал вспоминать, как его провожали на заслуженный отдых уже шестидесятисемилетнего пенсионера, как он долго висел на доске почета, как вручали знак «заслуженный железнодорожник». Напоследок, уже перед сном, дед продемонстрировал свою память, задавал различные вопросы по своей бывшей работе и сам же на них отвечал: «какой длины бывают рельсы?», «А знаешь какая ширина между рельсами?». Уснули поздно.

На следующее утро дед не проснулся. Тишина

гнетущая, со стороны перегородки, где спал дед словно подбросила Леву на кровати. Она, эта тишина, была какой-то нездоровой и пугающей. Ни храпа, ни сопения. Тишина была мертвой.

- Правда, он хорошо умер, правда не мучился? - который раз спрашивал его отец - Видать и вправду дождался тебя из последних сил. Дождался. Эх, папа, папа.

Женя хотел отложить свадьбу, хотя бы на несколько дней, чтобы праздновать после проведения сорокового дня деда Степана, но Лева с родителями его отговорили.

- Не надо, Женя, откладывать на другой день. Как наметил после регистрации, так и надо провести. Столовая заказана и переназначать гостям приглашения на другую дату просто немыслимо. Дед Степан сам бы такого никому не позволил. Многие, наверняка, имели свои планы, но пересмотрели их, подменялись на работе, подписали поздравительные открытки и телеграммы. Нет, Женя. Жизнь такова и её все равно не изменишь. Счастья тебе.

Свадьба, как ей положено, проходила шумно и весело в заводской столовой, Молодые люди, большинство из которых были парами, танцевали и пели до глубокой ночи. Многие кучковались там и сям по углам, хихикали и целовались. Жизнь продолжалась. Невеста с женихом сидели уже в небольшом кругу, а остальные танцевали и были хорошо выпившие, хотя из закусок, еще не подавали горячее.

Но вот зал стал наполняться снова, но без приглашения тамады или активистов. Все пары и одинокие, вышедшие покурить, проталкивая друг друга, устремились в столовую. Даже двое постовых милиционеров подошли и просунулись между дверей столовой. Пел Лёва Талминев, свидетель и ближайший друг жениха. Голос его такой чистый, переполняя угол-

мидания, вырвался в наружу и устремился ввысь, сияли звезды. Им были переполнены и гости, отрезвевшие от такого чуда. Лева стоял полубоком в сторону жениха и невесты и пел, устремив взгляд свой куда то мимо всех гостей, словно переживал все то, что перелопатило его жизнь, превращая в мужчину. И все было в этом полусе: ранние подъемы солдат, маршброски в ледяную стужу, лица товарищей, последние улыбки деда, боящегося показаться безобразным, но победившего смерть, чтобы дождаться внука и то, что осталось от него за оградкой кладбища. Лева пел первый раз не стесняясь слез своих, и словно очищал себя и освобождался от тяжелого и обволакивающего его со всех сторон чувства, которое давило его это время и не давала затеряться в толпе и быть с ней в одной массе. Ему становилось легко и он, закончив песню, выскочил на улицу, чтобы проветриться и возвращался уже вышедшими следом женихом и невестой. Свадьба продолжалась.

ТАМАРА

Звонок в дверь прозвенел в семь сорок. В это время может позвонить только соседка сверху Тамара, которая частенько занимает у меня денег на пиво. Не скажу, что я из тех, у кого всегда можно занимать значительные суммы. Сам живу, как принято говорить от звонка и до звонка. Я просто стараюсь распределять свой бюджет (как сильно сказано). В голове всегда держу две цифры: 1) то, что нужно будет покупать в каждую неделю; 2) что из намеченного в первом пункте смогу купить реально. В результате выполняются эти пункты не совсем по намеченному пути, а потому занимаюсь, словами работников бюджетов, секвестированием, то есть сокращаю расходную часть, чтобы доходная её часть оставалась в том количестве, чтобы хоть что-то выполнить из запланированного. Эти операции я тоже нигде не отражаю, а просто в уме отменяю некоторые расходы при помощи умозаключений типа «это не смертельно», «это может пока подождать» или «ну это уже нереально». Для Тамары, которая занимает строго по сто рублей в каждую неделю, средств в бюджете хватает. Да и куда ей обращаться, если другие соседи перестали её «выручать» потому как, не всегда возвращала. А мне вот нравится быть чуть ли не благодетелем и просто чувствовать себя человеком, которому должны. В этих словах, естественно, больше иронии, чем правды...

Тамара с сожителем Игорем живут этажом выше и любят выпивать. Первоначально Игорь устраивал скандалы, материл старшую по подъезду, ломал двери и имел привычку кичиться тем, что тюрьмой его не запугают, поскольку уже сидел. Несколько раз коллективными заявлениями отправляли его в ментовс-

«обезьянник», и он после этого держался неко-
торое время, но до первой хорошей пьянки, чтобы
наконец потом учудить что-либо. Постепенно они на-
чали находить временные работы, особый шум
не поднимали, но деньги пропивали быстро и по-
требовались пивом. Со временем им подключили и
электричество, которое было отключено за неупла-
ту. Старшая по подъезду уже не искала им обмен с
долларом и говорила соседям:

- Пусть живут. Вдруг поселится кто-нибудь по-
лучше, чем Игорь.

Так мы и живем теперь почти спокойно, ибо зна-
ем, что такие семьи есть в каждом подъезде и впол-
но возможно, что наше «плохо» лучше, чем их «ни-
куда не годиться».

- Дядя Толя, выручи еще раз, - говорит Тамара
уже выученной миной, - шибко у нас головы болят.
Игорю ехать на халтурку, а он никакой

- Тамара, ты мне должна за три недели по сто,
когда вернешь? - спрашиваю её, чтобы, значит, не
приходила больше, пока не расплатится. - Смотри,
потеряешь моё доверие и вовсе пропадете.

- Нет, дядя Толя, - говорит она - с Игорем дол-
жны расплатится за работу, вот приедет через не-
сколько дней, всё отдам. Но мне надо пятьсот руб-
лей, закупить ему хотя бы бомжовки (так они зовут
быстрорастворимую вермишель в пакетиках). Я тебе
сейчас принесу что-нибудь в залог. Пожалуйста, дядя
Толя. Ему там чтобы пожрать было что первые дни,
пока деньги не получит.

По сути своей, они не такая уж совсем кончен-
ная пара. Игорь начал стараться как-то находить вре-
менные работы и её содержит. Она одеваться стала
более прилично. К тому же мне было интересно, что
Тамара может принести в качестве залога, неужто
осталось у них еще что-то, что имеет ценность и без

чего могут обходиться? Ну, не притащит же она холодильник или стиральную машину?

Она принесла кольцо 583 пробы, что сейчас мало кто ценит, но все же «загнать» его можно за пятисот рублей.

- Как же так у вас, Тамара, получилось, что Игорь не пропил кольцо за это время, ведь раньше бухал по страшному, и готов был пропить все? – Говорю ей, - Это не очень дорогое кольцо, но и не фуфло какое. За пятьсот рублей покупатель бы нашелся.

- Да он и пытался пару раз продать, но я прятала его, хотя и подрались пару раз, Потом он понял, что ничего из этого не выйдет и уgomонился. Правда, я продолжаю еще прятать. Оно же маленькое, кольцо это, ему не найти.

- Надо полагать оно очень тебе дорого, может, расскажешь как-нибудь, если не секрет?

- Как-нибудь расскажу, - сказала она и побежала от меня в магазин за пивом и «бомжовкой».

Детство маленькой Томи прошло в родительском доме здесь в нашем городе. Вернее сказать, эта была большая трехкомнатная квартира в старой части города в добротном двухэтажном доме с высокими потолками, которая досталась родителям от бабушки со стороны матери. Дом построен сразу после войны пленными немцами, куда заехали дед с бабушкой уже перед смертью деда. Его Тамара не помнила. Фотография деда в военной форме, которую долго хранила мать, впоследствии потерялась. Бабушку она помнила тоже плохо. Остались лишь воспоминания о том, как они со старшей сестрой Полиной спорили до слез и драки, кто будет спать в эту ночь с бабой Варей. Бабка старалась никого из них не обижать, но чаще укладывала с собой меньшую. А ещё Тамара помнила, как на другой день пос-

но такого счастья, бабушка сушила матрац и винила в этом себя, что из-за головной боли уснула поздно и не подняла внучку, чтобы усадить её сонную на горшок. И было обидно Томке в эти дни, поскольку Полина целый день смеялась над ней, корчила рожи и обзывалась.

После смерти бабушки сестры сильно подружались и ни на шаг друг от друга не отходили. Полина обязательно тащила её за руку везде, где бывала сама. Когда подросли, они обе полюбили песни из индийских фильмов и бесконечно крутили одни и те же пластинки. Эти фильмы любили и родители, не пропускали, ходили в кинотеатр, приходя оттуда, что-то обсуждали, а потому не запрещали дочкам крутить диски. Замечательная пора – детство!

Отец умер рано, недолго прожив после выхода на пенсию. У него была редкая для мужчины профессия бухгалтера, и с их же слов, очень в те времена незаменимая. Проработал он день в день своего шестидесятилетия в районном ЖЭКе, и начальство держало его до пенсии, хотя в большом помещении бухгалтерии он один сидел в уголке, как анахронизм, и стучал счетами, когда рядом появились молодые женщины, легко освоившие бухгалтерские программы на компьютерах. Ему уже не хотелось учиться этому, хотя и пытался. В результате, его решили оставить на год с небольшим, дали незначительный объем работы. Когда случались сбои в программе или выключали электричество, он становился гордым и начинал стучать с такой скоростью, что все удивлялись. Ошибок он никогда не допускал. Однако он понимал, почему его держат до сих пор, и был бесконечно благодарен.

Девочки очень любили отца, и в памяти Тамары он остался молодым как в тот незабываемый день, когда вернулся навеселе с выборов и вывалил на стол перед

дочками такие вкусные пряники и мандарины, которых в магазинах не было. Строгости никакой к дочкам не было, на что мать частенько обижалась, говорила, что он хочет остаться в памяти детей «добреньким папой-тогда, как ей одной приходится наставлять их на путь истинный. Он на это лишь улыбался и говорил: «Были бы пацаны, я бы занимался». Таким добрым папой он и остался в памяти Тамары. Мать померла через четыре года после отца. Дети помнили что всем, к что они умеют делать обязаны ей.

Тамара училась в то время в торговом техникуме, но бросила недоучившись. Там же в техникуме она познакомилась с парнем по имени Рома, который увлекся наркотиками. К наркотикам он привык быстро, связавшись с местными ребятами, которые приходили в их общежитие. Ребята эти сначала втягивали общежитских тем, что угощали травкой для начала бесплатно и всегда имели при себе небольшое количество травки и папиросы «Беломор» уже без табака, специально приготовленные заранее. Курили многие из ребят прямо в коридоре возле небольшой площадки, где всегда стоял непонятный запах, напоминающий чем-то запах веника в банях. Ребята курили многие, а некоторые втянулись и стали уже покупать, но с ними ничего не случилось. Они продолжали учиться и курить, а вот Рома стал пропадать вместе с местными, в общежитии часто не ночевал и пропускал занятия. То, что он так быстро подсел на иглу, никто и подумать не мог. С Тамарой они уже сожительствоваали, о чем знали все вахтеры, а позже узнали и преподаватели. Никакой ломки у него не было, а возможно, что он бывал в таком состоянии в нужном ему месте. Тамара бросила учебу после смерти матери, поскольку Полина поступила в институт и уже училась на четвертом курсе, а дом оставлять им не захотелось. Вернувшись в свой

Тамара устроилась продавцом в продуктовый отдел магазина. Рома переехал к ней жить еще через некоторое время, но быстро нашел таких же товарищей, и когда она узнала, что он стал законченным наркоманом было уже поздно. Она была бережлива. С работы её выгнали, поскольку Роману все время были нужны деньги. Она тратила весь свой заработок на его дозы, а потому продукты стала брать под запись и при очередной ревизии выявилась недостача. В этом, как она поняла, помогла и сменщица, которая так же умудрялась приложить руку к продуктам и деньгам во время передачи смен, а потому принимала смены не особо придирчиво. Тамара, после этого, перебралась на рынок, работая на предпринимателей. Денег тут выходило мало, и она прятала их от Ромы, и он после этого надолго уезжал и пропадал неизвестно где.

Она была уверена, что хуже уже не будет, но то, что случилось потом было совсем невыносимо, и вынули из петли случайно обнаружившие соседи. К этому её подтолкнул последний осмотр врачей. Даже трижды проверяли её на УЗИ различные специалисты, но приговор был один – у плода нет верхних конечностей и беременность нужно прервать. После неудачной попытки суицида, на операцию она шла ласилась без страха и даже с небольшой надеждой, что вместе с несостоявшимся ребенком и сама возможно закончит такую жизнь.

Тамара осталась жива, но судьба, которую она уже проклинала, ответила так же, нанеся ещё один жестокий удар. Она больше не была способной родить ребенка.

Даже лишь слушая её рассказ, я сам останавливался, угощал кофе и часто оставлял её одну на кухне, чтобы хоть как-то прийти в себя на балконе, куда все время тянуло покурить еще и еще раз. Весь её те-

перешний вид пьяницы, со следами былой красоты, теперь казался мне вполне соответствующим. Какая все же сила в этих женщинах! Даже этот её вид немислим после таких переживаний и, кажется, что сохранилась она куда лучше других с более удавшейся судьбой.

В те трудные невыносимые дни Тамару поддерживала сестра Полина, благодаря которой она медленно возвращалась к жизни. Сначала сестра приехала, взяв небольшой отпуск, помогала по хозяйству, наводила дома порядок, а потом увезла к себе в областной центр, где проживала с мужем и маленьким сыночком в однокомнатной квартире. Сестра закончила учебу и зарабатывала неплохо, и муж её Василий так же имел неплохую сумму, сопровождая грузы на дальние расстояния, в качестве водителя дальнобойщика. Тут они вдвоем, Василий был в рейсе, решили ехать в родительский дом, продать трехкомнатную и купить Тамаре там же однокомнатную квартиру. Остаточная сумма будет достаточно, чтобы Полина с Василием обменяли свою квартиру на большую, ибо уже копили на это несколько лет, откладывая каждый месяц определенную сумму. Это будет замечательным сюрпризом для Василия. Правда он и сам уже неоднократно намекал жене, но молчал в последнее время в связи с нынешним состоянием Тамары. Тамара решила, что сестра, по сравнению с ней, более удачливая и родилась для счастья, поскольку и покупатели для трехкомнатной, и продавцы однокомнатной нашлись почти сразу. Сыграла роль то обстоятельство, что квартиры в родительском доме состояли из больших комнат и огромным коридором и, к тому же, там предусмотрено и печное отопление. Желających покупать жилье в этих домах было немало. Новые хозяева, более зажиточные люди, делали перепланировку с умножением

ожнат ещё на одну, а на месте бывшей печки выкапывали замечательные камин, соревнуясь между собой

Приобретенная для Тамары однокомнатная квартира находится на пятом этаже нашего подъезда, но в первое время она не появлялась, жила у сестры, где они вдвоем обживали новое их жилье: ухаживали и подгоняли шторы, передвигали мелкую мебель и покупали всякую мелочь, типа дополнительной мебели, шкафов и различных паласов и ковриков. Василий был бесконечно рад, что все обошлось без лишних разговоров, занимался покупкой более крупной мебели, но вскоре снова уехал.

С Тимуром Тамара познакомилась там же в общественном центре, прогуливаясь по парку. После небольшой с ней беседы, он пригласил её в находящееся рядом кафе. Сначала показалось, что он один из тех жигасов, кто ищет подружку для развлечений, но было в нем что-то такое, которое притягивало и заставляло верить в искренность его слов. Даже от шуток, которые он успевал вставлять в разговор, веяло усталостью и казалось, что он и сам ищет человека, кому можно довериться. Было видно, что он так же одинок и больше чем она нуждается в собеседнике. Внутри Тамары проснулось что-то вроде жалости и сопереживания, которые раньше не испытывала. Возможно, что это было лишь её готовность, после всех случившихся мытарств, так же довериться, кому бы то ни было. А возможно, что вдруг таким способом давало о себе знать её несостоявшееся материнство и то, что она несколько месяцев носила в себе своего будущего ребенка, а природа-матушка за это время уже успела зародить в ней то великое желание всех матерей - заботиться и любить. В кафе она заказала только мороженное и кофе, а после они долго гуляли по аллеям. Тамара рассуждала вполне реально, что в та-

ком состоянии действительно становится легкодоступной и обмануть её ничего не стоит, однако приняла решение рискнуть.

Тимур жил в своей комнатке в секции бывшего семейного общежития и работал в Управление ФСБ. О своей работе особо не распространялся, но рассказывал ей, что побывал в командировке в Чечне, показывал награду : медаль и нож «гюрза», которые получил за это. Говорил, что скоро снова туда отправляется на три месяца. Тамара с одной стороны была рада, что он такой геройский мужчина и в то же время стеснялась, чувствуя себя чуть ли не ущербной возле него. Он знал множество вещей, о существовании которых она и не слышала.

- Зачем тебе я, ты вон какой грамотный? – говорила она, - Тебе и пара нужна из артисток или балерин.

Тимур смеялся обнимая её и отвечал:

- Да, примерно такой и была моя жена. Она работала журналистом на телевидении, водила знакомство исключительно со «значимыми» людьми. Только скажу я тебе, Томочка, ничего хорошего в этом лоске нет. Внутри мы все одинаковы, только они заранее привыкли делить людей на «наших» и «не наших». Если знать все то, чем они живут и о чем мечтают, то порой становится просто смешно. Именно такие рожают всякие мифы о звездах эстрады и певцах, которые за деньги пробилась и прокручены до такой степени, что уже позабыли, какими были раньше. И самое смешное то, что они сами верят в эти мифы. Весь их рост ничего общего с духовным ростом не имеет. Знала бы ты, какие они все мелочные, злые друг на друга и как ведут себя, скрывая эту злость и свою никчемность. Сейчас, правда, отпала надобность казаться лучшими, чем они есть. Сейчас принято выпячивать свои недостатки и говорить при-

видно, что комплексы их богеме противопоказаны. Я не любил выходить с ней «в люди», я не знал как себя вести среди таких, а им казалось, что я просто не дорос до их уровня. А вот с тобой мне хорошо, ты нашенская с головы до пят, ты – естественна. Вот ты приняла серьезно, как аксиому слова о духовном росте, а они бы засмеялись. Они говорят не то, о чем думают, козыряют знанием названия книг, картин и музыки, которые никогда не читали, не видели и не слышали. Так принято в их среде. Мы и развелись, поскольку она с одним из таких закрутила роман, что так же принято в тех кругах.

- Но и у меня был мужчина и ещё я должна сказать тебе, что не способно родить детей, - она была на грани срыва, ожидая скоропостижный конец их знакомства, и почти плакала, - у меня никогда не будет детей, понимаешь? Я так несчастна, Тимур.

Он обнял её и стал уверять, что у них будут дети, хотя бы усыновленные:

- Хорошо, что ты мне об этом сказала, это все лишь укрепило мое доверие к тебе. Мы созданы друг для друга, понимаешь? Вот ты прямо в лицо высказала мне то, что тебя больше всего тревожит, чтобы я не заблуждался в наших отношениях. Моя бывшая сказала бы «Ты должен выслушать и сделать выводы», а ты по своему «Я должна сказать». Как я долго жил без такого понимания, если бы ты только знала.

Последний день, перед его командировкой, они гуляли по набережной и строили планы на будущее. Он говорил, что приедет и получит звание майора, что выйдет на пенсию, как служащий совсем ещё молодым, и они поедут в его деревню, где такие дивные озера и березовые рощи. На слова и её опасения относительно Чечни, отшучивался, что он не из того ведомства, которых посылают на охрану постов

или прочесывание мест, где могут находиться боевики. «Я буду протирать штаны в штабах и воинских частях, куда напасть побоятся даже силы самого НАТО». По пути им встретился магазин золотых изделий, и Тимур на все деньги, которые были при нем купил золотое кольцо на её безымянный палец. Купил самое дешевое, на что хватило денег и пообещал, что потом заменит его на кольцо с камушком.

Вот только приеду из командировки, - говорил он, - из первых же полученных денег.

Молчит Тамара. Молчу и я, предвидя худшее, и оказываюсь прав. Их автомобиль в Чечне подорвался на mine по пути в одно из воинских частей. В управлении, куда они обратились с Полиной сообщили, что теракт совершен запланировано с приведением взрывного устройства на расстоянии.

После этого случая, Тамара вернулась в наш город, стал выпивать, но устроилась в ближайший Дом культуры уборщицей. С Игорем они познакомились на улице, когда оба находились в поисках денег, и он стал жить у неё.

- Знаешь, дядя Толя, я часто вспоминаю свое сочинение, которое писала когда-то в школе, говорит она, улыбаясь, - оно называлось «Луч света в темном царстве», - вот с Тимуром я успела едва заметить этот свет. Такое, наверное, дважды человеку не дается. Вспыхнул и - нет.

Пришла Тамара отдавать долг еще до приезда Игоря и была, похоже счастлива тем, что сама смогла заработать - «целый день клеила обои знакомым из соседнего подъезда». Кольцо, подаренное ей Тимуром, я вернул. А еще через день, покуривая на балконе, я видел как внизу они шли вдвоем с Игорем в обнимку, слегка выпившие и, как показалось вполне счастливые.

ДУМЫ СТАРОГО СОЛДАТА

1.

Сергей Брониславович уснул в эту ночь, как не странно, почти сразу. Не более часа маялся, но проснулся около четырех часов утра. На улице было тихо, не считая проезжающих изредка машин и кошачьих концертов. Дома напротив окна не светились, но уже было не так темно. «Пожалуй, уснуть больше не удастся», - подумал он и пошел на балкон, прихватив с подоконника сигареты. Курить надо бы бросать, но теперь то уже не получится, да и пожалуй не нужно рыпаться.

Спят люди, хорошо им. Счастливые. А вот что бы было, если у меня было столько радости, сколько пережили, хотя бы за этот день, все жители пятиэтажки напротив? Чуть какая-то в голову лезет. Разно может быть такое, чтобы одному человеку столько счастья привалило. Наверное, лопнул бы от счастья. Не так уж много веселого в нашем «королевстве», да и как мы советские (тьфу ты - российские) люди устроены? Мы привыкли получать счастье мизерными дольками и только время от времени, а тут столько привалило. Нет. Столько я, пожалуй, не смог бы унести. А может, есть люди, кто счастлив ежедневно и больших дозах его получает? Вряд ли. Судьбу-то не давали примерить на себя, как в магазинах одежду. Какая уж досталась. Как говорится у графа Толстого, мы, каждый из нас, все по-своему счастливы и по-своему несчастны. Чай не инкубаторские.

Сигареты все какие-то пошли непонятные. В одно время покуривал «Лайку» с желтым фильтром и только привык, они куда-то исчезли. Потом пошли

нормальные сигареты «Космос», к которым даже и привыкнуть не успел, а сейчас они все дерут горло, что пришлось вернуться к проверенной «Приме». Крепкие, правда. За легкие можно быть спокойным – копченое мясо дольше хранится. Однако кашели не уходит.

А сколько раз он пытался не подкашливать, не пыхтеть от одышки. Все хорохорился, но потихоньку свыкся тем, что «скрипучее дерево дольше простоит». Выходить на улицу стал редко, хотя дочь, в каждый свой приезд советует гулять и устраивает скандалы. Он при ней и выходил часто, но ведь она уезжает после выходных. Однако было тяжело подниматься на четвертый этаж, а на первый не раскошелишься. Их в основном стали покупать за большие деньги под магазины, да и шумно там внизу. К тому же у него еще с войны сидит в ноге осколок. Вроде не мешал сначала, да и сдвинулся он каким-то образом, что нужно было вредить сухожилиям, чтобы вытащить. Решили, что раз не гноится и не беспокоит, то и оперировать не стоит. А один молодой врач даже пообещал, что когда загноится, сам выскочит. НЕ выскочил, однако и не гноился. Вот и доромал он до своих восьмидесяти двух лет. Это для мужика, как все ему говорили, не так уж мало. Толи радовались за него, толи намекали на что-то похуже, но он сам воспринимал уже без ропота.

Дочь с семьей давно уже живут в большом городе, звали к себе, но ехать, чтобы слушать бесконечный шум машин и трамваев, дышать их воздухом, не отходя от заводских труб? Толи дело у нас в городочке. Мужик у неё, вроде как, порядошный. Сыновья у них большие уже, учатся где-то, он не запомнил. Возможно, что еще предстоит прадедом стать. В его годы это не редкость. Сам виноват, что после войны не сразу женился, а для кого себя бе-

Тогда девушек было много, любая бы пошла. Сенихов не хватало после войны, а он решил нагуляться, ну и разгулялся. Хотя, может и правильно, что не торопился, не прошел мимо своей Вареньки. Больше сорока лет он прожил со своей старухой, но вот овдовел, ждет, поди, его там.

Чайку надо попить, а то эти думы всякие никогда не кончатся, а натошак курить столько раз вредно будет. Пряники на этот раз добрые, мягкие и не сразу черствеют в мешочке. Эта девка из лавки, рядом с домом, все время предупреждает, такая обходительная, никогда черствые не даст. Вот до неё была старикастая, сколько раз подсовывала черствые. Горазд стародная бабенка была. Теперь, наверно, в другом магазине кого-то мучает. Макаешь после неё этот чайник в чай, макаешь, а толку никакого. Сверху, вроде, размягчится, а в середине все равно, как осколок, которого я таскаю. Чай, правда, который год уже пью в пакетиках. Можно сказать, сразу после смерти старухи начал. Да и какой толк заваривать, если нет нормальной заварки. Соседка вон, Роза «Ахмата» нахваливала, а все одно не чай это. Толи дело, тогда Варя заваривала грузинский второй сорт, по всей кухне запах. Никакого сравнения с этими сортами травы различной. Вот и пью, да благодарю эти пакеты, что хоть цвет чайный дают. И то ладно. На фронте и кипяток был дорог и так хорошо согревал редкие минуты. Да, обижаться не стоит. Может, сам такой становлюсь, что ничем не порадуешь. Всякие и пробовал покупать, даже дорогие в баночках, благо моей чекистской пенсии хватает. К тому же после шосьмидесятилетия еще денегат подбросили, а много ли мне теперь надо? Одежду уже не помню, когда в последний раз покупал. Позапрошлый год, как-ись, ботинки купил, а недавно снова дочь рубашку подарила, а я еще ту ни разу не надевал, что на Но-

вый год дарила. Куда мне их одевать? А пенсию каждый месяц привозят, так что я из нее чуть ли не половину обратно в сберкассу отношу. В прошлый раз, правда, паспорт дома забыл, но девки там хорошие работают и не стали меня гонять, помогли и так все составить.

Сосед по балкону Виталик меня часто развлекает. Напьется и кострит всяко, ну тут я сам виноват ляпнул как-то, что в войсках НКВД служил. С тех пор я – «вертухай». Насмотрятся всяких фильмов, вот и болтают. А я к лагерям никакого отношения и не имел. Правда я еще был молод после войны, всего то год провоевал, а вернулся и работал в Управлении, и уволился оттуда же, но уже из КГБ.

Правда, в последнее время и у нас было всякого лишнего, пока Ельцин не стал первым секретарем. Ох и невзлюбил он нашего брата. Было, конечно, всего, но так он поступил безобразно и незаслуженно. По его выходило, что все чекисты исключительно шпионов должны ловить. А время было такое, что просто не все люди знали, что происходило в стране. Видимо, уже тогда все шло к свободе слова, хотя и наступила она гораздо позже. Столько уже развелось в стране антисоветского, а кроме того хватало и кое чего другого. В студенческих кругах и просто среди молодежи распространяли всякие листовки, целые главы книг Солженицына и антисоветские иностранные брошюры. А с нас требовали результатов. А ведь был случай, когда и моя племянница Наташка чуть не попала в те годы в разряд сексотов. Да, помню. Было такое, как это я запомнил такое. Вроде ко мне обратилась сестра, мама Наташкина, что дочь приходит с работы расстроенная и плачет, что её записали осведомителем, потому как работала в НИИ секретаршей и отвечала за множительную работу. Тогда ксероксов еще не было, а были гро-

моздкие множительные машины. Кажись, ротаторами назвались, или что-то в этом роде. Именно на них распространяли всю гадость про СССР, а потому они все были на учете, и к ним были нацелены многие. Видимо, молодой неопытный сотрудник повел себя нагло, что вообще-то запрещалось. Решил взять, видимо быка за рога, а после перепугался и повернул дело так, будто занимался профилактической беседой. Наташка, как выяснилось, расписалась в чем-то на его бумаге, а потому с перепугу обратились ко мне. Я тогда курировал секретный военный цех одного из заводов, но среди оперов были товарищи. Они, по моей просьбе, проверили банк данных, и среди кое-кого, о ком и говорить-то не хочу, Наташки не оказалось. Я успокоил сестру. Да, и работы с вражеской агентурой после войны на Урале тоже было немало. То кто-то, находясь в Москве, сам лезет с секретными данными, чтобы всучить работникам их консульства, то здесь к этим данным подбираются всякие агенты, то в Казахстане или на Кубане пытаются уничтожить урожаи. Много всяких бактерий пытались разбросать по нашей земле. Пытались завербовать и некоторых из уральцев, кто когда-то служил у немцев. Вот что значит, интерес всех секретных служб их стран сразу после победы к немецким архивам. Видать, попались им и такие документы, которые лежали до поры, до времени. Вот они и лезли, чтобы запугать бывших предателей, о прошлом которых мы не знали, чтобы они соглашались под угрозой раскрытия сотрудничать с ними. Да, и такое там «после войны», лет двадцать аж после её окончания. А ведь не будет человек с таким прошлым в Москву или в Ленинград лезть. Сибири, видать, боялись, на Урале поселялись. Всякое бывало.

А сосед Виталик он тоже одноногий инвалид, которому так же носят пенсию. Он, правда, молодой

для меня, и ногу отморозил по пьяному делу. Его ■ даже понимаю в некоторой степени. Его каждый год заставляли ехать в такую даль, чтобы подтвердить ■ себе свою инвалидность.

Суки! – орал он с балкона, - Всё думают, что у меня новая нога за год вырастит! А тебя, вертухай. и не проверяют.

Я уже внимания на него не обращаю, хотя, конечно же, обидно. Можно подумать, что в лагерь можно получить рану от осколочного снаряда.

2.

Младший сержант по охране железнодорожного узла Востриков Сергей Брониславович, после бесконечных рапортов на имя всякого начальства, был взят в действующую 70-ю армию войск НКВД только в феврале 1944 года. Ему и было-то всего девятнадцать годков. Но был шустрым малым, уже отмечали неоднократно поощрениями. Подчинялись они НКВД и носили зеленые фуражки и армейскую форму, но позже их передали наркомат обороны. На фронт он тоже не сразу попал, и после артиллерийских курсов побывал в резерве. Армия эта была создана в городе Свердловске, и еще нескольких городов Урала и Ташкенте. Его призвали из Челябинска, где он числился по месту нахождения охраняемого им узла. Их 165 дивизия 70-й армии входящая в состав 2 Белорусского фронта под командованием К. Рокоссовского была переброшена на территорию Польши в конце 1944 года, но сначала держали во втором эшелоне, и в бои бросали в исключительных случаях, как свежую силу и в нужный момент. Немецкие части уже такой возможности не имели, ибо все резервы были брошены к Берлину против войск 1 и 2 Украинских фронтов. Но по приказу Гитлера превратить все города Польши в крепости, фашисты бились нещад-

они сдавать позиции без боя не собирались.

Их дивизия была брошена в первых числах января под Вислу. Как он помнил, шел снег с дождем, и таскать орудие приходилось на себе, утопая по колено в грязи. Фашисты пытались выбить их с западного берега Вислы и атаковали раз за разом, но пробить брешь в их рядах так и не смогли. Бои продолжались более двух недель, спать удавалось по это время раз пять или шесть, не считая те минуты, когда они умудрялись вздремнуть возле пушки или ящиках из-под снарядов. Полевые кухни не всегда к ним успевали, но паек был всегда. В этом отношении было хорошо. После этих непрерывных боев, их отвели снова во второй эшелон для отдыха, но не получилось. Видимо, резерв уже не должен был существовать. Был приказ отрезать немецкие войска, чтобы с территории Польши в Берлин не вливались новые силы врага. Только приготовились постирать и выспаться, как поступил новый приказ повернуть уже на Восток и идти принять бой против их крупного соединения, оставшегося окруженными в городе Торно. Немцы выходили хорошо вооруженные батальонами, способными удержать целый город, чтобы напасть с тыла и перейти через Вислу, к своим. Бились они яростно, чтобы пробиться к своим, или принять смерть. Другого пути у них не было. Так, первым освобожденным городом Сергея стал город Торно. За эту операцию их дивизии получила благодарность от самого Верховного, которую зачитывали личному составу. Отводить на отдых их уже никто не собирался. Их повели теперь на Северо-Запад, где бросили в бой на рубеже Пренцлау и Штегере, развивая направление в сторону города Бигув. Было много укреплений, рвов и ДОТов.

Особенно Сергею запомнился один бой, когда он был легко ранен в плечо. Тогда их расчет 100 мм.

полевой пушки противостоял против натиска немцев, возле брошенной ими линии обороны, за небольшим рвом. Была отбита вторая их атака и вроде, казалось, что больше не пойдут. Впереди них горели уже три танка и убитыми около двух десятков солдат их пехоты. Слева от расчета, проходили вперед наши танки и вдруг в самого ближнего к орудию танка выстрелили из-за бугорка фаустпатроном. Видимо, командир перед этим осматривал местность, но не успел закрыть люк. Этот люк и оторвало фаустпатроном, а огонь и искры посыпались в башню. Командир, наводчик пушки и механик-водитель выпрыгнули вниз и стали кататься по земле, пытаясь затушить пропитанные соляжкой комбинезоны. Тут же через нижний люк из-под танка выкарабкался целехонький стрелок-радист и стал тушить их нашим имуществом, замахиваясь, лупил плащ-палаткой. Едва их потушив, он тут же бросился, прихватив наш же ППШ и юркнул дельфином за бугорок и все таки нашел и пристрелил этого фаустника. Другие наши танки прошли далеко вперед, а из-за опушки выскочили семь немецких «тигра» и пошли на орудие. Пехоты у них не было, они отстали. Вражеские танки стреляли на ходу, держа наш танк ориентиром, и один из снарядов взорвался совсем рядом за орудием. Этим выстрелом были убиты командир расчета и двое, наводчик и подносчик снарядов. Живыми остались он, наводчик Сергей Брониславович Востриков и заряжающий Николай Наумов - самый старший их расчета, воевавший еще в финскую. Командир танка приказал своим занять места в еще до конца непроветренный от дыма танк и открыл встречный огонь. Расчет орудия и экипаж танка подбили по одному танку, и командир танка освободил своего стрелка и передал им в помощь. Шустрый оказался стрелок-радист, успевший отрапортоваться Лехой. Этот Леха успел по-

своих, обезвредить фаустника и теперь по боем умудрялся подносить к ним снаряды к каждому выстрелу вовремя, отпинывая с дороги еще гильзы и выговаривая шуточки и прибаутки.

Ох, с каким наслаждением я бил, ребята, своего командира с этой плащ-палаткой. Если бы вы знали. Первый раз за три года оглушил за милую душу. А наши? Почему одно орудие?

- Наши правее все окопались, - отвечал ему Сергей, - там вообще-то ждали прорыва немцев, а нас поставили тут, если надумают с фланга напасть. Сейчас вот этих прогоним, и подъедет наша бессменная старая «Студебеккер».

С легкой руки Лехи, был побит еще один танк. Сергей успевал наводить оружие и командовать «Огонь!» и заряжающий Наумов работал затвором, выстреливал и успевал выбрасывать пустые гильзы поворотным механизмом, которого заклинило, что приходилось вручную, при оваривая: «Это вам за командира, это за тезку, это за Мамеда». Имя парня значился по документам Касимом Мамед-оглы, но называли все Мамедом. Он только улыбался и говорил: «Да, да я и за отца воюю».

Тут из лесочка выскочили немецкие автоматчики, но их было не более 25-30 пехотинцев, которые тут же повернули обратно, что Леха не успел занять в танке свое место за пулеметом. Они увидели, как ловчее той же опушки показались две наши «тридцатичетверки», которые потеряли один экипаж из своих. Они на всех парах, стреляя на ходу, неслись к оставшимся четырем танкам немцев, один из которых загорелся с первых же выстрелов, а остальные скрылись между деревьями.

Вскоре орудийный расчет пополнили, а Сергей так и остался за командира, продолжая бой с перебинтованным плечом. Боевые товарищи: командир рас-

чета Капустин Володя и бойцы Коля Халямзин и Мамед навсегда остались на Польской земле. Расчет их батареи, несмотря на ранения, продолжал воевать и участвовал в освобождении города Битува, за которое дивизия получила вторую благодарности от Главкома, а чуть позже Николай Наумов и Сергей Восстриков были награждены медалями «За отвагу». Тяжеловата приходилось на войне, а ведь другие четыре года воевали, не то, что один. Как они столько могли выдержать, одному Богу известно. Командир расчета Володя Капустин, как рассказывал на привалах, провоевал три года и сменил три орудия. Особенно с большой любовью относился к предпоследнему 76 мм. дивизионную пушку, часто вспоминал. К этому орудю он не успел привыкнуть. А любовь особенная проявлялась со стороны бойцов, когда ее драили любимую.

3.

Нет зря я видимо на чай грешу. Вот попил и хорошо как-то стало. Видать, чайники там тоже намешаны и запах чайный есть, коли хорошо принюхаться. Оп-оп-оп, вот и со стула встаю, как столетний старик, но видать, до ста мне не дотянуть. Хорошо бы до девяноста. Да и не надо думать об этом. Что ждать того, кто и без спроса да в обязательном порядке возьмет свою косу и притащится к изголовью? Вот как-нибудь надо сгношить племянницу Дашку, а когда приедет, съездить до нотариуса, чтобы квартирку на Сережку записать. Подожди, подожди. Кем же мне приходится Сережка? Правнук? Да, нет же. Вот старый. Собирался дожидаться правнуков и тут же нашел, получается. Внучатым племянником мне Сережка приходится. Вот как. Дочка-то моя устроила жизнь и себе и детям, вроде, сыновьям чего-то там тоже присмотрели, а вот Сережке Даша не сможет ничем

помочь. Квартир нынче не дают, а покупать ей не на что. Ей не очень-то повезло. Уже второй муж спился и сгинул где-то. Сейчас у них, у детей и внуков как? Кто попал в струю, тот и живет, а кто остался на стороне и воровать не умеет, тот и пропал. Не нравится мне все это. О чем наверху думают, черт их разберет, прости Господи. Вот это будет последнее доброе дело, которое я сделаю в этой жизни, хотя бы для внучатого Сережки. С жильем хоть останется. Пусть порадуетея, а то и без того трудностей у него будет хватать.

Полежу еще чуток, а потом и прогуляюсь, до фонтана схожу, до магазина. Самого фонтана, правда, уже нет, но скамейки там полукругом, да под клемами. Душевное место, чтобы покурить, да задуматься. Тем и живу, что думаю и вспоминаю.

Вот лежать и думать тоже хорошо, но вздремнуть больше, видать, не получится. А ведь есть люди, кто годами с постели не встают прикованные, так что надо воспользоваться, как говорит дочь, двигательным аппаратом, сколько только возможно. Вон Коля из дома напротив, второй год, как прикован. Тоже фронтовик, а даже на мигинге по случаю праздника Победы не смог сходить. Пожалуй, не встанет уже, к тому идет. Зайти надо как-нибудь, неудобно как-то, сам хожу, а ему кажись и поговорить не с кем.

Дочка моя в прошлый приезд обещала к воде вывезти. Умора! Я сам-то себя пугаюсь, когда в ванной моюсь. Одни ребра сверху торчат, а внизу две кости-ходули с варикозными татуировками, не говоря об остальных прелестях. Даже дочкины сыновья смеялись, когда решили прогуляться со мной. Говорят, что им надо все время отгонять от деда собак, уж больно они костей любят и чуют издалека. Смешно, однако. Эти уже взрослые, им все нипочем. А

родители у них сад брали, но бросили воевать с колорадскими жуками и начали мелочь всякую сажать, да и на природу боятся выходить, там клещи, опять же. Такая, вроде вошь, а кусает насмерть или и того хуже, инвалидом сделает. Этого энцефалита отродясь не было. Вроде, ездят в заграницу и отдыхают безбоязненно. Как это можно вообще понять? На одной земле живем. У них, видишь ли нет, а у нас есть. Будто для них границы есть. И как можно в такой большой стране видеть и ничего не сделать, чтобы в мирное время люди не мерли от такой малости. Раньше за людей стояли горой, побеждали тифы, язвы сибирские и всякий мор. Скоро все живое болеть будет. Ведь ими же тоже, наверно, какая-нибудь да тварь питается и распространяет? Или не вовремя Боря Ельцин разогнал службы, которые боролись против биологического оружия? Почему они только у нас есть? Ведь, как слышал, чем-то опрыскивают детские лагеря или взрослые уже списаны в архив? Не понятно мне это. За что, если говорить серьезно, мы воевали? Чтобы потом передохнуть от каких-то вшей? Не то это. Я, ладно, пожил и под пулями побывал, не сгибался, но за здоровых людей же воевали. У кого есть деньги, те за границей гуляют, а деревенская беднота мрет от клещей, поскольку кормится лесом по старой привычке.

Нет, уже не уснуть. После прогулки вздремну. Днем хорошо спится. Мало, но хорошо. Дай-ка я фотографии Варюшки своей посмотрю да поглачу малость. Никого же нет. Вот всегда так. Я еще и альбом не успел взять, а слезы уже начинают бежать сами по себе. Хорошая все же у нас была жизнь. Душа в душу, можно сказать. Помню, по молодости дважды поднимал на неё руку. Дурак был. Это все было первые пять лет, после свадьбы. Она, правда, тоже не стояла, как безвинная овца. Кость в ней была

идея, а пальцы цепкие. Потом я бросил все это и уходил, если совсем немоготу было. Ей это больше всего не понравилось и как-то, после этих уходов, по моему стала поступать. Притерлись быстро и никогда я больше так не поступал. Прости меня, Варюшка моя, если можешь. Прости. Люблю я тебя очень и скоро приду, ты жди меня. Вот бы точно знать, что увидимся там. Я бы, Варюшка моя, умирал со слезами радости. А вот на этой мы втроем, Валька еще маленькая. Это мы, если помнишь, у тестя в одно время пожилы, кажись, где-то в сорок седьмом или восьмом году. Нет, кажется, в сорок девятом. Эту косоворотку ты мне покупала на день рождения. А вот и военные фотографии. Немного их. Повоевал я немного и того хватило лишком. Как другие выдерживали столько лет воевать и не тронуться умом? Там более первые годы войны. У нас даже в батальоне был свой фотограф с трофейным дорогим фотоаппаратом, но когда ему было перевести наши фотографии на бумагу, если он по должности был заряжающим четвертого орудия. Щелкал, вроде, часто, а фотографий нет, хотя отдавал корреспондентам, а те иногда приносили готовые снимки. Вот эту фотографию я сам родителям отправлял. Даже вот на обратной стороне надпись моя химическим карандашом, стерлася уже вся. Сам же и получил, после смерти родителей. Жизнь. Выходит себе посылал. Чегой-то снова сердечко кольнуло и не сразу дышится после этого. Сердце-то у меня было крепкое, но в позапрошлом году перенес инфаркт. Недавно опять стало подводить. Хорошо с нитроглицерином пользуюсь. Вроде, как затрепыхается, после боли, как движок тракторный, словно вот-вот заглохнет, а примешь таблетку, начинает снова набирать обороты. Придется с устатку и сто граммов валерианы наркомовской принять и на прогулку. Но сначала

надо помыть срамные места. Ведь помрешь где-нибудь по дороге, паршиво получится. Теперь я как матрос перед боем всегда должен быть чист. Чужим людям ведь труп-то мыть. Не посрамиться бы.

Дочь говорит: «Покупай сладкое и вкусное, чего тебе пенсию экономить», а что мне надо? Я ничего такого и не ем. Бананы советует, яблоки. Челюсти у меня поставлены, дай Бог здоровья дочери – она все хлопотала - нормальные, но не до такой степени, чтобы грызть яблоки. Я их, правда, беру иногда и ем очищенные от кожуры, тонкими пластами, да только это разве пища? А бананы эти мне не нравятся. Вот булочки мягкие я куплю. Намажешь маслом и хорошо. На обед, опять дочери спасибо, соседка приносит суп, уж и не знаю, сколько она заплатила. Говорит «Папа ты не об этом думай. И соседке тоже маленький, да заработок». Оно и верно, хорошая женщина, даже цветы поддерживает, поливает, чистит листья и даже пересаживала, дай Бог ей здоровья. Ключи у нее свои, так что лежать и разлагаться не буду.

Пойду, потрясу костями, собак порадую. Но вы, кабздохи, не особо-то слюнявьте свои морды. Не ваш я, не для вас так шустро скреплю, да кряхчу. Это я становлюсь скрипучим деревом, чтобы дольше простоять.

4.

В середине марта 1945 года 165-я стрелковая дивизия (как её звали – второго формирования) , входившая в состав 96 корпуса 70 армии снова была выведена в первый эшелон и брошена в войсковую операцию захвата городов Цопот (Сопот) и Гдыня, где находился крупный немецкий порт и склады. Со стороны Балтийского моря к порту подходили военные корабли нашей эскадры с дальнобойными ору-

днями. Участь фашистов фактически был решен, но только лишь на военных картах и приказах по армии, а фашист, следуя приказам своего фюрера оборонялся отчаянно «превращая каждый польский город в крепость». Выполнить этот приказ им не совсем удалось, ибо движение советских войск остановить было невозможно. Вся израненная, пополняя свои ряды и уже владея всем необходимым, она шла, осваивая страны Европы, и не могло быть какой-либо другой силы, способной остановить её. Немцы всюду сдавались целыми ротами и даже батальонами. Уже, часто встречающихся фашистских солдат со словами «Гитлер капут», подгоняли конвойные, тыча прикладами в бок и словами «Сталин ни хит капут», стали в тыл к нашим. Однако враг был еще силен и наращивая себя, а не Гитлера, слепо веруя в невиданный доселе никем «оружие возмездия» или на милость западных сил, подгонялись нелепыми приказами на убой. Большевицкая Сибирь с невозможными морозами и медведями-людоедами постоянно были в лексиконе их командиров. Пугали и красным режимом, где немцам уготовлена лишь смерть.

22 марта, ровно два дня до своего дня рождения, орудие сержанта Вострикова Сергея Брониславовича вошла вместе с другими в город Сопот. Уже по летнему палило солнце, было жарко и сухо. Старший «Студебеккер», прозванный бойцами расчета «молочным двигателем», снова пошел на ремонтные работы с искореженным передком. Наконец, подошла полевая почта и походная кухня, остановившаяся в соседнем квартале города. Наводчик с подносящим пошли с котелками на всех, в сторону кухни, а Сергей с заряжающим остались у орудия, мирно осматривающего от бесконечных выстрелов осколочно-фугасными снарядами. Настроение ребят было умеренно блаженным, как после всякого удачного дела.

Но отдохнуть, подольше, не получилось. Наспех от отремонтированный «вечный двигатель» был «подан к крыльцу», и уже прибыл вестовой командира батареи с приказом следовать в сторону города Гдыни. Танковый корпус ушел далеко вперед, но кое-где все еще бродили недобитые немецкие группы, которые не очень спешили выходить из подвалов с поднятыми белыми флагами. В двухстах метрах левее от стоянки, была воронка с разбросанными мешками с песком, где все еще валялись трупы немцев. Редкие жители города уже стали появляться на улице и расчищать их от мусора и трупов. Некоторые подошли к ним и предлагали молоко, сухофрукты и сырные продукты. «Панове» ни от чего не отказывались и успевали это «добро» складывать в выдавшие виды вещи мешки.

Эту пулеметную точку, где трупы, и горящую недалеко самоходку уничтожил расчет Сергея. Хорошо смотреть на свою «работу», и посидеть бы рядом, да нужно ехать. Прицепив пушку к «вечному двигателю», двинулись дальше.

- Когда уже эта Варшава, командир?- кричал подносчик снарядов Миша. – Бани, наверно, там хорошие. Помыться бы теперь. А может даже женский день там окажется, панночки там всякие, красненькие да мягонькие после парной, а?

- Нечего у тебя не выйдет, пан самец, - отвечал ему также улыбаясь, Сергей, - Варшава южнее нас осталась. Возможно, что на Балтийском море искупаешься. Оно уже недалеко.

В бой вступила в километрах пяти от пригорода Гдыни, но пришлось окапываться и установить орудия в открытой и пристреленной местности. Еще два расчета заняли свои позиции с двух сторон от них, на расстоянии в метрах ста друг от друга. Фашисты, видимо пропустившие наши танк, и вернулись в свой

Взрывной укрепрайон и открыли ураганный огонь из минометов и орудий. Принятые издали за орудия эти точки оказались врытыми в землю самоходками, которые были труднодоступны. Расстояние, не более четырехсот метров от противника было именно тем, что звалось убойным. Началась настоящая дробь и никаких атак. Танки с южной части города проехали минут через сорок, которые для его расчета оказались часами. Шквал огня, грохот и крики влились в один гул, дышать было жарко. Уже убит молодой подносчик Миша, мечтавший помыться в Варшаве. Сергей также обнаружил в горячке, что ранен в плечку, откуда сочилась теплая кровь, проступая через гапифе. Убиг наводчик, и Сергею приходилось наводить и стрелять самому. Заряжающий успевал, ползая и падая подносить снаряды и заряжать. Близкие взрывы заставляли часто приседать и падать на землю, что давалось Сергею трудом, но из четвертого расчета прибежали двое бойцов. Остальные у них убиты и орудие опрокинуто взрывом от прямого попадания. Чудом остались двое, которые находились за орудием возле снарядов, накрытых брезентом. С их помощью дело пошло быстрее, орудие било прямой наводкой. Одну огневую точку немцев они подавили, а вторая взорвалась от осколочно-фугасного снаряда орудия Сергея, видимо детонировал их боекомплект. Но и в расчете Сергея продолжались потери, отбросило убитого подносчика из четвертого расчета разорвавшейся миной. Сергей был ранен вторично, хотя и легко, касательным осколком правого предплечья. «На этот раз всего лишь царапина, - успел он подумать, - третья, видимо, будет разборчивее и уложит наповал». И в это время выскочили наши танки с пехотой, и немцы пустились наутек, увидев танки с фланга и боясь быть окруженными.

Сергей доплелся за орудие, и устало опустил

на ящик из-под снарядов, где молча закурил. Вокруг него собрались и остальные, присели рядом, молча поглядывая на трупы погибших товарищей. Только Костя, из четвертого орудия, подошел к мертвому товарищу, опустился рядом на землю и завыл причитая: «Ну всё, падлы! Отучили вы меня бояться! Рвать вас теперь буду за Пашу! На куски вас, падлы, рвать буду!». Он посидел еще с минуту и подошел к Сергею:

- Принимай, командир, нового бойца. Один я теперь остался, ни орудия, ни товарищей не осталось. Сирота я теперь.

- Ничего, Костя, мы еще им отомстим за всех. Ох ты, елки-палки, вот война что делает! Даже позабыл, а ведь четыре дня назад мне двадцать один год исполнился. Вот ведь вспомнил, я же 26 марта родился.

- Большой уже парень, - заулыбался вдруг Костя, - сейчас командир я соберу все, что осталось даже у погибших. Выпьем за день рождения и поманем наших героев теплым спиртом.

Однако принять нового бойца Сергею не удалось. Его самого отказались выпустить из армейского госпиталя.

- Всё боец, пожалуй, отвоевался ты. Да и войне скоро конец. Осколок твой мы пока оставим в ноге, уж больно он у тебя поблуждал от телодвижений. Рана зашита, а он пусть определится с новым местожительством, там видно будет. Пожалуй, доставать будут уже в тыловом госпитале. Ты, давай, старайся лежать и меньше шевелиться, пусть приживется на новом месте.

Так закончилась война для командира орудия 165-й Краснознаменной дивизии, теперь уже орден Кутузова 2 степени Сергея Вострикова.

5.

На небе собирались тучки, видать, к вечеру будут дождь. Вот ведь какое интересное дело: нога, которую чуть было не загубили, молчит, а легкая рана плеча предупреждает, как барометр, начинает гадать. После войны, правда, хотели ногу оперировать, но я сам не дал. Уж больно неопределенно врачи говорили о последствиях, которые могут наступить после операции: «может утратить двигательную функцию, которую надо будет восстанавливать различными физическими упражнениями». А какие, спрашивается, могут быть упражнения, если осколок прилип к месту и не тревожил почти. Видать, нашел свое место среди сухожилия и сроднился с мясом. Так, за каким лешим, прости Господи, резать и тревожить его снова. Ладно бы, если точно знать, что лучше будет. Хромым сделаться я без врачей сумею. Да, видать, будет все-таки дождь, не зря так палило. Дожди я люблю, радуюсь им. Конечно, на балконе сидеть лучше, чем на скамье возле старого фонтана, но ведь успею вернуться.

- Доброе утро, дед Сергей, чего такую рань поднялся.

Эта хорошая знакомая из дома наискосок, видать снова спешит к сараю своему. Вот ведь умудряются жить в городке и держать корову, у кого-то в частных домах. Молоком торгует среди соседей, и молочко у нее доброе, как и сама. Я, правда, беру редко, когда вдруг кофе захочу, а без молока он не пьется.

- Доброе, Катерина, доброе, но, кажись, к дождю дело поворачивает. А ты никак к буренке своей снова потопала? Видать со скотиной тоже не шибко разоспишься, а?

- Это точно. Да, с праздником вас, дед Сергей, сегодня День России.

Да, с государственными праздниками я нынче

путаюсь, Не было раньше такого праздника в начале лета, а вот 5 декабря был День Конституции СССР. Это помню. А сегодня, видать, день независимой России. Значит, освобождение от Союза обмывать станем. Де-е-ла. Ох, елки-палки, дочь с зятем ведь приедут, надо прикупить что-нибудь. Но что? Торт и бутылочку хорошего «Кагора» опять сами привезут. Колбасы хорошей, сладостей навезут, а что мне делать, что купить? Ума не приложу.

А вон их машина возле дома стоит. Всегда там ставят, когда приедут. Хорошо хоть соседка ключей имеет.

- Привет, папа. Ты что в такую рань из дома убежал?

Зять всегда здоровается за руку, обходительный, пока не выпьет. Ссориться он, правда, не любит, но и тихоней не назовешь, когда под хмельком. Страсть поспорить любит. Я вот всегда думал и сейчас уверен, что их высшие образования дает грамоту, но ума не прибавляет. Все им кажется, что мы старые - народ отсталый, да и мало в чем разбираемся. Я молчу, да соглашаюсь, хотя и не выдержу порой и ставлю их «на место». - А я ж позабыл, дурак старый, про праздник. Никак запомнить их не могу.

- А и не расстраивайся, Сергей Брониславович, мы и сами их особо не помним, - вступает в разговор зять Володя, - узнаем от газет и начальства и радуемся, потому как их переносят и по три-четыре дня отдыхаем. Да, поеду-ка я, пока не выпил, машину поставлю. Стоянка за универмагом работает еще?

- Работает, что с ней сделается. - отвечаю ему - И как они только умудряются с властями договориться, аж детские песочницы из-за них переносят. Оно, конечно, на детях деньги не сделаешь, и подсластить нечем.

- Ладно тебе папа, отдохни с прогулки, - кричит

дочь из кухни, - успеете еще поговорить, у меня почти все готово.

Люблю я вот так посидеть в узком кругу. Никогда не любил большие компании, где стоит общий гул, все говорят и никто никого особо не слушает. Пьянка это уже, а не дружеский ужин. Милое дело, когда в компании не больше 5-6 человек. А с семьей дочери посидеть сам Бог велел. Я даже начинаю чувствовать, что хочу пожаловаться, чтобы меня пожалели, успокоили. И слезы у меня, в последнее время, совсем рядом находятся, видать, воля тоже стареет. Не зря, наверное, говорят: старые все равно, что дети. Вот до какого возраста дожил, что обратный счет начинаю.

- А что? Ведь неплохо мы живем нынче, хотя пенсия у тебя, Сергей Брониславович, вечно отстаёт от инфляции.

- А чем она тебе не нравится, Володя? Меня, например, устраивает, - говорю ему.

- А вас, похоже, все устраивает, - переходит на Вы - Если угодно, не может быть ни в одной стране такой пенсии, на которую можно было едва купить один пылесос. Это смешно и обидно должно быть. Вы же воевали за нас. Терпели голод, холод и в семье, как прошлый раз говорили, репрессированные были. Да вам же такие бытовые приборы, одежду и обувь бесплатно выдавать нужно, чтобы вся пенсия на отдых да на пожрать уходила. За границей пенсионеры по миру путешествуют, а вам до Владика и обратно не хватит. Разве не так, Валентина.

А Валентина у них на слова не такая скорая, делает свое дело молча, да улыбается. Лицом она, пожалуй, в меня пошла, а характер Варин. Мамина дочь, её воспитание. Ну, вот опять слезы проступают, лучше поспорю с зятем, чем снова, как в прошлый раз, пустить слезу. Сила воли у меня еще есть.

- А я вот, Володя, за вас больше беспокоюсь, чем за себя. Я пожил свое и не хочу говорить, что несчастен, хотя действительно всякого хапнул. Старый человек, Володя – это не только хлеб для похоронных служб, который ходит, портит воздух и копит на свои похороны. У него побольше вашего было прошлого, но хоть гулькин нос, и настоящее имеется. У старого человека есть Что и с Чем сравнивать. Я не имею высшего образования, но на политсоветах наблатыкан, не меньше вашего. Вот, слушай сюда. Где-то года два или три назад совершенно случайно увидел я заметку про нашу 70-ю армию, и нигде не нашел слова, где бы её назвали, как следовало, особой армией НКВД. А почему? Я тебе скажу почему. Это слово превратили в разряд nepотpeбных, позорящих слух нынешнего поколения. Да не перебивай, меня. Сам собоюсь. Дай договорить. Так вот, это был карательный орган, благодаря которого держалась тогдашнее государство. Благодаря него Сталин сохранял государственность, казнил кого хотел и миловал, кого пожелает. А ведь это политический орган, где не только палачи сидели, как сейчас пишут и показывают. Там были и очень умные, необходимые для страны люди. А сейчас, вот ты мне скажи, есть орган, который бы мог, невзирая на высокие посты, как тогда, привлечь к суду власть имущих? Где, скажи мне, и как можно добиться хорошей жизни, когда законы издают, по сути те, которые, благодаря неприкосновенности, заранее находятся над этими же законами. Я не призываю, как тогда, гноить в лагерях своих героев маршалов. Нет. Но все же, скажи мне, есть политический орган, который может привлечь их, разворовавших страну толстосумов? Нету такого органа, и получается, что без этих органов государство есть, а государственности осталось на 1 - 2 десятилетия. Ведь ежу понятно, что им государственность и не нужна,

хотя там сидят и уважаемые мной люди. Судебная система, выходит, карает бедных и подчиненных тем законам, которым они сами неподсудны. Так почему же нужно было так жестоко подавить этот орган и оставить неподсудность для избранных? Чтобы тыкать мордой в нищету избравших их людей? Хотя, приемник бывшего, чувствуется, характер и волю имеет. Может и создаст какую-нибудь службу, которая бы подчинялась только ему и Закону. Наш человек! Кажись, понимает, что уважения без этого у нас не завоюет. Вот вас мне жалко и за отчизну, как принято говорить, обидно. Ну ладно, убрали все, что могло держать в узде, типа партийных бюро, а вот чем народный контроль помешал? Потому, что народный? Никто же никому не подчиняется и никого в хер не ставит, прости доченька. Пока что, похоже, приемник сам от них зависит. Тяжко ему будет, понимаю, но ведь страдает народ, несчастлив он.

- Тогда, давай поднимем Берию? Чистопляска пойдет пострашнее тридцать седьмого года.

- Я так и знал, что не поймешь меня! Разве же я говорил тебе пересадить и учинять суды над всеми, у кого большие деньги есть?! Просто я объясняю тебе, что народ, который вариться в собственном соку, без крепкой государственности, срывает зло на ближних, и нету у него уважения ни к себе, ни к соседу. Ведь вы и вправду стали жить по принципу «наглость – второе счастье». Этот принцип становится уже первым. Не та это жизнь, для которой мы родились. Не та.

- Ну, это не совсем так, - пытается он разрядить обстановку, - делать другим добро еще не разучились

- В этом я убедился, когда на 9 мая набор продуктов мне домой принесли. Правда, народу много пришло. Был парторг, или как его там, местной орга-

низации «Единая Россия», начальник местной соцзащиты и целых два корреспондента с фотоаппаратами. На всю страницу потом протрубили, а разве мы им Победу так подавали. Нет, зятек, не то все это. Я вот лично не хочу, чтобы над моим гробом перечисляли тех, кому я делал добро. Я хочу, чтобы сказали только четыре слова «Он никому плохого не сделал» Вот хотя бы по этому принципу жили, уже хорошо бы было.

- Хватит, папа, - вмешалась дочь, почти со слезами, - о каком гробе ты говоришь? Ты еще поживешь у нас, дай Бог каждому.

Добрая душа, дочь моя. Ох, как ты будешь переживать. Умирать буду сам, а жалеть тебя, кровинушка моя.

У меня я вправду разболелось сердце, видать, Володьку перекричать хотел.

- Ты прости меня, Володя, если чем обидел. Пойду я спать. Утром, может, и пожалею, что наговорил сейчас с каких-то пару рюмок. Слаб стал.

6.

Пожалуй нет в мире ни одного старика, который не мечтал бы умереть в кругу любимых ему людей, попросившись, сложив самому руки на грудь, не надоедая напоследок нытьем своим. Я не исключение и часто, успокаивая и повторяя дочери «Не думайте не о чем. Сам позвоню, когда худо станет, Варя заждалась и плакать тут особо не стоит», понимаю задним умом, и хочу, чтобы плакали все и жалели о кончине. А, может и правда, что смергушка, как великое таинство, наравне с рождением, приносит освобождения от мирской суеты? Может она и есть то, к чему нужно готовиться загодя, не шибко замарав свою внутреннюю сущность, ведь даже память о нас умрет следом, продержавшись на двух от силы

поколениях. Как же об этом не думать? Люди ведь мы, а не скотина какая. Да уж ладно. Не дано, видеть, живым знать все это. С другой стороны, как не думать о будущем? Надо, дочь моя, прелесть моя. Вот опять слезы, но когда один сам с собой можно и расслабиться. Вроде как, детей своих не позорил, смеяться над ними, прижизненными глупостями отца, не станут. Надо бы как-то доплестись, хотя бы на этом уровне, не натворить чего, над чем смеяться будут. Ладно, мое дело теперь матросское, ходить чистеньким, опрятным, готовым к встрече, а ругать смертушку и смешить людей резона нет. Вроде как в этой жизни я всегда старался быть на стороне добра, хотя, пожалуй, не скажешь, что безгрешен. Прощел ли я это испытание, не знаю. Жалок человек не потому, что не так основательно в Бога верует, а поскольку живет занимаясь небогоугодными делами. Отмаливать нужно было ежедневные грехи, стараясь не совершать больше, а не их скопление задним числом. Со злом в душе, выходит, жил все это время. Во, каким философом становлюсь. Эх ма, Серега ты Серега!

.....

Сергей Брониславович, оставил свою земную сущность таким же летним днем, но через год. Умирал он не среди родных его людей и попрощаться ни с кем так же не получилось. Его сшибла машина на дороге посреди городка, недалеко от старого фонтана. Некоторые, перед этим, уже начинали посмеиваться, что он как памятник возле фонтана, где привыкли видеть его рано утром и вечерами. Иные просто звали «наш монумент». И вот в один прекрасный день монумента не стало. Смертушка у него было хоть и жестокой для близких, но скорой и безболезненной. Он её не успел почувствовать.

ДРУГ

Материала хватит ещё на одну книгу, но перечитывая ловлю себя на том, что не всем она будет интересна. Сейчас такие книги мало кто читает. Они старомодны. Для молодежи я и вправду скучноват. Толи из-за возраста, то ли время такое, что все изложенное мною смотрится как-то однобоко, и герои мои, в основной массе, люди одинокие. Они у меня выходят, как покинутые и забытые остальными. Но сам я полагаю, что все происходит именно так и в жизни. Многие годы боролся, чтобы мы перестали быть «серой массой», чтобы каждый выделялся своим ярким индивидуализмом, не дали погибнуть в себе то настоящее, неповторимое и бесподобное. В результате мы просто разобщились и каждый «бесподобный» варится в собственном соку, уверенный в том, что со всеми вместе утратит свою индивидуальность, перестанет блистать своей бесподобностью. «Серая масса», однако, как была, так есть, но не стало общности. Именно эта масса пройдет возле могил себе подобных, снимая шапки, тогда как «бесподобный» прошагает, вечно помнящий о своей неповторимости, покуривая сигарету. Нет теперь такого, чтобы человек шел делиться своими бедами и радостью к соседу, коллеге или просто к знакомым. Он теперь выше других, и боится мнения остальных (себе подобных не говорю – он бесподобен). Вот и сидит этот индивид перед телефоном доверия и рассказывает невидимому психологу, который сам одинок и не знает с кем поделиться своими бедами. И дело тут в том, что в телефон доверия он обратился не потому, что ему помогут, а потому, что сохранится анонимность. Он, этот телефон, пришел в наш быт оттуда, где общество утратило самое ценное –

общение. Люди, если перестали помогать друг другу, обречены и столь модная профессия – психолог должна изучать различные ситуации и выдать кому нужно советы по их искоренению. Ты там будешь значится всего лишь как клиент. Облегчать души нужно многим, только анонимность разве не означает только лишь то, что еще один человек знает о твоих проблемах. Только и всего. А где друзья, товарищи? Или теперь это «комиссарское» слово «товарищ» не для индивида? Теперь мы господа?

Наверное, есть у многих настоящие друзья, не может, чтобы не было. Только этих счастливчиков очень мало. Теперь друзья в «одноклассниках», которые ставят в свои страницы фотографии любимых котов или ролики с «позитивчиками». Я сам часто выхожу туда, общаюсь многими и мне нравится иметь собеседников, только друзьями настоящими мы не станем.

Никогда не замахивался судить время, поскольку знаю, что занятие это бесполезное и, в конечном итоге оно нас судит, а не мы его. Однако, даже копаться в своем времени надо, чувствуя рядом и вокруг себя людей, пользуясь таким прекрасным орудием, как наш язык и доверяя ближнему все то, что говорится внутри тебя. Многие мои герои одиноки именно по той причине, что нет рядом человека, кому можно было хотя бы довериться. Настоящих друзей бывает мало, у всех у нас столько проблем, не то, чтобы принимать чужие, своими бы разобраться. И все же они есть! У меня тоже был настоящий друг...

Был февраль месяц, когда из Свердловска позвонили знакомые, что умер мой друг Валентин. И не просто умер, а повесился. Как возможно такое?! Не могу найти слов, чтобы описать свое состояние, как воспринял такое сообщение. Как могло случить-

ся такое, что его больше нет? Разве же возможно такое?! В голове творилось непонятное - одни вопросы и не одного ответа. Такой друг бывает один на всю жизнь. Это место теперь будет всегда пустовать, и мне его не будет хватать всегда. Жена моя, Вера так же искренне любящая его, была не меньше моего огорчена, сидела не в силах переварить такое и молчала. Мне не сиделось на месте, ходил из угла в угол и едва дождался наступление утра следующего дня. Перед глазами стоял всегда улыбающееся лицо Валентина, будто живой глядел на меня сквозь стекла своих очков и как будто снова пел, подыгрывая себе на гитаре:

*Далеко за далью синей,
Где-то в городе нешумном...*

Едва войдя в свой кабинет, я написал рапорт на внеочередной отпуск, в чет будущего, на три дня. Вместе с выходными наберется все пять дней, которых мне хватит, чтобы попрощаться с другом. Написал «по семейным обстоятельствам», и это было чистая правда.

Михаил Федорович Фарукшин, заместитель начальника по оперативной работе, как человек курирующий службу оперов, знал состояние моих дел и дал своё разрешение выехать на похороны, а, возможно, просто побывать на его могиле. Сообщение я получил по телефону, как говорят, через третьи руки и, надо полагать, с опозданием. В голове продолжались роиться разные мысли, одна из которых не давала покоя особенно.

Я возомнил, что 30—летнего мужчину полного сил, так сильно любящего двух своих дочерей, могла довести только его жена – Вера (они с моей женой были тезками). А какая ещё может быть причина, ду-

мил я. Он так любил жизнь. Вера его была красива, пышными формами и нравилась многим. Я, из их рассказов знал, как он добивался её любви, будучи однокурсником Троицкого медучилища, и как она – потом ответила согласием. У них росли две дочки, старшую Анюту я так любил и привязался к ней, еще будущим холостым. Вторая у них тогда ещё не родилась. Они жили под Свердловском в селе Горный Щит, где Валентин работал, как участковый врач. У них и в семье разговоров о порядках медучилища было много, жили, имея общие и нормальные воспоминания. Даже мухами воевали летом, вспоминая бывшие студенческие лозунги: «Уничтожайте мух, рождаемость снижайте, уважайте русских воробьев». Всё, казалось, было нормально.

Теперь они жили возле Троицка в поселке Кумысном, и мне предстояло проехать маршруты: Егоршино-Свердловск, Свердловск-Челябинск, Челябинск-Троицк. Ехал я весь вечер и всю ночь. Торопился, надеясь на свежесть сообщения, пытаюсь успеть к похоронам. Грешен, выпивал всю дорогу и задавался одними и теми же вопросами. Вспомнились его слова, как они с Верой встречались у двух берез, растущих из одного корня, целовались, давая обещания, и ходили туда, даже после женитьбы. В затуманенную от спиртного и разгоряченную от этих мыслей голову, приходила мысль – найти эти березки, спилить их под корень, как символ обманутых надежд друга, побыть на похоронах и вернуться обратно.

До села, где он жил с семьей я не поехал, а пошел к его родителям, проживающим в самом Троицке. Вместе с отцом, которого все звали «Батяня» и матью «Крохой» проживали еще двое сыновей. Старший Олег, работающий киномехаником и младший Саша, который заканчивал школу. Дочь их Людмила жила где-то в Уфе. Итого, вместе с Валенти-

ном, четверо детей, которые жили дружно и счастливо. Батяня был художником-оформителем на железной дороге, но в своей небольшой мастерской успевал писать картины, занимался гравировкой, составлял эскизы памятников-указателей для всех станций в округе и даже писал эскизы и декорации для местного театра, где ставил спектакли в качестве режиссера. Писал он репродукции картин. Две из его картин, Валентин, подарил мне и моей сестре. Сестре досталась картина по мотивам песни «Он упал возле ног вороного коня». Конь и воин, лежащий на земле, рисованы такими штрихами, расплывчато, разным колером из таких цветов, от которых, казалось, пахло порохом. А рядом воткнута в землю сабля. Очень красивая картина. А я тогда не стал дожидаться, когда Батяня закончит «Неизвестную» Крамского и выпросил подарить именно такую, какая она была недорисованной. Оставалось дорисовать надменность к «неизвестной», и она была какой-то доброй барышней. Надменность и дворянскую кость я не дал доделать, взял какая она была. Можно сказать – выпросил. Фрагменты открытой кареты, одежда и руки в муфте – все исполнено один в один, а сама барышня добрая. Она потом долго висела у меня дома, а мои дочки называли её «Мадам Фу-Фу».

Мне еще с первого приезда было известно, что Батяня женился на Крохе в Армии во время службы в авиации. «Свадьбу играли среди служивых, выпивая из алюминиевых кружек».

Были ли похороны и когда, я не знал и терялся, как объявиться ранним утром. Тем более, в окнах квартиры света не было. Выходит, не успел, подумал я. Дверь открыл сам Батяня, который был бесконечно рад моему приезду и весь сеял от удовольствия. Поднялся и младший Саня, которого я, уже не помню почему, звал Дубровским. Он также ничего кро-

ме радости не источал, и похоже, мой вопрос про-
шучал для них совсем непонятным образом.

- Что с Валентином?

- Что с Валея, - переспросил удивленно Батяня,
а что с ним должно было случиться? С ним все в
порядке, но ты разве не знаешь, что они живут от-
дельно?

- Так, он живой?- Этот вопрос совсем сбил их
столку.

Я долго не мог прийти в себя, несколько раз по-
вторяя свой вопрос, и еле успокоился. Вернее мне
захотелось срочно увидеть его и убедиться воочию,
словно родные ему люди могли шутить таким обра-
зом.

- Живой, значит? - не выдержал я и чуть не рас-
плакался, как ребенок. Только в тот момент я окон-
чательно понял смысл слов «отлегло», «камень с
души». Сколько было думано и передумано за эти
сутки. Сколько пережито. Позже мы перешли на кух-
ню, засуетилась Кроха, и это был настоящий празд-
ник. Мне теперь казалось, что мой друг и вправду
вернулся с того света.

- Через час-полтора зайвится твой «покойничек»,
успокаивал Саня-Дубровский.

Он был младшим в семье, но уже перемахнул за
15-летний рубеж, а шустрый, сладу нет. Чуть позже,
уже вслух, я пересказал возможный вариант такой
«накладки». Где-то около двух месяцев назад дей-
ствительно покончил собой наш общий с Валенти-
ном друг Виктор. Он разошелся с женой и жил среди
«свободных художников» в брошенном старом особ-
няке чуть ли не в центре Свердловска. Кого там только
не было. Там жили непризнанные художники, музы-
канты различных течений, занимающиеся художе-
ственными фотографиями и просто пришлые, кому
было интересно быть с ними. Там пели голосами

Демиса Русоса, Высоцкого, вешали на голые стены различные картины, которые не возможно как-то назвать, но, в то же время, с точки зрения «тонкого искусства» можно обозвать как угодно. Им отключали свет, канализацию, выгоняли нарядом милиции, но они возвращались снова. Там и покончил собой Виктор, очень хороший человек и наш приятель. А может, и подвесили, народ там жил мутный. Уже после его смерти, всю эту братию прогнали окончательно и начали сносить стены, огородив здание и выставив сторожа. Видимо, кто-то из общих знакомых подумал, что я переехав из Свердловска в город Артемовский, был не в курсе о смерти Виктора и передал через других, что повесился мой друг. А тот другой уже уточнил моего друга, по своим данным. Вот мне и передали уже конкретный вариант - «повесился его друг Валентин». Разве я мог что-либо анализировать в таком состоянии, получив это известие? Я спешил с одной лишь надеждой – успеть к похоронам.

Позже подъехал и сам Валентин и, наверное, был удивлен такому крепкому объятию друга. Он долго молчал, когда объяснили и сказал единственное слово: «Козлы», и поехал на той же «скорой», на которой подъезжал, чтобы отпроситься на свои похороны у начальства станции «Скорой помощи». Кроха, представляла лучшие закуски.

- Не надо расстраиваться, - подытожил Батяня, - эта весть, по приметам, означает, что ты, Валя, теперь всех переживешь.

Потом мы с Валентином поехали в его село, где продолжали праздновать его присутствии среди живых, смеялись, вспоминая мою свадьбу. Свадьбу мою играли в нашей деревне, куда приехали полным автобусом из Свердловска, где сосчитались браком в Чкаловском районном ЗАГСе. На повороте от шоссе

и сторону деревни, наш ждал другой автобус и машины, которые сопровождали до дома, где я вырос.

Валентин был свидетелем со стороны Веры, а с моей стороны - ее подруга Маруся. Сестры мои и родители подготовили для свадьбы все, и она удалась на славу. Гуляли два дня, а кое-кто остался на третий. Это действительно незабываемое для меня событие, превратилось таковым и для гостей. Кое-кто и сейчас вспоминает. Мы с Верой жили в одном общежитии, где и познакомились, а потому гостей оттуда было много. Одна из них по имени Лариса попала в список гостей помимо нас, ибо списки составляли многие и включали туда тех, кто оказывал помощь для бракосочетания. Как их не пригласишь? А мои родные не могли не пригласить двоюродного брата Рому из Челябинска, с которым мы росли вместе. Рома был парнем видным и охоч до девушек. Очень уж он их любил!

Одним словом, еще было светло, и все гости высыпали в наш просторный двор для танцев. На крыльце остались мы с молодой женой, сестра Марина и к нам вышел мой отец. Стоящий рядом отец, видимо, решил поздравить нас еще раз, сказать слова напутствия, и я убавил звук магнитофона «Лиры», стоящего рядом. В это время открылась калитка ворот и вошла полностью обнаженная Лариса и последовала к крыльцу, чтобы войти в дом. Она, не совру, была хорошо сложена, и несла свое голое величество свободно, ничем не прикрываясь, естественно и красиво, в меру виляя замечательно скроенными бедрами. Музыка едва была слышна, а пары и вовсе остановились и стали как вкопанные, уставившись на такое явление. Отец мой, у которого отвисла челюсть, едва смог выговорить:

-Чья эта дочь?

Вопрос прозвучал глупо, но ему простительно,

он был в полубморочном состоянии. Мы с сестрой закрыли его от этого «прекрасного создания» и пытались уговорить, что все это показалось. Он, врубился тоже и сделал вид, что поверил нам.

Конечно, было бы неплохо, если Всевышний дал этой Ларисе не только красивую фигуру, но и немножко ума. Она имела возможность забрать свою одежду у Ромы, который сам за деревней перепугался, что так может обернуться и предлагал ей одеться. Нет, она гордая и скрывать ей нечего. Так выразила своё «Я обиделась». Сестры, конечно же, снабдили её всем необходимым и оперативно выпроводили до автобусной остановки. Вскоре танцы возобновились, общее веселье переполняло всех, и о ней уже забыли или делали вид, что забыли. Валентин уже на другое утро сидел в центре двора в белом халате возле бочки с щербаковским пивом и наливал всем и во все подставляемые емкости за символическую цену и кричал:

- Кому пива?! Подходи все, у кого башка «боба»!

Епанешниковы оставались после свадьбы еще на пару дней, и мы ходили по грибы. Вернее было бы сказать на свидание с лесом, прихватив шампанское. Худо-бедно ведро груздей мы набрали и сели на краю оврага разговоры разговаривать. Валентин тут прервал свой монолог и проговорил: «Марина – ты девушка видная, а вот ноги замарала». Только тут я заметил, что он встал на корточки, и моет шампанским ноги моей сестры Марины. Во время, надо сказать, заметил. Вырвал, полбутылки ещё оставалось.

С тех самых пор он вспоминал про эти случаи при каждой нашей встрече. Особенно запомнилась обнаженная Лариса.

- Нет, братан, ни у кого такой свадьбы не было. Хороша была девка, - повторял Валентин, - до сих пор перед глазами стоит. А какая была попка! Какая

дика!

- Вот-вот, - говорила, смеясь, его Вера, - все эшпалеры дам своих побросали от столбняка. Поди, до сих пор двор отмыть не могут от мужской слюны.

Воспоминаний о нем было множество, но излагать все не собираюсь. Валентин был очень веселым парнем и любил побалагурить.

Провожал меня до станции сам «покойничек», и уехал я домой в таком хорошем настроении, что на душе было легко и покойно. Расскажи кому – не пошлят. Бывает же такое.

Кто мог знать, что эта была нашей последней встречей.

На этом веселые моменты нашей дружбы заканчиваются, ибо веселое всегда идет рядом с грустным. В воспоминаниях наших почти нет случаев о тех, кто родились позже нас, хотя не менее нами любимы. Мы запутались в своих проблемах, которые копились десятилетиями, в течении которых перехоронили многих любимых нами людей. Видимо, настает время жить воспоминаниями. Так устроен мир. Не знаю, успею ли я смириться с такой постановкой вопроса до наступления последнего своего дня, но переживать есть о чем и о ком, и эти переживания будут со мной до конца. Этих переживаний накопилось столько! Порою кажется, что они останутся даже после меня. Вот я опускаю на полотенцах тех, кто были моими родителями, сестрами, братьями, племянниками, зятьями, или принимаю их внизу, чтобы уложить в нишу поудобней, а потом поднимаюсь, отойду, чтобы смотреть, как бросают туда комья земли. Остаются: могильный холмик, память и переживания.

Вот я сижу на полу своей квартиры, обнимая бездыханное тело любимой жены и ору : «Вера, не

покидай нас!», но тщетно.

Это удивительно, что до сих пор не разорвало сердце и я продолжаю жить после всего этого.

Прошло много времени, как я съездил на «похороны» друга и уже был уверен, что слова Батяни, сказанные Валентину «всех переживешь» сбудутся, знал, что он развелся с Верой и теперь живет с другой. Жизнь на месте не стояла.

Буквально на днях я решился найти кого-нибудь из Епанешниковых по Интернету и в одноклассниках вышел на Сашу – Дубровского, проживающего нынче в городе Магнитогорске. Его я, конечно же, ни узнал, но по фотографиям различных самолетов и людей в летной форме догадался – он! Я знал, что Саня окончил авиационный техникум, еще что-то и служил пилотом гражданской авиации. Александру Епанешникову уже 53 года. Он давно набрал свои лётные часы, вышел на пенсию и служить где-то в охране. Первым вопросом, когда связались, естественно был вопрос о Валентине, было жаль, что у него нет своей странички. Ответ огорчил меня до такой степени, что по сей день не могу прийти в себя.

УМЕРЛИ: Батяня с Крохой; умер брат Олег; умерли Валентин и Вера. Остались из их семьи лишь Александр с Людмилой.

Достаю их семейную фотографию. Здесь они все поместились на диване, все улыбочивые, добрые и родные мне люди. Только Саня-Дубровский сел посреди, вытаращил глаза и показывает дули перекрещенными на груди руками.. Ему лет пятнадцать, не больше. Такими они сохранились в моей памяти.

Валентин, со слов Александра, начал пить, остался снова один и, похоже, приобщился к наркотикам. Причина смерти – рак. Видать, друг мой, знал об этом, но никому не стал говорить, а водка с нар-

которой давали ему возможность дотянуть до последнего дня. Он был медик, и этим все сказано.

Не сбылись твои слова, Батяня. И что особо мне обидно, что в течении тех пяти лет, когда я жил один, мой друг был так же одинок и доживал последние свои годы. И кто же я после этого? Можно ли такое простить? Эта наша разобщенность, когда каждый варится в собственном соку, вещь страшная и непростительная. Испытал на себе и больше не хочу. Нам с другом, будь он рядом со мной, было бы легче.

Прощай, друг мой. Теперь мне придется точно побывать на твоей могиле, накладок больше не будет. Такое дважды не повторяется.

СЧИТАТЬ ЛЮДЕЙ ПОШТУЧНО.

- Ты бы, сын, с семьей приехал, а то все один для один. А я, знаешь, по внучке страсть как соскучился. Совсем большая уже, наверно, стала?

- Растет. Только некогда им, батя. Леночка учится уже в четвертом классе, двенадцатый год ей идет, почти с меня ростом. – Анатолий показал рукой рост дочери. - Татьяна вся в делах, к нам в контору устроилась, по работе с персоналом. Ей до отпуска пока – как до Китая пешком.

Александр Матвеевич смотрел на сына с задумчивой улыбкой, словно хотел о чем-то попросить, но не надеялся получить ответ, который бы его устроил. В последнее время часто носит на лице эту мину, будто прощается и хочет, чтобы сын запомнил его в таком образе. «Хотя, слава Богу, крепок ещё, - думал Анатолий, - одичал один-то. Скучно ему, наверное».

Отец с сыном посмеялись, вспоминая прошлый его приезд и, по ранее заведенному обычаю, присели на нижнюю ступень крыльца.

- Что-то мы с тобой сегодня без бутылки уселись на нашем месте. Даже неуютно как-то, не понашенский.

- Ничего сын. Посидим и с мерзавчиком, но рано ещё. После кладбища посидим.

- Кладбища?

- Вот-вот. После кладбища. Нам обязательно нужно побывать там вдвоем, часто об этом думал. Не очень правильно, похоже, я тебя воспитывал. Маленького тебя туда не пускала мать. Марии всё казалось, что кладбище и надписи на могильных пли-

так дурно скажутся на психике ребенка. Я часто с ней соглашался, хотя и не всегда был уверен в её правоте. Я и сейчас точно не скажу – права ли она была, но ты уже сам давно отец и надо поближе ознакомиться с этим местом. Кладбище человека воспитывает. Там никто осознанно не врёт и не хвастает. Там все становятся равными, и нигде человек не научится ценить жизнь, как на кладбище. Я часто теперь там бываю, возле могил и душе становится тихо и покойно.

- Красиво стал говорить, батя. Еще не забудь сказать об очищающих слезах. - Сын смотрел отцу в глаза, улыбаясь такой же, как у него, улыбкой, только отец думал уже о другом.

- Дурень ты ещё, - засмеялся Александр Матвеевич, - ничего не понимаешь. Что? Вспомнил, как я в прошлый раз прослезился? Так, это же было на крыльце, а не на кладбище. А потом, это же водка плакала, а не я. Нашла выход огненная водичка. Пошли, сын. Пошли. По дороге поговорим.

- Так, разве не на машине поедем?

- На машине можешь внучку мою в зоопарк возить, а тут – кладбище. Любо-дорого пройти почти всю деревню, кланяясь направо и налево. Да и рядом ведь.

Отец с сыном шли вдоль по улице, хотя народу было не так много: две старухи на завалинке и пацан на велосипеде. Все они здоровались, кивая головами, хотя никого из них Анатолий не помнил.

- Так вот, о слезах очищающих душу, - продолжал отец тему, - слова красивые, конечно, и, пожалуй имеют свой смысл. Только скажу я тебе, что на кладбище не особо приветствуется. Там, скорее, принято быть веселыми. Нечего расстраивать тамошнее сословие. Ты помнишь дядю Галихана, брата нашей мамы?

- А как же. Помню. Он даже сказки мне как-то рассказывал, только акцент у него такой, что мне ни совсем было понятно. Да, и маленький я ещё был.

- Вот-вот. Акцент и у мамы нашей был до конца жизни, потому что – башкирка. У них и деревня тем была интересна, что живут татары и башкиры. У татар акцента почти не бывает, а башкиры маются с ним всю жизнь. Это уже, чисто моё умозаключение. Они и сами путают, кто из них башкиры, а кто – татары. А вот меня не обманешь, поговорю минут пять и уже знаю, с кем из них имею дело. Я тебе, наверно, забыл сообщить об этом - Галихан умер за год до маминой смерти. Мы ездили с ней на похороны и оставались на третий день. Мулла читал молитву, «аятом» называется. Так вот, у них на кладбище, когда роют могилу и хоронят вообще принято смеяться и вспоминать различные веселые истории. Хочешь вызвать «очищающие душу слезы» - иди, спрячься где-нибудь, и очищайся на здоровье. На кладбище воспоминания не запрещены, но слез не терпят. Нет у них и такого, когда женщины во всём черном голосят и кидаются на гроб, который вот-вот заколотят. Да и гроба никакого нет, как нет и женщин. На кладбище, кто из женщин желает, может приходиться после сорокового дня.

- И кто же, батя, прав? Кто правильнее проводит весь этот ритуал?

- Господи! Тебе больше тридцати лет, а никакого понятия о жизни!, -нарочито поднимая голову к небесам причитал отец. – Каждый должен провожать человека в последний путь так, как принято их предками. Обычай нужно чтить строго. Так делалось веками, и менять, а тем более сравнивать - последнее дело.

На кладбище и впрямь было уютно, возможно, от слов отца. На редких деревьях и кустарниках ко-

гушили птицы, жужжали пчелы, летали бабочки и прозрачные стрекозы. Среди могильных плит с крестами и звездочками было еще уютнее и мир, будто сужался на небольшом пространстве так, что забылись все заботы, казавшиеся ранее почти неразрешимыми проблемами. «И пусть не врут, что человек здесь может начинать чувствовать себя ничемным от сиюминутности своего существования». Наоборот, Анатолию вдруг показалось, что он смутно улавливает что-то большое и успокаивающее, от чего жизнь будто утрачивает свои грани начала и конца... Повеяло чем-то цельным и неуловимым, господствующим над всем и вся, от чего становилось покойно.

- Мама на этой фотографии, как живая, правда, батя?

- Я её сам выбрал из альбома для памятника. Я тогда ездил в город сдавать картоху и купил этот джемпер наобум, в последний момент и думал - будет ругать меня. А она так его полюбила, надевала на все праздники и после долго носила, уже совсем застиранную. Пожалуй, эта единственная покупка, чем угодил твоей матери. Привереда такая была, - смеялся отец. - Ну, здравствуй Мария. Вот с сыном к тебе заявились. С днем рождения тебя!

- Ты зачем меня не предупредил, батя?! Я ведь забыл, когда у неё день рождения, цветы бы привез.

- А вот, я этого и добивался. Не помнишь день рождения матери! Всё вперёд буром прёте, быстрее обрасти жиром, и пожить в своё удовольствие жизнь, которая даётся всего один раз? Думаешь, мне не знакома вся эта дребедень? Назад надо, сынок, чаще обворачиваться. Разве будут цвести и зеленеть растения без корней своих? Торопиться тоже надо с умом. Запиши прямо сейчас в свой телефон даты рождения и смерти всех родных прямо с плит,

а потом я укажу тебе, когда проводятся родительские дни. Я эти дни не пропускаю. Всегда приехать конечно же, у тебя не получится, но ведь можно помянуть и дома или забежать в церковь и поставить свечку за упокой.

Александр Матвеевич обнял сына за плечи, боясь «слез очищения», и перевел разговор на другое.

- А вот, слушай сын, в деревни, где мамини родичи живут, фотографии на памятниках ставить не любят. Молодежь, конечно, нарушает это правило, но старики их осуждают. Другой брат матери Жавдар с сыном Руфатом, когда ходят на кладбище специально читают молитву перед могилой деда и тогда как они утверждают, фотография начинает улыбаться. Так-то дед их очень строго там изображен.

- А чего же они не уберут фотографию, коль осуждают?

- Так ведь, дед их участник войны и памятник установлен с фотографией, высеченной в граните. Военкомат ставил, бесплатно всем фронтовикам.

- И что? Ты веришь в то, что он улыбается от молитвы?

- Попробуй - не поверь! Они же такие люди, что врать, а тем более в таких делах, не станут. Я думаю, что всё зависит от крепости твоей веры. Иной и молиться будет день и ночь, но вряд ли от этого будет какой-то толк, если он не окончательно верует и молится скрытно, чтобы никто не заметил, стесняясь своей веры. Они, Жавдар с Руфатом, видать, веруют крепко в свой Коран, вот и ведение у них соответствующее.

- Так что? Выходит, нельзя фотографии ставить?

- А с чего ты взял? Мы же для себя их ставим, чтобы вспоминалось лучше и разговаривать с ними удобнее было. У нас с этой целью и иконы существуют, а у них – нет. У кого и как заведено. Грех, когда

журняют памятники или не ходят к месту, где останки родных людей. А на каком языке и как молятся люди, особой разницы нет. У веры национальности не бывает, и всякая молитва уводит от грехов и помогает очищать душу. А ты все: слезы, слезы, - засмеялся Александр Матвеевич.

- Ну ты, батя, круче иного попа будешь. Только получаешься каким-то интернациональным, будто померить все веры меж собой хочешь.

- А я, сын, не буду их мирить. Если будут часто молиться и без выпячивания «абсолютной правильности» своей веры, то и без меня друг с другом воевать не будут.

Беседа, уже, так сказать, на мирские темы, продолжалась на нижней ступени крыльца. Оба мужчины, без каких либо слов, прекрасно понимали всю идиллию и важность момента. Этот день они оба никогда не забудут. Сын, пожалуй, открыл для себя важность момента, а отец – чтобы вдолбить в голову сына то, что должен был сделать любой ценой. Вроде как, удалось! Теперь, пожалуй, будет больше привязан к деревне своей.

- А скажи-ка, батя, что за башня деревянная справа от кладбища выстроена? С детства её помню. Возле других деревень округи я их тоже замечал.

- А вот это я и сам не знаю. Для чего-то предки наши ставили, возможно, отмечали, что в этом районе есть населенные пункты. Их еще до меня поставили, и они очень крепкие. Помнишь Харитона с перреулка, который всегда ходил по деревне пьяным и песни горланил? Так вот он, как-то после родительского дня залез на эту башню и пугал свою Галю, что сбросится вниз, если она бутылочку не купит. Высоко залез, а строение выдержало. Даже не осталось стариков, кто бы мог сказать – в каком году они поставлены.

- Ну и что? Купила Галя бутылочку?

- Да, нет. Там вообще смешная история получилась. Одним словом, Галя эта убежала в сторону кладбища, пришла к башне с лопатой и стала копать. Тут Харитон притих, ничего не понимая, и стал орать, дескать, не с ума ли она сошла из-за своей жадности потратиться на одну всего лишь бутылку водки. А Галя ему кричала в ответ, чтобы прыгал, а она его тут же закопает не омытого. «Прыгай сейчас до темноты, ни то уйду, а до утра вороны глаза твои выключают, всю жизнь мою испоганил подлюка!». Ну и многие такие некультурные слова говорила, да так решительно была настроена. Харитон тут засуетился и слез необычайно быстро, а потом долго не бухал.

Антон смеялся над рассказом, от чего у него в глазах появились слезы. Отец смотрел на него и тоже улыбался. «У Марии, вот так же глаза всегда слезились от смеха. Анатолий похож на неё лишь широким лицом, скулами и темным цветом кожи, а ведь глаза мои – синие. Странно как, будто Марьяны слезы из моих глаз просочились. Одно слово – наше наследие! Эх, сынок, сынок, знал бы ты, как одиноко мне бывает, когда целыми вечерами сам с собой или фотографиями разговариваю. И какой же я молодец, что сводил тебя, наконец-то, на кладбище. Другого такого места не бывает, чтобы подчеркнуть родство крови. Она будто по общим жилам стала проистекать».

Водочка «за встречу» долго не заканчивалась, поскольку выпивали понемногу, закусывая свежими огурцами и луком прямо из грядки, споласкивая в дождевой воде из бочонка для полива. Хорошо-то как! Перед сумерками – особенно. Двор Анатолий подмел опять же.

- Как сам, батя? В смысле здоровья?

- Да, я нормально себя чувствую. Слава Богу,

сын. Я даже микроинфаркт после смерти мамы не почувствовал. Небольшой рубец на задней стенке обнаружили уже потом. И ничего! Почти не тревожит. Да и не дают врачи продыху. Придумали тут всеобщую диспансеризацию пенсионеров и всех нас тягают в район. Насильно, причем, тягают. Соседа Игната и вовсе чуть не прикончили. Он бедный поехал туда со страшными болями в животе, а ему там говорят «пока не пройдешь диспансеризацию, лечить не будем». Бедный сосед упал в кабинете уже второго специалиста, а когда вскрыли живот, то аппендикс в руке у врача лопнул. В последний момент успели удалить. А все потому, что нужно в область сообщить, какой процент пенсионеров прошли эту самую диспансеризацию. Вся плановость наша, сам понимаешь, выражается в количестве. Качество мало кого тревожит. Нас считают процентами или по деревням, никто не хочет поштучно заниматься.

- Поштучно?, - смеялся Анатолий, выдавливая «мамины слезы из отцовских глаз». - Круто ты иногда завернешь, хоть стой хоть падай.

- А что? Я разве не прав? Мы же не товар оптом, а люди. Разве так можно?

Анатолий снова смеялся и подливал отцу, любясь выражениями его лица, находя множество оттенков мимики и просто морщин, которые раньше не замечал. «Как же мало я знал тебя раньше! Ведь ты тоже не вечен, хотя и хорохоришься. Держись, пожалуйста, старче».

Александр Матвеевич, словно почувствовав настроение сына, повернул разговор в другое русло.

- Завтра с утра будем выгонять эту дурь. Работа предстоит небольшая. Нужно сменить средний столб, на чем навес держится. Он прогнул, и сам навес начинает провисать. Пойду вот зимой к поленнице за дровами, а он не выдержит снега и накроет меня.

Ты не бойсь, все уже приготовлено. Хорошее бревно я уже ошкурил, его и поставим на место старого. Вот тут уже твоя автомашина пригодится. Вернее пригодится домкрат от неё. Есть и запасная подпорка – брус, которую мы представим рядом, поставим на него домкрат и поднимем навес чуток домкратом. А потом уберем старый столб, вкапаем новый и тихонько ослабим домкрат, чтобы все стало на место. Прибьем ещё скобу, никуда не денется. Домкратить будем немного. Крыша выдержит – не шифер, чтобы треснуть.

- Так, ты уже все предусмотрел и наметил заранее?

Анатолий подошел к навесу и удивился прозорливости отца. «Я бы, может, и не додумался подключить механику. Во дает!».

Сын уезжал сразу после обеда, плотно подкрепившись свежей окрошкой. С навесом они и вправду провозились совсем недолго. «Старик – голова! Еще продержится, а вот я зря так редко приезжаю, - думал Анатолий, - даже мамин день рождения позабыл. Позор! Да, и отца я совсем не знал, выходит... А он вон какой хороший и такой родной! Буду почаще ездить. Ты же у меня, батя, штучный. Единственный. Не надо бить себя в грудь и утверждать, что уважаешь старших. Просто надо любить каждому своего отца. Тогда они и вправду будут уважаемыми каждый, поштучно. Детей своих зовем кровинушкой, а вас забываем. Нельзя так».

КРАСНОАРМЕЕЦ

Второго июня 1918 года Ивану Чаплыгину исполнилось 34 года, но в пылу сражений с белоказаками в районе деревень Южного Урала Надыров Мост и Куяш, он вспомнил об этом лишь в начале июля месяца, при отступлении в сторону Тюбука, поскольку оставляли его родимые места. Скоро поворот, ведущий на Касли, где они работали, время от времени на заводе со своим отцом, подряжаясь то по подвозке руды на своей лошадке, то угля к печам. Деревня его остается южнее от тракта, ведущего из Челябины в сторону Екатеринбурга, что больше успокаивало, чем огорчало. Отступать на виду у знакомых сельчан считалось делом опасным. Это понимали все бойцы их отряда 1-го Костромского полка красных. Неизвестно, что учинят белочехи с родными, когда узнают, что их сын, муж и брат в течении около месяца сражался и убивал белых недалеко от этих мест. Свежая память по потере однополчан по оружию и о яростном сопротивлении красных породили бы в казаках особую ненависть, которые могут разрубить всю родню без разбора, прихватив знакомых и соседей.

Что ждет впереди неизвестно. Земля российская поделена на направления ударов противоборствующих сил в различных местах, что тяжело представить общий план в полном его масштабе. Южнее, возле Троицка орудует оренбургский атаман Дутов, Севернее – Колчак и везде идут территориальные бои не оформившихся пока армий, состоящих из полков, отрядов и групп. Белые отряды, тоже мало подготовленные к войнам внутри страны, состоящие так же из людей различных слоев, не имеют единого штаба. И помощь союзников по Антанте не так велика на начальном этапе. Только чехи, растянувшиеся

чей. Позже, правда, выяснилось, что сын не такой уж оболтус, каким кажется, а просто не любит перебивать отца и все мотает на ус. Волчонок знал свое дело и терпеливо постигал выходки «ата».

Праздновали покупки лошадей вечером в торжественный день прибывания на базаре. К ним подсел и Алаберды, любящий поговорить с покупателями, подкупал их рассказами об обычаях казахов и обязательно брал слово, что те передадут своим землякам, как выгодно иметь с ним дело. Можно заказать уже сегодня, если кто нуждаются в его услугах.

- Я не цыган, глаза прятать не буду, сижу тут с вами потому, что мои лошади всегда самые лучшие, - говорил он, запивая кумысом свою лепешку, - мне краснеть за товар не приходится.

К водке Алаберды не притрагивался и весело смеялся, похрюкивая, когда Степан предлагал ему отведать сала.

- Ай, шайтан, сам кушай свою хрюшку. Я торгую лошадьми, которых ни разу не запрягали и не объезжали. Вот что надо кушать мусульманину. Их у меня берут башкиры и мишары, сейчас самое время. Об этом тоже расскажите своим землякам.

- Сейчас же у вас ураза, Алаберды, а ты мясо расхваливаешь. Не разгневаешь аллаха своего? - спрашивал Степан, смеясь.

- Ураза бывает днем, - отвечал ему казах. - А после захода солнца мусульмане едят много. Гораздо больше, чем до и после уразы.

Степан был не из тех знатных казаков, кто имели различные чины от царской власти, а больше работал на генеральских и полковничьих землях, которых в Оренбуржье было много. Бедным назвать его так же нельзя, ибо выбрал себе жеребца для верховой езды, имея для работы других коней, хотя может у них и это называется бедностью. Иван купил ло-

индью для работы, и копили они на неё всей семьей и только один год. Жили Иван со Степаном у одной из старух, предлагающей «угол», которых на базаре было много, а попрощались на третий день. Каждый из них повторил одни и те же слова: «Может, даст Бог, встретимся еще». Кто мог подумать, что встреча окажется такой...

Именно в этот момент прозвучал звук летящего снаряда и раздался взрыв совсем рядом с ним. Иван по привычке, услышав вой летевшего снаряда, упал на землю возле пленников. Его оглушило взрывом, что некоторое время слышал плохо и не мог прийти в себя. Один из пленников был убит шрапнелью наповал, а Степан был ранен в плечо. Третий, воспользовавшись этой суматохой, сорвался с места и побежал в сторону расположения врага, скрываясь за деревьями. За ним вдогонку пустились двое красноармейцев, но вернулись, поскольку беглец был убит метким выстрелом с дальнего расстояния Прохором Лашковым, одним из заводских рабочих. Иван с Прохором были из одной добровольной дружины, созданной по агитации коммунистов, прибывших из уездного комитета. Большинство в отряде были крестьяне, но небольшие дружины были из Сысертского, Северского и Полевского заводов. Командир Кикур, который героически погиб, прикрывая отход отряда возле деревни Надыров Мост, был направлен Уральским областным Советом коммунистов. Возле деревни Куяш общее командование осуществлял командир 2-ой сотни Чуркин. Бои шли несколько дней подряд с врагом, превышающим более трех раз по своей численности. Отряд стоял насмерть и нуждался в отдыхе, но если их решили обстрелять из орудий, значит, возможна и конная атака. Решили продолжить отступать в сторону Тюбука, где возможна встреча с другими отрядами красных, отступающих со сто-

роны Кыштыма и Каслинского завода. С такой силой они смогут не только противостоять, но и перейти в наступление. А вот оставаться и продолжать сдерживать врага грозило опасностью оказаться в окружении. Решено было отступить тут же, под обстрелом орудий, но как можно скрытно и быстро.

Расстрелять раненного лазутчика, Степана Доронина было приказано, чего он так боялся, именно Ивану, который находился рядом и не был снят со своего поста по охране пленных. Все спешили, грузили пулеметы «Максим», готовили к отступлению личные заплечные мешки, оружие.

Иван повел Степана Доронина за березовый куст, шепнув на ходу «Как выстрелю, хватайся за грудь и падай, я стрельну мимо». Убивать Степана он бы не смог, и свежа была еще память по тем двум дням проведенным вместе в Оренбурге. Не мог этот веселый парень быть его врагом. Уводить на казнь далеко он не мог, это бы вызвало подозрение, а потому приказал остановиться пленному сразу за кустом, на виду многих из товарищей. Времени наблюдать момент возмездия ни у кого не было. Вести пленного с собой так же не было никакого резона, он был бы только обузой - своих раненных хватает. Раздался негромкий окрик «Стой!» и раздался выстрел. Доронин упал как подкошенный и так естественно, что Иван, который целился чуть поверх головы подумал, что из-за боязни не вызвать подозрение целился так близко от головы, куда и попал в состоянии волнения. Однако дело сделано, нужно идти к своим, для уточнения маршрута и места общей встречи в районе деревни Тюбук. Неплохой был парень, Степан, веселый. Жалко его.

На две чудом оставшиеся подводы грузили раненных, но перед тем как тронуться с места, пожилой боец Запрудин решил похоронить трупы убитого

шрапнелью беляка и Степана.

- Не по христианский получится оставлять их на жмчь глядя. Это быстро, товарищ командир. Только уложим в воронку от взорвавшегося снаряда и забрхсаем сверху.

Запрудин, из бывших крестьян, не ожидая одобрения командира, поволок к воронке убитого, а другой красноармеец побежал к месту, где лежал Степан, но сначала выстрелил прежде, чем проделать то же действия.

- Он был живой, ребята, и раны никой нету, кроме той, что от шрапнели. Ты даже не попал в него, паря! – орал он на Ивана.

Десятки голов повернулись в сторону Ивана с осуждением и ненавистью.

- Он, контра, специально выстрелил мимо, - кричали некоторые, - с такого расстояния нельзя промахнуться.

Ивана обступили со всех сторон бойцы, готовые придать такой же участи, чего заслужили пленные, но к ним пробрался командир, и бойцы расступились.

- Ты из первой сотни? Как звать? – Командир был настроен решительно, чтобы вершить скорый революционный суд над изменником, и пришлось бы Ивану туго, если не Лашков Прохор.

- Товарищ командир, не может Иван быть изменником, мы с ним вместе вступили в дружину добровольцами. Он хорошо сражался под Надыровым Мостом, хотел остаться с командиром, чтобы прикрыть наш отход, оставил товарищей только после приказа. Он – не предатель, товарищи, я его хорошо и давно знаю, и если пристрелим его сейчас, то потеряем боевого друга и сработаем лишь на руку белякам.

- А может ты и сам так же специально промазал

по тому казаку, которого будто подстрелил с такого большого расстояния.

Боец, который проговорил эти слова и сам вскоре пожалел, поскольку Прохор налетал на него коршуном, оттопырив, как всегда в таких моментах, торчащие во все стороны рыжие усы.

-А ты иди, встань туда, спытай меня, варнак! Прмахнусь ли я, узнаешь когда глаза на век станут закрываться. Я и на Германском бил без промаха. И охотников я.

Его едва успокоили, поскольку уже пробирался к обидчику, засучивая на ходу рукава.

Командир быстро усмирил бойцов боясь, что ситуация может выйти из-под контроля.

-Тихо всем!, - прокричал он насколько это можно, и обращаясь к Ивану – А тебе боец должно быть стыдно, если смалодушничал и промахнулся из-за волнения стрелять безоружного с близкого расстояния. Перед тобой враг революции и трудового народа. Они никого не жалеют и рубят на куски за одно лишь сочувствие к нам даже женщин и детей. К чему нас учат большевики и партия? Никакой жалости! Иначе не стоило начинать эту историческую мессию. За трудовой народ, за счастье народа кровь проливаем. Еще одна такая выходка и я лично тебя расстреляю! Все! Отходим.

«Пронесло, - подумал Иван, уже пробираясь сквозь высокие сосны темнеющего леса, - и это, пожалуй действительно было предательством. Я предал мечту деда и отца о земле, о праве на радостный труд. А эти богачи и заводчики даже без оружия будут грызть горло любому, кто не хочет желать такой же рабский труд своим детям и внукам».

Коммунисты, уже в конце лета 1918 года, распространяли во всех губерниях, уездах и даже селах

Урала декрет ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству», принятый 22 апреля 1918 года. Создавались регулярные части, способные действовать сообща под единым руководством. Объявлялась мобилизация бедноты и их регулярное обучение военному делу. Именно в эти дни из добровольческих отрядов рабочих Каслинского, Кыштымского, Сысертского, Уфалейского и других заводов был образован 2-й Горный полк, куда и был зачислен отряд, в составе которого отступал красноармеец Иван Матвеевич Чаплыгин.

Началась массовая мобилизация трудящихся и по всему Уралу создавались боеспособные полки, готовые отразить атаки и наступать в любом направлении родного края. Именно в конце лета 1918 года были созданы 1-й и 2-й Красноуфимские полки, 1-й крестьянский коммунистический полк под Камышловым, полк «Красных орлов» из рабочих и крестьянской бедноты Ирбитского и Алапеевского уездов. Из трех соседних фронтов была организована Третья армия Восточного фронта со штабами в Егоршино, Нижнем Тагиле и Кунгуре. В районе Уфа-Самара-Челябинск создана 1-я армия, а из отрядов, сражавшихся под Уфой сформирована 2-я армия Восточного фронта. В районах, занятых белыми создавались партизанские отряды и подполье. Крестьянская беднота, составляющая почти 70% населения Урала, недовольная обратного возврата земли бывшим хозяевам, дралась насмерть под лозунгами революции за право самому пахать и сеять на этой земле. Они саботировали мобилизацию в белую армию, получая пули и шомпола, от которых становились еще злее на старые порядки бывших хозяев. Заводской пролетарий сближался с крестьянством на этой же почве, хотя и те и другие видели своим врагом, в своем большинстве лишь своего заводчика, приказчи-

ков и кулаков уезда, хотя шла война двух мировоззрений. Лилась народная кровь по всей земле Российской и остановить его было нельзя. Власть большевиков была как никогда близка к осуществлению народной диктатуры, имела с его стороны огромную поддержку, усиливая рычаги агитации за свое коммунистическое учение. Белые генералы начинали терять под собой опоры, жить при другой власти не хотели и объявлялись врагами справедливости. Ярых монархистов среди них оставалось все меньше и меньше. Кто-то продолжал воевать за уже потерявшую свою сущность верность «царю и отечеству», кто о необходимости созыва Учредительного собрания, которое так было непонятно простому народу, кто пытаясь выполнять союзнические договоры по Антанте; а атаман Дутов ругал под Оренбургом «большевикско-жидовскую власть Троцкого-Бронштейна, Рязанова-Гольденбаха, Каменева-Розенфельда, Зиновьева-Апфельбаума и Суханова-Гиммера», которые де угрожают непосредственно вольному казачеству, хотя под боком был образован 1-й Оренбургский революционный казачий полк имени Степана Разина. Террор, учиняемый в ходе агонии белогвардейцев, только усиливал сопротивление и уход к большевикам целых семейств во главе с отцом или всего мужского населения деревень.

Что бы не говорили белые генералы, кому бы они не присягали, настоящей правдой было то общее, что никто из них не хотел терять свое высокоблагородие и превосходство над этой «чернью» под названием - народ. И дело было не только в привычках: вкусно есть, хорошо одеваться и не гнуть спины. Они не хотели терять свое превосходство и «могущество», которое держалось на унижении других, которые, в свою очередь, не имели такой возможности стать такими же образованными, высококультур-

ными людьми. Им нужно было содержать первых. Так заведено в природе, что ни одна пчелиная семья не может состоять из одних трутней – нужны рабочие пчелы, много рабочих пчел.

Избранный большевиками кровавый путь ко всеобщей справедливости народ, уставший веками ждать справедливого царя, принял. По сути на Урале, как и по всей России, возникла и крепла Красная Армия, которая была более понятна и нашла поддержку в народе, что и явилось основой её несокрушимости.

2-й Горный полк, где продолжал сражаться красноармеец Иван Чаплыгин, участвовал в боях за освобождение Каслинского завода, под Екатеринбургом, Нижнем Тагилом, но потрепанный за время длительных и упорных боев был направлен на переформирование в Пермь, а после в Кунгур, где слился с 30-й дивизией. Последним боем для Ивана стало сражение возле села Дворецкое, недалеко от железной дороги Пермь – Глазов в январе 1919 года, где он получил тяжелое ранение головы и был комиссован вчистую. Ему ещё не исполнилось и 35 лет, но выглядел он на все 45-50. За один год гражданской войны он дважды был ранен, переболел страшной дизентерией от колодезной воды, отравленной вражескими лазутчиками, и вернулся домой совсем другим человеком – седым и усталым. Только глаза блестели прежним огнем видя, как начинают таять первые сосульки и набухают почки сиреневого куста под окном. Скоро земля откроется от снега, задышит паром, требуя заботы, готовая возблагодарить труд землепашцев.

Через два года после возвращения с войны Иван побывал в составе делегации в Оренбурге, где решил зайти в знакомый базар. Какого было его удивление, когда встретил там Алаберды. Старик оставался таким же живчиком, но лицо его покрылось

сплошными морщинами, а глаза стали ещё уже и пронизательней. Годы страшной гражданской войны, когда убивают тебя или ты убиваешь тех, с кем вчера сидел за одним столом, оставили глубокий след скорби на всех лицах, как и одинокие, но бесконечные фанерные звездочки на обелисках возле населенных пунктов.

- У меня убили Абая, сына моего. Он с джигитами охранял лошадей, которых прятали на загоне в дальней степи. Убили всех шестерых, и я даже не знаю кем они убиты – красными или белыми, - говорил старик, заедая такие же лепешки, что и четыре года назад. – Теперь снова разрешили торговать лошадьми, но табун у меня совсем маленький. Смех один.

Иван, возблагодарив судьбу, что казах не вспомнил про Степана, решил поддержать разговор.

- У тебя хорошая память, Алаберды, не думал, что меня узнаешь.

- Узнал вот... Наверно потому, что и тогда редко удавалось продать в один день сразу двух коней. И друга твоего веселого помню. Не знаешь, он живой?

- Не знаю, мы ведь не близко друг от друга жили, познакомились тоже здесь.

Иван не смог бы описать чувство, которое заволкло его всего со всех сторон так, будто он попал в тот же мир и вот-вот должен был войти веселый оренбургский казак Стапан Доронин. Действительная сейчас картина казалась неполной и в искаженном виде. Он не смог пристрелить его тогда – не смог бы и сейчас. Почему мир устроен так, что нужно убивать людей ради людей?

Старик, словно читая его мысли, проговорил слова, от которых стало зыбко и неудобно.

- Сколько народу убили, чтобы всем было хорошо, а ведь, джигит, так не бывает, чтобы всем было

дуже погано. Чоловік гірше степного волка, і обов'язково знову одні захотять жити за рахунок інших, повір мені старому казаху. Я людей знаю і бачив їх не мало.

ТАНКИСТЫ

1.

Механик-водитель танка сержант Ильяс Шайхисламов вернулся в расположение части из госпиталя в конце осени 1944 года. Их танковый батальон в составе 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, пока он провалялся в у медиков, прошел не такой уж длинный путь и расположился на опушке леса между двумя небольшими деревнями. Контузия оказалась не такой уж опасной, и Ильяс вырвался оттуда раньше назначенного времени, почти со скандалом. «А как же, куда им без меня. Без меня много не навоюешь», улыбнулся он, вспомнив наводчика Дулю. Звали наводчика Завьялов Миша, но все звали «дуло» из-за его упорного нежелания называть ствол танковой пушки стволом.

- Ты, Илюха, особо нос не задирай. Башня с дулом – это моя поскотина, - говорил он Ильясу. - Без меня ты такой же тракторист, каким до войны был. Дуло – это не лук со стрелами твоих предков. Это, брат, сила!

Дело своё «Дуло» знал действительно на «отлично», особо гордым видом не обладал, но хвалился нарочито громко. Ему нравилось смешить экипаж, но поскольку словарный запас имел не особо богатый, то люди со стороны его не понимали и могли действительно принять за хвастливого бойца. Его, впрочем, это не волновало, и он продолжал безвинно трепаться, что весь экипаж жив только благодаря ему, ибо это он и только он, успеваешь выстрелить первым и без промаха так, что и враг бежит и товарищи живы. Тут он во многом был прав.

Комбат Трошин Герман Степанович, которого все привыкли звать «батей», часто выезжал в одну

из деревень, где расположен штаб дивизии, но имел блиндаж в расположении подразделения, к которому даже двери не были приделаны. Вход со стороны лесной поляны через две ступеньки блиндажа, составленные дёрном, представлял собой ширму из старого байхового одеяла, возле которой стоял чайной. Никакой буржуйки внутри блиндажа так же не было. Было еще тепло и чай, который он любил сам и угощал других, приносили из полевой кухни. На этот раз у него находился новый батальонный комиссар. Ильяс видел его впервые. Командиры пили чай о чем-то тихо переговариваясь. На столе кроме двух полевых телефонов ничего не было. Если бы не карта, убранный на нары в правом углу, можно было принять их за охотников, притомившихся после долгой гонки за зверем. Слева от входа за столом расположился радист с рацией.

- Вот пожалуйста, Иван Григорьевич, ещё один экипаж в полном составе, - поднял голову «батя» вошедшему Ильясу. – Это механик Сторожа.

Прозвучало это смешно. Можно подумать, что в лесу укрылись одни сторожа охраны, к тому же имеющие личных механиков. Но, видимо, новый комиссар уже успел ознакомиться командирами танков. Командир их танка действительно имел фамилию – Сторож. Сторож Борис Леонидович. Не знать его просто не могли. Борис Леонидович был старше всех в экипаже, участвовал в боях под Прохоровкой, служил ещё с той поры, когда Воронежский фронт ещё не был переименован в 1-й Украинский и к нему, как герою Курской дуги, было особое отношение. Он сменил уже третий экипаж, каким-то чудом оставаясь в живых, к подчиненным относился соответственно бережно, считая чуть ли ни себя виновным в их гибели, от более высокой должности отказывался. В последний раз, отделившись легкими ожогами, он

отказался идти в санроту и написал рапорт о переводе в пехоту, но рапорт не приняли.

- Давай, быстрее осваивай новую технику. Долго отдыхать не дадут. Иди.

Много говорить комбат не любил, но напутствовать всех вновь прибывших старался лично.

Под новой техникой, комбат имел в виду полученный их экипажем новый танк Т-34-85. Осваивать его особой сложности для механика не представляло, он был более просторным изнутри, имел уже пять передач вместо четырех, более скоростным и с новой 85 –мм пушкой. Особой смех вызывал удлиненный ствол, вместо бывшего. До него можно было дотронуться руками, стоя спереди танка лишь подняв руку вертикально тогда, как стволы предыдущей серии были короткими - даже не дотянуться. Казалось бы, этот факт усложняет маневренность в условиях стрельбы по боковым целям, в условиях леса или уличных боев. При таранах препятствий, появилась необходимость работать башней, разворачивая пушку назад. Однако убойность и дальность стрельбы от этого выигрывали. Это было понятно всем и ничего смешного бы не было, если бы не особая гордость наводчика Миши Завьялова.

- Вот с таким дулом недолетов у меня не будет, - важничал он, - я вас ребята в обиду не дам. Их орудия ещё на прицел нас поймать не успеют, а я издали буду портить им праздник, на подлёте.

- Дурень ты, - смеялся стрелок-радист Шалаев Гоша, - ты же теперь любимое дуло два раза дольше чистить будешь, а может и случится так, что не успеешь убрать во время движения и зацепишься за что-нибудь своим дулом и заклинишь башню.

В бой пошли через 4 дня, после прибытия Ильяса. Фронт приближался к Висле, но сопротивление фрицев было не такое сильное, как на других участ-

ках. И дело было не только в том, что основной удар фашисты ждали южнее их участка. Советские войска научились воевать так, что каждый знал свое место, и слаженность действий исходило, начиная от взаимосвязи самых мелких подразделений до дивизий, корпусов, армий и даже фронтов. Потери в живой силе так же уменьшались, поскольку Советская Армия теперь имело все необходимое в достаточном количестве, а сноровка бойцов соответствовало тактически выработанным приемам в каждом отдельном случае и совершенствовалось дальше. Артподготовки велись до одного и полутора часов, после которых шла штурмовая авиация, нанося огромный ущерб линиям вражеской обороны. Шла недолгая для этих мест зима, но в бою было жарко. По минным полям научились пускать танков-тральщиков, после которых шла остальная техника с пехотой. Впереди была Германия, для обороны которой фашист берег основные силы.

Зима здесь заканчивалась уже в феврале месяце во время Висло-Одерской операции, с рек начал сходить лед, осложняя переправы наших войск. Расстояние между этими реками, составляющие более пятисот километров, было преодолено боями за 23 жарких дня. Впереди был Берлин. Наши войска остановились на Одере.

2.

Командующий 1-м Украинским фронтом маршал Иван Степанович Конев в эти весенние дня жил обостренным чувством надвигающейся кульминации, хотя менять свой распорядок не подсчитал нужным. Девять часов вечера он начинал заслушивание и беседу с командирами армий, которое продолжалось до 1 и 2 часов ночи. Ему докладывали о происшедших изменениях в ходе текущего дня во вверенной

армии, о боеготовности, в ходе которого Иван Степанович успевал проверить знание задач и даже топографической характеристики местности каждым командармом. Фронт имел протяженность более трехсот километров, на которой сосредоточено целых одиннадцать армий, месторасположение каждой из них он знал, держал в голове и мог назвать без карты. После доклада каждого командарма, подводился итог с участием начальника штаба генерала армии И.Е. Петрова. Последним заслушивался доклад начальника разведки фронта. Этот доклад всесторонне изучался с учетом мнений всех присутствующих и утверждался план операции на следующий день. После двух часов он засыпал, а в шесть часов утра принимал дежурного офицера со сводкой об изменениях, происшедших ночью. Поспать четыре часа за ночь удавалось редко. Бывали рабочие ночки, которые тянулись почти до утра, когда приходилось корректировать донесения для Ставки. Кроме того всем было известно, что в случае изменения обстановки на фронте, его были обязаны будить в любое время.

- Отоспимся, успеем, - говорил он, - шутка ли, Берлин перед нами. Сколько мы шли к этому дню!

Особое внимание он уделял сообщениям об изменениях у соседа 1-го Белорусского фронта. Частями обоих фронтов было окружено крупное соединение неприятеля в районе лесов у Вендиш-Буххольца. В «кольце» находились более 200 000 вражеских солдат, которыми командовал генерал Буссе. Фашист старался вырваться из окружения, чтобы ударить с тыла, выйти на соединение с частями с 12-й армией фашистского генерала Венка, наступающего с Запада и идти на выручку в Берлин. Сдаваться враг не собирался, а напротив, имея в своем распоряжении некоторые части 4-й танковой армии Рейха, грозился перейти в наступление. Разгромить их вре-

мони не было, поскольку уже была назначена дата, когда его армии не мешкая должны ворваться в Берлин со стороны Тельтева и Потсдама, поддерживая части 1-го Белорусского фронта, наступающего с Севера.

Иван Степанович оставил дополнительно к частям сдерживания 5-й мехкорпус, хорошо укрепив его техникой, которая могла сдержать натиск окруженного врага, и занимался исключительно Берлинской операцией. «Возьмем Берлин – сдадутся сами». Такое было решение маршала.

Взятие Берлина, однако, было отложено до весны.

В эти апрельские дни в Ставке Верховного Главнокомандования, расположенной в особняке в районе Кировских ворот, шло заседание о сроках Берлинской операции. Само наступление могло начаться еще в середине февраля 1945 года, но срок этот был отодвинут почти на полтора месяца в связи со срывами материального обеспечения армий 1-го Белорусского фронта, удаленностью складов боеприпасов и горючего. На то имелись веские объективные причины. В начале февраля было установлено, что по правому крылу 1-го Белорусского готовится наступление гитлеровцев со стороны Восточной Померании. Враг выдвигал 2-ю и 11-ю армии, состоящие из 16 пехотных, 4 танковых, 2 моторизованных дивизий и множество вспомогательной силы в составе групп, бригад и гарнизонов. В результате основные силы фронта пришлось перегруппировать в северное направление, оставив на Берлинском направлении всего четыре неполных армий. С такой силой 1-й Белорусский фронт не смог решить поставленные задачи по взятию города.

Верховный, обычно резкий в суждениях, всегда требующий высказаться основных представителей Ставки на фронтах Жукова и Василевского, сосредоточенно молчал и был задумчив. Сколько было заседаний Ставки с военачальниками, наркомками, когда он требовал ясности и пытался разобраться сам на месте даже в тактико-технических данных вооружений, отстающих по своим показателям от вражеской техники. В эту ночь высказывались почти все, а он смотрел снизу вверх, соглашаясь, молча, и оживился только тогда, когда вопрос касался о распределении резервных частей для наступающих фронтов. Резерв в живой силе, в отличие от фашистской Германии имелся и в этот момент основного сражения нужно было не жалеть его, но и распределять с учетом мнений членов ставки и присутствующих военспецов. От взятия Берлина зависел и конец всей войны. Останется только уничтожить Пражскую группировку и решить об открытии фронта против Японии. Последний вопрос скорее касался дипломатической стороны дела и будет решен уже с учетом мнений союзников, после капитуляции фашистской Германии. Думая об этом, Сталин становился еще более молчаливым и сосредоточенным. Это его состояние было вызвано с получением сообщения о том, что накануне 12 апреля 1945 года скончался президент США Франклин Д. Рузвельт, с которым его связывало многое.

Сталин относился к этому человеку с уважением и теперь, находясь в окружении членов Ставки и других присутствующих, понимал, что из всех находящихся он один был так связан покойным президентом. Мысли в голове меняли одна другую, но прогнать их, что ему всегда удавалось легко, не получалось.

Премьер-министр Англии У. Черчилль держался как-то особняком, получая данные, и делился мыслями с Рузвельтом относительно послевоенного преобразования Европы, отдельно. Прямых контактов со Сталиным у него, можно сказать, не было. Рузвельт же понимал, что договоренности с «главным большевиком» играют в этой войне основную роль. Он был человеком несколько иной формации, остался таковым до конца, был истинным антифашистом и до конца жизни поддерживал переписку с ним, высказывал свои мнения и слушал доводы Сталина.

И, конечно же, Верховному вспомнился случай в связи с Венскими событиями. Переговоры союзников с генералом Вольфом принять капитуляцию фашистов на позициях «второго фронта» и дать возможность уйти врагу безнаказанным с оружием в руках, никак не могли отвечать их союзническому договору. Верховный немедленно отписал Рузвельту свои «соображения» в недовольных тонах, насколько это позволял такт дипломатической этики. Первоначально ответ Сталину был дан осторожный с намеками на то, что им ничего такого неизвестно, хотя в некоторых кругах могла возникнуть и такая идея. При этом, союзники, и лично Рузвельт намекал, что принятие капитуляции лишь приблизит конец войны и они, например, совсем были бы не против, если Советская Армия примет капитуляцию некоторых немецких частей у себя на Восточном фронте. Сталин понимал, что эта точка зрения может исходить даже не от самого Рузвельта лично, но от многих политиков и промышленников Запада. «Страна большевизма, едва ставшая на ноги, может после войны превратиться в такую державу, с которым придется считаться как недущей страной мира, - думали они. - Тогда все записимые страны с богатыми недрами, коими они кормятся, могут повернуться спиной и избрать такой же

путь развития». Медведь ещё не убит, а шкуру уже делили.

Сталин это понимал как никто другой и не мог забыть события в Греции, народ которой превращался в настоящую свободолюбивую силу, способную избрать свою политику. Однако освободителями их стали союзники, которые поспешили восстановить прежнюю монархию. «Нет господ капиталисты, - думал он, - рановато вы делите шкуру. Медведя убьем мы. А ваше принятие любой капитуляции означает лишь высвобождение немецких частей, которые вольются в ряды врага, но уже на наших фронтах, пополнив их ряды.

Мысли вновь возвращались к личности Рузвельта. Он был великим человеком своей великой страны, где и мыслить и действовать принято совсем иначе, чем в Европе. У них и демократия совсем иная, чем у хваленой Европы. Америка не тратила пустые слова, не обманывала свой народ, а становилась свободной страной, рождаясь с демократией вместе. Основным документом этой молодой, сравнительно, страны и был «Билль о правах человека», а не бесконечная череда законодательных новшеств по укреплению эксплуатации одних другими, а после искания в этой политике зачатки любого мало-мальского послабления, чтобы объявить их демократическими принципами. Так принято в Старом Свете. В Великобритании, конечно, тоже был издан свой Билль, и даже раньше, но это был всего лишь документом о выборе формы правления - парламентской республики и ограничивающий права короля. Американцы же объявляли права всей своей нации, вплоть до владения оружием, объявили свободу печати, свободу слова и личности, которые отчасти неплохо выполнялись, в отличие от свобод Старого Света. Обе эти страны относились к капиталистическому миру,

который ему был чужд, но Сталин видел большую разницу. Американцы и вели себя совсем иначе, привычные быть хозяевами своей личной жизни. Со стороны можно было подумать, что они развязны и эгоистичны. Но они были таковыми и выросли в таких условиях. Именно там и мог родиться такой деятель, как Рузвельт. Хотя, их посол в Москве господин Гарриман тоже американец, но он никогда не мог считаться настоящим антифашистом, ибо был, прежде всего, против большевизма до костей и всё слал дипломатические сообщения, пугая свое правительство о необходимости остудить пыл зарвавшихся большевиков.

Все эти мысли возникли и занимали Иосифа Сталина, заставляя вновь и вновь возвращаться к философии о бренности человека простого и великого. Ко вторым он относил себя и Рузвельта. «Ну, что ж, господа капиталисты, посмотрим».

Теперь, выслушав всех, кто желал выступить на заседании Ставки, он не мог остаться безучастным и, устало проговорил, закрывая заседание:

- Об исторической значимости Берлинской операции, товарищи, я не стану говорить. Вы это знаете. Но прошу вас учесть и тот факт, что кое-кому очень бы хотелось, чтобы Берлин был взят союзническими войсками Эйзенхауэра. Мы ближе к цели и сильнее всех как никогда, но могут начаться игры в «поддавки», отчего скорость их передвижения может оказаться гораздо быстрее.

Операция была назначена на 16 апреля 1945 года.

3.

Свою жену Марьям, Ильяс выкрал из соседней деревни. Давнишний обычай красть невест уже канул в лету, но время от времени такое случалось.

Теперь это происходило крайне редко, и сама «кража» превратилась со временем в обычный сговор молодых послушаться родителей. Никакого криминального похищения невесты, вопреки её желаний, не было уже и в помине, но обычай не спешил так просто кануть в неизвестность из-за сильного желания сохранить почтение к родителям со стороны старшего поколения. Дети, однако, были уже не те, и их желания не всегда совпадали родительской «дальновидностью». Однако не все из подрастающего поколения успевали выбрать себе пару и обратиться к родителям, чтобы они отправляли сватов тем или иным жителям: кто-то из них стеснялся, а кто-то привык жить на всем готовом, не помышляя о необходимости обзавестись своим семейством. Желание родителей женить сына, а тем более выдать дочь было вполне понятным явлением. Поэтому те редкие случаи «кражи невесты» начинались с тайного заговора против родителей между обоими будущими супругами:

- Я не отдам тебя никому, слышишь? Я украду тебя! – говорил он.

- Укради. Я согласная, -отвечала будущая жена.

Кроме всего прочего, между башкирами утвердился такое мнение, что «несанкционированный» уход от родителей к любимому считался для девушки и её родителей более постыдным явлением чем «кража». Их осуждали несколько деревень сразу и даже по истечении многих лет даже старики, сидящие на завалинках, продолжали шептать вослед «это она ушла к своему вопреки желанию родителей». К «кражам», как не странно, смотрели чуть ли ни с одобрением. До районных органов милиции такое никогда не сообщали. Все знали, что вот-вот сваты отстанут, молодые вернуться, а родители косо посмотрят на своих детей в течении некоторого времени, а потом ска-

ают «Ну, дык и ладно».

Саитхужины так же начинали подумывать об обустройстве дальнейшей жизни дочери Марьям, и когда стало известно, что на ней собирается свататься жених из их деревни, то ничего против не имели, хотя ей исполнилось всего 16 лет. Лучше раньше, чем остаться в девках. Тем более, что Наиль был видным парнем, заканчивал в Челябинске рабфак и направлялся в другой город как молодой специалист. «Пусть и наша дочь будет городская, - думали родители, - чем она хуже других».

О возможной засылке сватов к родителям любимой, Ильяс узнал от младшего брата Марьяма - Хаяса, который прибежал на полевой стан с запиской от сестры. Ильяс был на год её старше и окончив семилетку работал сменщиком на колесном тракторе «Путиловец». После посевной, управляющий отделения обещал направить его на курсы трактористов, а после пересадить на гусеничный «С-65» (Сталинец-65). Это был не трактор, а мечта парня. Их и было-то всего 3 трактора на два отделения совхоза «Чапаев». Вот это техника!

Времени, особо задумываться, не было. Как же так? Его любимую увезут, и он никогда её больше не увидит? В последние две встречи они уже во всю целовались, как взрослые. сами удивляясь своей смелости и давали клятву верности «Ант итам!» (Даю клятву). Уговорить её родителей он уже не мог. Девчушка будет обещана другим. В такой момент взрослые от своего не отступают. Надо красть!

Друг и одноклассник Ильяса Шамиль одновременно восторгался ими и осуждал, но договорился с маминной сестрой Альфией, проживающей в дальней деревне, что молодые, пока не угомонятся взрослые, поживут у неё. Альфия карсык (старуха Альфия) сама любила чудить в молодые годы, а потому согла-

силась сразу. Тем более ни у Марьям, ни у Ильяса родных в этой деревне не было. Никто и не подумает, что молодые скрываются у неё.

Ильяс с Марьям прибыли к ней с маленьким фанерным чемоданчиком в тот же вечер и прожили три дня. На работу ходить он не мог, поскольку сразу же было сообщено Саигхужиным, что их дочь похищена Ильясом из соседней деревни, что у молодых всё в порядке, но где скрываются – неизвестно. Позор перед прибывшими на другой день сватами так же не было, ибо предупрежденные родители невесты мягко объяснили им, что у неё уже имеется жених.

Отец Марьям долго и молча пил брагу, вздыхая и покрикивая на жену, которая почему-то улыбалась и время от времени даже переходил на смех.

- Ну пусть так случилось, но ведь случилось же уже. Чего вздыхать-то. И на брагу особо не налегай. Поди к вечеру нагрянут оба, сват со сватьей, все выпьем малость, поговорим. Дело-то к свадьбе идет, старик.

Сабир долго смотрел на жену потому, как сам не мог так быстро переключиться на новые предстоящие заботы. Только и смог сказать:

- Хьялый син (Дура ты).

Она еще пуще стала смеяться.

-Дура и есть, что с вас баб возьмешь.

Молодые вернулись в дом жениха на четвертые сутки с поникшими головами, как бы, доставившие горе своим родителям, но реакция оказалась совсем иной. Мать и отец Ильяса сидели в комнате, служащей прихожей, без тени отчуждения, с головами, поникшими больше чем у детей: повзрослевшего сына и молодой невестки. Отец курил махру, и подняв лицо проговорил:

- Война началась, сын. Немец напал.

Ильяс прошел убыстренные курсы и сел за рычаги «С-65» раньше намеченного срока, но проработав менее года, пошел вслед за отцом на фронт. Марьям осталась беременной. И вот его сыну уже более года, а он его ни разу не видел. Войне вот-вот придет конец. Как не хотелось умирать в эти последние дня распроклятой войны и как хочется обнять сына и жену. Ужас, как хочется.

4.

Танковый экипаж старшего лейтенанта Сторожа находился в Тельтеве и проскочив к Берлину через канал по понтонному мосту, проложенному танкистами 3-й гвардейской армии генерал-полковника Рыбалко, сразу попал под обстрел, но упорно шел вглубь. Ильяс «шел» весь собранный в один комок внимания, где обходя, а где и тараня на ходу преграды. Весь экипаж стал единым, как механизм, выполняя команду Бориса Леонидовича, но обращаясь к нему, как всегда в подобных случаях, «командир». «Командир, слева зенитка!», «Командир, перекресток!». Командир орал в ответ «Илюха, вправо!», «Илюха, дави!», «Миша, огонь!». Последняя команда для Миши Завьялова звучала редко, ибо он, вовремя боя входил в азарт охотника и знал, что всегда нужно успеть выстрелить первым. Прямого попадания здесь и не требовалось. Главное сбить врага с ритма, когда он прячется за орудие, теряет инициативу, а еще лучше, чтобы его шибануло хотя бы взрывной волной. В последнем случае, Ильяс несся туда на предельной скорости и давил, не успевших опомниться фрицев новенькими траками и сразу же делал разворот, чтобы не подставить бока возможным выстрелам «фаустников» или танков противника. К азарту охотника приходили на помощь элементы игры. Действитель-

но в ближнем бою, а тем более в условиях населенного пункта, необходимо воевать играючи. Так оно, конечно, не совсем получалось, но излишняя ярость и выстраивание хитросплетенных ходов только мешали. Именно отсюда и идет поговорка «смелого пуля боится». Смелость здесь не означает быть стойким оловянным солдатом и героем отчизны. Нет. Старые солдаты это знали. В живых оставался и больше уничтожал врагов не тот, кто шел песнями на смерть, а те, кто как азартный игрок по наитию быстро находил ход, наступал зигзагами, успевая наносить один удар за другим, да так, что смерть сама убегала, спасаясь от такого чумного воина.

Особо зверствовали на улицах Берлина зенитные пушки противника. Они были установлены почти на каждом перекрестке и возле любой баррикады. Стреляли они по наземным целям куда точнее, чем по самолетам и подожгли немало наших танков. Помогало то, что с танками шли штурмовики пехоты, которые старались осмотреть все места, где могли прятаться «фаустники» или изучали перекрестки, и при отсутствии опасности взбирались на броню. Танк на большой скорости проскакивал перекресток, или медленно выползал для стрельбы, заранее выставив ствол в сторону местонахождения врага, чтобы успеть выстрелить первым. Здесь Миша Завьялов знал свое дело туго или, как раньше над ним смеялись, держал «дуло» по ветру. Однако Берлин был наводнен фашистами, которые дрались за каждый дом и даже этаж. Здесь не было такого, чтобы штурмовики обслуживали танков или наоборот – они пехоту. Разделение сил на различные подразделения родов войск не могло существовать. Задача экипажа не состояла двигаться вперед, увлекая за собой живую силу, а громить фашиста вместе. Ильясу приходилось часто останавливаться, когда пехоту стали по-

ливать свинцом с верхних этажей зданий или подвалов. Пехота пряталась в таких случаях за танком, а Юра Завьялов наводил своё дуло и, как обычно, с первого выстрела уничтожал огневую точку, после чего штурмовики шли по этажам, добивая оставшихся фашистов, прятавшихся во всех углах, где только возможно. Радист поддерживал связь с танками, двигающимися по параллельным улицам с Юга на Северную часть Берлина. Весь экипаж был в копоти, внутри танка было жарко и дымно, но находили время спешно пообедать и даже поспать в ночное время. Танкисты спали, как убитые довольные тем, что охранение машины осуществляли штурмовые подразделения. Смена часовых их не интересовала. Так день за днем шла упорная борьба на улицах Берлина, которая длилась для экипажа целых шесть дней. Все это время их танк не подводил и не был подбит, хотя выручать других пришлось. Так, во время движения радист Гоша принял сигнал о просьбе помощи с соседней улице Зальбруннерштрассе. Передавал танк младшего лейтенанта Захарченко, которого они знали. Пришлось завернуть к нему и помочь с ремонтом. На этот раз обошлось как нельзя лучше. Они подоспели вовремя – туда же направлялась и фашистская самоходка, с которым они встретились лоб в лоб, но на приличном расстоянии. Фашист увидел еще один советский танк и, вывернув круто, ушел вправо в переулок. Сколько Миша не просил «догнать и подпалить собаку», командир стоял на своем.

- Мы не на охоте, товарищам помочь требуется, но видя, что Завьялов не унимается, закричал командирским голосом, коим пользовался редко. – Отставить! А если бы нас товарищи в беде бросили?!

Замена нескольких вышедших из строя траков гусеницы для такой «бригады» заняло немно-

го времени. Ремонт происходил под охраной экипажа Сторожа.

На многочисленных перекрестках, по приказу «Бати» танков оставляли «на прикол» для исполнения роли огневой силы на занятой территории. Таким образом, скоро большая часть Берлина превращалась в освобожденные районы, где велась сплошная зачистка зданий, ставили временные штабы для принятия вновь прибывающих частей и работы с местным мирным населением. Их танк был остановлен уже недалеко от вокзала Шарлоттенбург и отправлен в обратном направлении. Экипаж считался одним из лучших, а потому был поставлен на охрану здания, где расположились высшие командиры фронта.

- Таких стрелков, как я нужно беречь, и командование это прекрасно понимает, - трепался Миша Завьялов. - По стоящему на месте Рейхстагу пусть другие пуляют, мне подавай движущуюся мишень и поменьше размерами.

Только когда их гвардейскую армию направили освобождать восставшую Прагу, он почему-то был молчалив, а Гоша, как всегда, язвительно «нападал» на него.

- Что, допулялся, мать твою? Лучше бы ты, Дуло, был косоглазым, сейчас бы домой ехали, а не чехов выручать.

Так, в Праге закончил свой боевой путь гвардии сержант Ильдар Насырович Шайхисламов, и ехал на встречу к сыну, проклиная бесконечные остановки паровоза. Жаль, что отец погиб. Так и не увидел внука.

ФРОНТОВАЯ ЛЮБОВЬ ТАТЬЯНЫ МАЛЫХ

Полковая радистка младший сержант Татьяна Малых встретила с вновь назначенным командиром роты Виталием Сазоновым на перекрестке тропинок возле блиндажа «бати», и была смущена своим видом. Почти за полгода службы, она успела привыкнуть к гимнастерке и пилотке, но понимала, что во многом ему уступает своим видом. Сама небольшого роста и с фигурой, напоминающей подростка-переростка, она никак не могла подогнать уже вторую гимнастерку, которая - как и первая - имела настырное желание торчать внизу под ремнем в разные стороны как перевернутые листья лопуха. Именно перед Сазоновым ей хотелось смотреться совсем иначе и одетой во что-нибудь напоминающее её довоенное платье светло-коричневого цвета, которое считала самым удачным своим приобретением. То платье обтягивало её гибкое тело, а пояс служил лишь дополнением, не сжимал талию, а смотрелся как пришитое, но украшая красивой бляшкой в виде цветочка. Сазонов ей нравился, но раньше такого чувства, как сейчас, не возникало. Толи май месяц перепутал все и она, забыв все обещания до конца войны не влюбляться, не могла ничего с собой поделать. Шла война, гибли однополчане, а что-то внутри требовало и терзало: «Любить!». Не было в ней ничего от трезвого осмысливания, что смерть так же может прибрать и она может погибнуть, так и не испытав это чувство уже оформившейся в ней женщины. Нет. Она полюбила этого молодого мужчину, веселого и уверенного, как обыкновенная девчонка, коей была перед войной с мечтами встретиться с

своей любовью наедине и открыться. В конце-концов она боец, и уже бы пора привыкнуть жить в этих условиях и иметь еще одного родного человека кроме своих, с кем переписывалась и хранила письма в вещмешке. «А ведь он догадывается о моей любви, уж больно я стремлюсь к нему и, наверно не смогла скрыть своих чувств,- подумала она, - Ну и пусть».

Виталий так же, увидев её, был рад и не соби-рался скрывать это.

- Привет, красавица. Жаль, что редко нам удается встречаться. Никак тоже к «бате»? Кажись, Татьяной звать?

- Да, меня Татьяной зовут, я – радистка. Вот вызвали, но я, вроде, поспешила и теперь придется почти десять минут прождать приема, «батя» любит точность. Ты, вроде, командиром роты во втором батальоне?

- Надо же, откуда такая информированность? Раньше я был взводным, но командира тяжело ранило, вот и назначили. Виталий, - нарочито смешно поклонился он, вытянувшись под команду «смирно» - давай хоть руку друг другу пожмем, а то, понимаешь, кругом одни мужские руки, пропахшие порохом, с мозолями от курков и гашеток. Я - перед тобой захожу, а выйду когда, подожду, если получится.

Повстречаться удалось не сразу, хотя Виталий пробыл у комполка всего несколько минут.

Подполковник Трушин был сосредоточен, вызывал к себе в этот день многих, но успевал, кроме постановки задачи, сказать пару слов каждому и поинтересоваться настроением.

- Так, это кто у нас? Понятно. Поздравляю товарищ старший лейтенант с новой должностью. Знаю что послужило твоему назначению, но идет война и налагает новые задачи на всех нас. Так что, все бе

рюмся за дело, которым раньше не занимались, но придется, хочешь ты того или нет. Задача такая: твой командир с остальными на оперативке у начальника штаба, а потому я тебе поручаю это дело. Возле полевой кухни, у развилки, тебя ждут две автомашины. Едешь ответственным к разъезду встречать молодое пополнение. Привезешь их обратно к полевой кухне, где их покормят и там же на месте распределять по батальонам. Приказ ясен? Все, выполняй. Уже из штаба армии звонили. Вот пропуск. Свободен.

Выйдя, он пожал Татьяне руку еще раз и быстро направился в сторону развилки, где полевая кухня.

- Мы еще обязательно встретимся, Танюха. Обязательно.

Так закончилась их первая близкая встреча, но у Сазонова закрутилась работа с личным составом. Ребята все оказались молодыми из последнего призыва 1926 года рождения, не обстрелянные, лишь приученные к маршировке в условиях строевого плаца. Именно все три взвода его роты понесли в последнем бою большие потери, и теперь придется не только делать солдат из этого молодняка, в случае чего и доверять им свои жизни и успех любой операции. «Но придется, хочешь ты того или нет», - вспомнились ему слова комполка. Одно радовало – ребята все были комсомольцами и рвались в бой с особой радостью, что успели попасть на фронт, пока бойна не закончилась. Какая наивность. На их участке она затянулась, и город Витебск торчит как кость в горле, и взять её не удастся с осени прошлого года. Тяжеловато вам будет, ребятки, начинать на этом участке. Хотя все эти пополнения и некоторые назначения говорили о том, что готовится большая операция и, вполне возможно, что их 39 армия получит помощь из резерва фронта и на этот раз удастся

взять этот город.

Радист Татьяна Малых в составе группы из десяти человек была выбрана для переброски в тыл врага. В группе были бывалые разведчики, в задачу которых ставилась: войти в связь с подпольем города, устанавливая всякое движение воинских частей противника, выяснять прибытие военных эшелонов с техникой и живой силой. Все данные должны были немедленно передать по радиации. Разведчики имели свою проверенную радистку, которая неоднократно ходила в тыл врага, но командир разведроты довел до них, что эта мера вызвана из оперативных соображений.

- В городе беспокойно, фриц осторожен и ждет наше наступление. Из сообщений партизан и подпольщиков известно, что усилены патрули дополнительной силой полевой жандармерии. Они проверяют не только своих возможных дезертиров, но и получили приказ выявлять подполье и проверять всех подозрительных. Вторая радистка введена в состав группы не из-за недоверия вашей постоянной группе. Она женщина и в гражданской одежде меньше всего вызовет подозрение. К тому же запасной радист при таком деле тоже не лишней. Возможно, вы пробудете там совсем недолго и получите команду уйти к партизанам, но ваши данные нужны уже завтра и ежедневно, с тремя выходами на связь о вновь выявленных разведданных.

Параллельно с ними перебрасывалась и диверсионно-разведовательная группа, которые должны захватить «языка» из числа штабных офицеров городского гарнизона, которого с помощью связных должны переправить в один из отрядов партизанской бригады Шмырева. А кроме того, устраивать взрывы коммуникаций, а в назначенное время, перед самым нашим наступлением, уйти в район дислокации

прага и выводить из строя полевую связь и захватывать пленных, которых следовало допрашивать под огнем чужих и своих пуль и снарядов. В случае необходимости, они должны были воспользоваться данным, добытыми первой группой. Вторая группа прибыла из армейской разведки в составе четырех бывалых разведчиков, которых курировал сам начальник отдела разведки армии подполковник Волошин.

Так надолго прекратились встречи командира роты Виталия Сазонова с радисткой Таней. Он, после небольших поисков обнаружить его с помощью знакомых, догадался о «командировки», хотя кое-кто пыталась убедить его, что сержант Малых отбыла в распоряжение дивизии для дальнейшей службы. Не поверил Виталий этому, и слова свои машинистка штаба проговорила ему с таким тоном, будто сообщала секретные данные. При этом проявляла такую участь и внимание, будто знала об их отношениях и пыталась намекнуть, где может быть в такое время «подруга боевого командира».

В эти дни в Витебске командующий 53-ем корпусом генерал Гельмут Гольвитцер, объявленный Гитлером комендантом города принимал высокое начальство в лице командующего Центральной группой армии генерала-фельдмаршала фон Буша. Эта была инспекторская проверка. На столе появилась секретная карта оборонительных сооружений «фестер-пляц» укрепленного плацдарма. Тройные позиции траншей, Доты, сплошные рвы с колючей проволокой в несколько рядов, заминированные участки и усиленные воинские подразделения вдоль берегов рек Западная Двина и Дучеса говорили о многом.

- Что ж, генерал, я доложу фюреру о готовности города к обороне от любой большевистской атаки, но должен передать вам слова переданные фюрером вам лично. Вы лишаетесь права отдавать при-

казы к отходу и тем более сдачи города. Это исключено. В генштабе ваш город прозвали «Щитом Прибалтики», и это доверие нужно оправдать. – Он хлопнул Гольвитцера по плечу и улыбаясь проговорил панибратски, - С таким доверием, вы Гельмут взлетите высоко. Гитлер умеет ценить и приблизить к себе преданных ему людей.

В этот же день состоялось совещание и у недавно назначенного командира 39-ой армии 3-го Белорусского фронта Людникова И.И. Иван Ильич прошедший Сталинград, Курск, форсирование Днепра отнесся к новому назначению с пониманием. Работа предстояла большая, что даже командирами из высшего состава армии приходилось знакомиться «в рабочем порядке». За отведенное время был назначен график для подготовки и начало наступления к третьей годовщину начала войны – 22 июня 1944 года. О ходе взаимодействия с 43-ей армией соседнего 1-го Прибалтийского фронта докладывал его начальник штаба генерал М.И. Симиновский. Предварительно, до составления этого окончательного плана, Иван Ильич лично выезжал в передний край обороны к командующему 251-й стрелковой дивизии вместе с начальником штаба Симиновским, начальниками разведывательного и оперативного отделов армии. Бои начались 23 июня, на день позже намеченного срока. Советские войска шли яростно, совершая героические подвиги, проливая кровь, теряя товарищей, но готовые пробить «Щит Прибалтики». Уже 26 июня в лесу недалеко от Витебска со своим штабом был взят в плен генерал Гольвитцер. Он с помощью наших разведчиков, захвативших его, был лишен возможности отдавать приказы «Отступить» или «Сдаемся». Гитлер был бы им доволен, но в этот же день к вечеру наши войска вошли в сам город.

Татьяна с разведчиком Судиловским Богданом,

людом из этих мест, отправились по улицам города через Первомайский поселок, где должны были встретиться со связным местной подпольной группы Г. А. Морудова, связь с которой была установлена через партизан. В этот теплый июньский вечер их можно было принять за влюбленную пару. Документы при них были настоящие. Аусвайсы разведчики получали через партизан, но их в прифронтовом городе могли поменять в последний момент на другие документы. Риск был большой, но нужно было успеть до комендантского часа, прибыть к месту встречи со связным. Остальная группа готовилась заночевать в эту ночь на лесной балке недалеко от деревни Разувайка, где состоялась первая связь о своем прибытии. Работала группа слаженно, выясняя место нахождения объектов, имеющих важное значение, передавали для «ноль пятого» данные о немецких частях, районы их дислокации и передвижениях. Многие подпольные группы Витебска так же понимали о скором наступлении, а потому перебирались малыми группами к партизанам. Группа Морудова вынесла решение остаться в городе, поскольку понимали всю ценность добываемой ими свежей информации о последнем месте сосредоточения фашистских подразделений. Особое внимание обращали на прибывающие в станцию эшелоны, а также наиболее укрепленные пункты внутри города, превращенных в баррикады с орудиями и пулеметными точками. Все сведения передавали разведгруппе для передачи по радиации, готовые сами поддержать наступающие части советской армии активными действиями внутри города. Сведения сыграли немалую роль при битве за город, что сохранило множество жизней оставшихся жителей и способствовали быстрому передвижению своих. Эти же подпольщики первыми стали поднимать красные флаги над зданиями

освобождаемых районов города.

Для полка, где одним из рот командовал гвардии старший лейтенант Сазонов Виталий, взятие города явилось лишь началом более яростных сражений по окружению и уничтожению врага, оказавшегося в «котле». Немецкие части, попавшие в окружение на огромной территории волновались и бились как кипящая вода, стараясь выплеснуться через край «котла» любой ценой. Они знали, что их ждет заслуженная кара советских людей. В самом лучшем случае их ждет Сибирь, которую они так боялись. Вся нацистская пропаганда говорила о шестидесяти градусных морозах Сибири, от которого люди превращаются в ледышку. Бились фрицы с одной лишь надеждой прорваться к своим, зверея от страха, бросаясь на свои же колючие проволоки и минные поля. Их полное уничтожение могло занять еще несколько драгоценных дней, а останавливать общее наступление в сторону Прибалтики нельзя было. В результате кольцо окружения было рассечено на три части, и в бой вступили авиация и гвардейские минометы. Только после этого, то в одном, то в другом месте стали подниматься белые флажки сдающихся отрядов врага.

Рота Сазонова была в гуще событий и билась без сна, с торопливыми обедами сухим пайком третьи сутки, пока не стали утихать бои. Особенно отличался комсомольский костяк призывников 1926 года рождения, которых он встречал сам и распределял повзводно. Большинство из них навечно остались лежать на Белорусской земле под городом Витебском. Бить фашистов они успели, но первый бой стал для них последним.

С Татьяной они встретились в городе возле занятого под штаб полка здания, куда Виталий направлялся после санитарного батальона, обновив пере-

нызку правого плеча. Рана была легкая, касательная. Небольшой кусок мяса от минного осколка, едва не отделившись от плеча, повисла, мешая движению во время боя. Молодая девушка-санитарка перевязала рану на месте, приложив рваный кусок обратно, и туго забинтовала. Стрелять с левой руки было неудобно, но он продолжал командовать и поднимался в атаку вместе с бойцами. Он должен быть впереди этих юнцов, которые словно не знали страха, забывшая любую осторожность, лезли вперед и падали сраженные пулями и осколками врага. Теперь он шел в штаб доложить о готовности к дальнейшей службе. Рана, к счастью, заживала как на собаке. Санинструктор, осмотрев плечо, не проявил никакого беспокойства.

- Тут даже не стоит ни одну скобку накладывать, само зарастет. Главное не тревожить руку, пусть всегда висит на привязи через шею. Дня через два покажешься.

Их первый поцелуй совсем рядом со штабом у всех на виду, долгий и страстный вызывал улыбку многих бойцов, находившихся неподалеку. О каком-либо осуждении и речи быть не могло. Бойцы, выжившие после такой битвы, годами, не знавшие женской ласки, смотрели без стеснения, отражая улыбками неопределимую открытую зависть. «Повезло командиру».

- Знаешь, Танюха, - не раз он повторял ей потом, - если бы не эти бои и твоя вылазка в тыл, вряд ли бы нас так подбросило друг дружке. Это тебе не «Ура, вперед!». Во время затишья, я даже не знал, как подобраться. Наверное, долго готовился бы к броску, обдумывал план штурма, а может даже, собирал ромашки.

После этого их встречи были постоянными, о чем разнесся вслух по всему полку. Скрывать им так же не

было никакой охоты. Свободные часы они встречались открыто, но иногда в любовном порыве уходили в лес, вызывая дополнительную зависть однополчан. Такая любовь урывками, между боями была трепетной от своей незащищенности в условиях войны и в то же время яростной, как сами бои, от желания быстрее узнать друг друга да малой толики и раствориться вместе в едином порыве сладострастия. Был даже случай на территории Пруссии, когда им приспичило соединиться воедино в блиндаже связистов. Эта была обыкновенная землянка в один накат, где иногда радистки отдыхали между дежурствами. Молодая радистка Валентина из-за отмены поездки в дивизию, вернулась, мягко говоря, очень и очень не вовремя. Выбегая, застегивая на ходу портупей, они красные от ласк и стыда, но в то же время бесконечно счастливые обогнули землянку и долго смеялись, прислонившись к соснам. Так, двое взрослых бойцов, пропахшие порохом, не один год смотревшие в глаза смерти, чувствовали себя нашкодившими юнцами, и им от этого было весело. Только Валентина, в это время припала к нарам, рыдала от увиденного чужого счастья, проклиная войну, загубившую ей юность.

Бабья доля на войне – это и счастье, и сплошной сгусток крови и нервов, тревожившие потом всю оставшуюся жизнь. Было множество отдельных рот и даже женских батальонов снайперов, связистов, санитарок и зенитчиц, где царила своя атмосфера с предметами домашнего быта, разговорами о мужиках и тряпках, а тем, кто ежедневно находилась среди мужчин, приходилось нелегко. Молодость и сама природа человеческая не признает ни войны, ни потопа или других носителей смерти. Желание любить и быть любимой не может сломить никакая война. Эта естественная биологическая потребность сильнее, ибо не одна война не может быть естественной. Она мо-

жет быть любой: священной освободительной или целью подчинить другие народы, но она противна всегда самой природе человеческой, которая создана не убивать, а любить и размножаться.

Татьяна часто задумывалась об этом и не могла дать точное определение такому явлению. Судьба той же телефонистки Ани, у которой Виталий пытался выяснить исчезновение любимой, была примером нелегкой женской военной доли. Аня влюбилась в одного из штабных офицеров, который был убит во время вражеского артобстрела. После этого у неё появился другой штабист, который добился её расположение ухаживаниями и наглыми приставаниями, а когда его перевели в другую часть, у неё появился третий. Третьему она отдалась сама - скорее - из жалости. Результат оказался плачевным – её беременную отправили в тыл. Там её наверняка встретят как героиню Толстого из произведения «Гадюка», будут всю жизнь укорять, что она пошла на фронт, чтобы заманивать чужих, голодных до баб мужей, когда они тут в тылу трудились, от темна до темна, за себя и за мужей своих. Горькая доля. Из жалости многие попадали в такую ситуацию потому, что рядом находились такие здоровые и замученные войной мужчины, которые, быть может, жили последнюю ночь своей жизни, а утром предстояло погибнуть. Они рвались, предлагали открыто и даже, случалось, насильовали. Очень многие влюблялись и погибали, не испытав и этого осколочка счастья. Бывало всяко... Татьяне приходилось встречаться со многими женскими судьбами, но она никогда не осуждала никого из них. Все оставались женщинами, но не у всех была возможность стать ВПЖ (военно-полевой женой) офицеров старшего и высшего командования, питаться в офицерских столовых, носить модные трофейные сапожки и пользоваться духами. Большин-

ство этих женщин рисковали жизнью и постоянно находились возле молодых мужчин, довольствуясь запахом махорки, согревая и оберегая их в тяжелые моменты. Тяжко им на войне и не надо скрывать эту сторону их жизни. Это будет не вся правда об их тяжелой доле. Все фронтовички были женщинами и оставались ими. Конечно, таких было немного, ибо призывалась та молодежь, которые успели влюбиться и хранили верность любимым, получая изредка такие же треугольники писем из других фронтов, радовались, или ревели от похоронок. А сколько будет женщин без мужей после войны! Сколько их тут полегло и сколько еще погибнет? Ох, война, проклятая! Ох, судьба наша женская!

Сама Татьяна мечтала вернуться в родные края вместе с красавцем капитаном, грудь которого украшают множество боевых наград, выти за него замуж и родить двоих детей. Если ей будет стыдно перед знакомыми женщинами то только за то, что нашла свое счастье там, где и сама не предполагала. Без зависти с их стороны, конечно, не обойдется, особенно от тех, кто потеряли мужей или тех, кто просто не в состоянии найти свое счастье при таком дефиците мужского сословия.

Были и счастливые пары, возвратившиеся с Победой вместе. Было их не мало, Они обустроивали и поднимали из руин страну, рожали детей и прожили долгую счастливую жизнь, но как бы это было нежелательно, Татьяну перечислять к их числу не получится. Гвардии капитан Сазонов Виталий Петрович пал смертью храбрых под городом Фишхаузен 14 апреля 1945 года. До Победы оставалось совсем немного.

П А Р Т И З А Н

Июнь месяц в Белоруссии стоял по-настоящему летним, и легкий дождик под вечер в пятницу на 1 июня 2012 года появился и исчез внезапно, едва порадовав дружное семейство тюльпанов в сквере. Столица Белоруссии, величавый город Минск, встречал ветеранов партизанского движения. Гостей было немного и основная масса состояла из женщин, назвать старухами которых Леониду Петровичу никак не хотелось, хотя, в то же время, не получалась представить их и комсомолками тех лет. Это они испили все тяготы той страшной войны в лесах и болотных островах этих мест, тонули, голодали, умирали под пытками, но боролись насмерть с врагом с небывалой отвагой юного максимализма. «Откуда только силы брались, - удивлялся он теперь сам, - на чём только душа держалась?». В свои восемьдесят три года, он выглядел вполне здоровым, был легок на подъем и на память не жаловался, хотя перенес один инсульт и чудом выкарабкался. Теперь, сидя в сквере недалеко от гостиницы «Спутник», он был рад своему приезду и благодарил внука Сашку за то, что он привез его по интернет-приглашению на места боевой славы. Сам внук, правда, убежал сразу после регистрации и распределения по номерам гостиницы. «Где-то успел узнать о проходившемся рок-концерте и смотался, шалопай».

Поздравляющих и устроителей праздника было множество, они предлагали различные автобусные экскурсии, кормили в ресторане и ему, что бывает в эти годы редко, поверилось, что их не забыли. Не зря, значит, потрачено такое детство, которое не дай

Бог повторится с другим поколением. «Да, и можно ли называть это детством? А почему бы и нет. Все же они были детьми, хотя жили и думали по-взрослому разве что с некоторыми отклонениями».

Тогда в 1941-м пионерский лагерь, где отдыхал Лёня Сташкевич, не успели эвакуировать. Два пионерских отряда в количества 61 мальчика и девочек так и остались в одноэтажных зданиях лагеря, которые с приходом немцев, больше стали походить на бараки концентрационного лагеря. В начале, отряд ждал эвакуацию, но из-за бомбежки, потеряв нескольких детей и завхоза дядю Степана убитыми, двинулись в путь по лесам пешим ходом, но были загнаны немцами обратно в свой лагерь. Потекли серые дни без звука горна и детского смеха. Особо страдали дети из младшего отряда. Леонид Петрович уже помнил смутно, как хоронили детей и завуча на поляне сразу за лагерем, завернутыми простынями со склада лагеря. Уж больно много было потом смертей, чтобы так хорошо запомнить каждый случай.

Чего только не забрали фашистские солдаты из их лагеря: столы, стулья, матрацы, подушки и даже посуду. Все вокруг перебили. Особо глумились над портретом Макаренко, видимо считая кем-либо из основоположников марксизма-ленинизма, истыкали штыками, разорвали холст, а после сожгли с уже развалившейся рамой возле волейбольных ворот. Сетку волейбольную они так же унесли с собой. Еда в лагере кончилась быстро, ребята по несколько человек ходили в две недалеко находящиеся деревни побираться, но перепало им совсем немного, ибо всю скотину фашисты угнали. Кое-кому все же удавалось спрятать свою живность, но то, чем они делились с ребятами, явно не хватало. Овощной жидкий суп стали выдавать один раз, а хлеб - менее чем по сто граммов в день на едока. Младшие ребята

все время хотели есть, плакали, но убежать было некуда, везде были патрули. Со старшими, коим едва исполнилось по тринадцать лет, хлопот тоже хватало. Они не умели скрыть свою злобу и перестали бояться при появлении немцев, которые стали устраивать регулярные обыски, искали оружие и листовки. Однажды, после обыска, выбили челюсть прикладом Ване Гончару за один его ненавистный взгляд, а после его с другим товарищем увели за территорию лагеря и расстреляли. Имя второго мальчика Леонид Петрович не помнил, хотя хорошо знал и помнил, как тот пытался помочь Ване, огрызался и пытался заслонить его собой от озверелого фрица. После этого случая, мальчики организовали дежурство и следили за дорогой и лесными тропами. При появлении немцев старшие ребята стали прятаться в лесу. Вожатые Ольга с Людмилой отвечали карателям, что дети собирают в лесу ягоды или пошли просить что-нибудь съедобное по деревням.

С появлением партизан жить стало лучше. Они взяли над ребятами шефство, помогали едой и одеждой, которая так же быстро приходилась в негодность. Лёня с одноклассниками Сережей и Витей стали собирать по местам боев различное оружие и патроны. Хорошее исправное оружие было тяжело обнаружить, ногодились различные части и механизмы от них. В один из таких дней они обнаружили под разломленной сосной у самого болота умершего солдата Красной Армии с наганом и двумя гранатами за поясом, видимо прятался при отступлении и умер от потери крови. Партизаны похвалили их за такую добычу и похоронили солдата недалеко от того места. Сколько бы они втроем не просились в отряд, все не получалось. Позже выяснилось, что этот отряд малочисленный по составу и плохо вооруженный в начале, не мог иметь такую обузу, менял мес-

та дислокации, совершая лишь небольшие налеты на полицаев или одиночные патрули фашистов. К ним же к ним влились другие небольшие отряды, и стали организовывать налеты на казармы, контрольные пропускные пункты и даже на склады оружия. Тогда три товарища оказались в отряде, но не постоянными партизанами, а их помощниками, помечали адреса, где живут полицаи, пулеметные точки, устанавливаемые в различных местах, и все сообщали связному возле той могилы, где был похоронен найденный ими красноармеец. Пулеметов в отряде было мало и они бы дорого отдали за каждый из них. Пионервожатые то ли догадывались, то ли знали об этом, и потому не очень удивлялись, что трое друзей часто пропадают неизвестно где, а иногда не ночуют в лагере. В одну из ночей, когда шел проливной дождь, партизанами было совершено сразу два нападения на посты в различных местах, откуда увели два станковых пулемета с боеприпасами, несколько автоматов и гранат. Ребят опознал один из полицаев из патруля, который заметил их возле колхозного сада на краю села. Ребят закрыли в участке и долго били, требуя рассказать, где находятся партизаны, но ничего не добились и отпустили через два дня. Вернулись, а вернее их забрали те же вожатые, едва переступающих ногами только двоих. Сережу застрелил немецкий солдат из гестапо, которому он прокусил руку и пытался убежать, выпрыгнув в окно. После этого случая, вся старшая группа ушла к партизанам. Связные встретили ребят в сосновом бору и переправили в партизанский отряд. В пионерском лагере начался переполох и обыск, но обе вожатых стояли на своем: «После избиения в участке мы уже не были в силах удержать старших, они не послушали нас и разбежались. Тем более один из них был убит вашим солдатом. Мы не смогли их удержать».

Позже к партизанам переправили весь лагерь, но они содержались в особом месте за болотом, где южные Ольга с Людмилой приступили к своим основным профессиям. Они снова стали учителями. Вместе с ними в этом же спецотряде находились и старшие ребята, которые редко посещали уроки, а в основном изучали различные виды оружия, навыки пррывного дела и разведки.

Партизанское движение разрасталось по всей Белоруссии. Но немецкое командование не хотело смириться таким положением, а потому увеличивалось число карателей и специальных команд, подготавливаемых для борьбы с партизанами и подпольем. Широко использовались националисты из числа украинских и латышских предателей. Они лезли из кожи вон, чтобы выбиться хотя бы в унтер-офицеры, которым обещаны наделы и поместья на Белорусской земле и работники из числа еще не уничтоженных славян. Эти обещания были обманом, ибо никто, в последствии, этими холуями делиться не собирался. Фашистский министр земледелия Дарре не успевал повторять : « На всем восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов». Уничтожались до десятка деревень при каждой карательной операции, убивали всех. «Возраст не имеет значения. Славянская нация на 75 % должна быть уничтожена, а остальные 25% будут рабами». Старики и дети не могли быть рабами, их самих нужно кормить, а Рейху это невыгодно. Если расстрелянных стариков тащили к общей яме, то грудных детей бросали в горящие избы и сараи, держа навесу за одну ногу. У многих из детей, до умерщвления, брали кровь в тех количествах, от чего они впадали уже в полумертвое состояние и летели в те же ямы, как отработанный

материал для «великой расы». Борьба разрасталась. Хваленый «режим на оккупированных территориях» действовавший во многих европейских государствах в этой стране дал сбой. Уже кричал рейхсфюрер СС Гиммлер о необходимости разбомбить любой населенный пункт, где возможна связь с партизанами. Уже командующий армией «Центр» генерал-фельдмаршал Буш, обливаясь слюной, отчитывает группенфюрера войск СС генерал-лейтенанта полиции Готберга, что невозможность уничтожения партизан задерживает отправку на фронт значительные армейские силы. Все тщетно. Слово вся Белоруссия состояла из подполья и партизан. Подпольные парткомы отчитываются перед Центральным ВКП(б) Белоруссии, а в тылу самой германской армии действуют и обороняются вновь созданные советские территории, где восстановлены колхозы. Более 140 карательных операций на территории Белоруссии унесли миллионы жизней, а страна воюет и восстанавливает свои советские порядки в окружении фашистов, и нет никакой силы их сломить.

В те самые тяжелые дни 1943-44 годов, когда завалили горами труп саму столицу Минск и велись самые жестокие карательные операции, Лёня находился в партизанском отряде «Дяди Коли», вступил в комсомол и получил билет ЦК комсомола Белоруссии с одним лишь небольшим недостатком – не полагалась фотография. Это было знаменательным событием в его жизни, но впереди предстоял смертельный бой с отборными войсками фашистов. Против их соединения отрядов «Дядя Коля», «Железняк» и «Белорусь» фашисты бросили две дивизии охраны, пять полицейских полков, подразделения 3-й танковой армии и вспомогательные части. Силы были неравны, и фашисты были уверены в своей победе. Названная немцами «Бакланом» карательная экспе-

диция по сути своей была войсковой операцией, со стратегическим планом и тактическими задачами разгромить соединение партизан в междуречье Березены, Цны, Гейны. Бой был яростным и жестоким, но отработанные фашистские правила боя натолкнулись на упорное нежелание славян быть рабами. Это они не изучали, и не одна тактика не могла противостоять этому сопротивлению. Весь фашистский пыл, как и любой фанатизм, оказался слабым по сравнению с патриотизмом обыкновенных в своем большинстве миролюбивых граждан, никогда ранее не державших оружие. Однако силы были не равными, опытных командиров не хватало, и противостоять артиллерии и бронетехнике было сложно. Отряд, где воевал Лёня в составе комсомольской группы, оказался запертым в котле. Основные силы немцы бросили на другие участки, оставив против них полицейские полки и ягдкоманды, но перед своим уходом решили обескровить остатки отряда и пустили танки с пехотой СД и СС. Какое бы не проявляли партизаны бесстрашие, это был незнакомый для них ход событий. Они привыкли нападать сами и только в тех случаях, когда для победы имелся хоть малый шанс. Здесь по небольшому полю, между редкими молодыми деревьями шли танки, и остановить их было невозможно. В отряде оставалась всего одна пушка, которую можно было использовать только по прямой наводке, но и она была выведена из строя от попадания сразу нескольких танковых снарядов. Вход пошли связки гранат, которыми пользоваться мало, кто умел. Учения проводились по метанию одиночных гранат, а метнуть целую связку на большое расстояние не получалась, нужно было подползти близко. Именно в этом бою сгорел Витя, пятнадцатилетний друг Лёни и убитого гестаповцем Сережи. Он подполз к немецкому танку и едва приподнялся, что-

бы бросить бутылку с зажигательной смесью, поджигив пропитанную бензином тряпку, но был сражен пулей и упал, опрокинув свой «снаряд» на себя. Лев выскочил из неглубокого окопчика, чтобы выволочить его на свою территорию, но его затащили обратно, схватив за голенище огромного сапога, выданного перед боем. Танки с пехотой наступали, стреляя на ходу, и нужно было отступать. Он бежал зигзагами в опушке вместе с остальными, видя лишь размытые контуры товарищей. Глаза застилала слезы, и было обидно, что из-за проклятых фашистов даже нет возможности отойти куда-либо и выплакаться наедине с самим собой. Было невыносимо, что он не может отомстить за товарища, с которым шесть лет проучился в одном классе, а позднее делился последним куском хлеба.

Так он плакал еще в середине 1942 года, когда узнал от диверсионной группы, углубившейся в глубокий тыл для подрыва железнодорожного моста в районе Улла-Камень, что его деревня сожжена и никого из жителей не осталось. Мать и девятилетняя сестренка Марина пропали и, как он понимал, были убиты или угнаны в Германию. Шансов выжить у них не было.

Фашисты стремились любой ценой покончить партизанами до наступления Советской армии. В огромном котле оказались все отряды бригады, но продолжали упорное сопротивление. Против их отряда натиск был ослаблен, но оставшиеся полицаи и предатели из «белорусской краевой обороны» продолжали преследование под прикрытием двух бронемашин, расстреливая раненных. К этой же карательной части были причислены вспомогательные батальоны фашистов из саперов и охраны внутренних объектов. Особо досаждали минометы фашистов, которые они успевали установить при любой

остановке, встречных атак и в ночное время, когда прекращали преследования для отдыха. Андрей Подпунский, командир группы, старался так же дать отдых своим партизанам за короткие ночи. Ребята грызли сухари с сушенными прошлогодними фруктами и пытались поспать, хотя бы по два часа за ночь. Успеть в них детей было бы невозможно. Уставшие, голодные, грязные и с большими потерями им удалось соединиться с основными силами бригады только на четвертые сутки. Здесь отход от наступающих фашистов осуществлялся грамотно, что позволило сохранить силы. Партизаны, едва почувствовав слабину, переходили в наступление. Боеприпасы и вооружение, сброшенные и доставленные на временные лесные аэродромы пригодились как никогда и использовались в полную силу. Собираемые в лесу орудия, минометы, доставленные в разобранном виде «заговорили» в полную мощь. Фашисты вдруг с ужасом увидели в этих «бандитах, угрожающих тыловым коммуникациям» настоящие воинские подразделения, способные вести открытый бой лицом к лицу. Горели их танки, бронемашины и часто приходилось отступать, теряя живую силу. Об уничтожении заблокированной бригады уже речи не было, а сами партизаны продолжали вылазки и рейды.

Бригада продолжала вести боевые действия почти полмесяца, до прихода частей 3-го Белорусского фронта, хотя потеряла почти третью часть своих бойцов. Много было раненных. Шестнадцатилетний Лёня имел легкую контузию, просился в часть, которая должна была наступать в сторону Прибалтики, но его отправили в тыл.

Ехали из Минска обратно в свою Тулу на поезде в купе с двумя парнишками по 17 лет, с которыми подружился внук Сашка. Ребята пили лимонад, слушали музыку и рассказы Леонида Петровича. Перед

сном ребята раздобыли у проводницы « 250 граммового мерзавчика для деда». Леонид Петрович шипел и расхваливал Белоруссию.

- Культурная страна стала, не то, что у нас. Вы бы видели, какой она была в 1944-ом. Можно было ехать часами и видеть одни руины сожженных деревень. Вряд ли есть еще одна такая страна, так пострадавшая и имевшая такой геройский народ. Партизаны были и в других местах, но их не могло быть столько, поскольку это зависит от героического настроения жителей. Без связи и помощи подполья и простых людей много не навоюешь. Будешь сидеть в лесу и толку от тебя никакого. Культуры у них тоже побольше нашего будет, это заметно...

Уже засыпая под стук колес, он вдруг так ясно представил лица мамы и сестренки Марины, что удавалось редко. Уже самому, поди, осталось недолго, а потому очень хотелось видеть их, но вот из глубины подсознания очертания их возникали расплывчатыми и не очень похожими на себя. Он знал, что это они, самые родимые для него люди, разговаривал с ними часто, а вот так ясно видеть их черты удавалось редко. Леонид Петрович долго искал их после войны, писал в архивы Советской Армии, военкоматы, но так и не смог найти следы. Возможно, что это было скорее подарком, а не несчастьем, ибо узнав он о смерти матери и сестренки, лучше бы не стало.

Клавдию Ильиничну, с девятилетней дочкой Машей, схватили вместе со всеми жителями деревни и доставили на территорию бывшей овощной базы, превращенный фашистами в перевалочный пункт. Более молодые женщины и несколько девчат были отобраны для отправки в Германию, и их загнали в большой ангар, пропахший запахом разлагаемых овощей, где уже ждали дальнейшей участи жители других сел. Не очень здоровой выглядела Клавдия Ильи-

нична, и разлучать её с дочкой не имела смысла, Их на рушили в большую крытую автомашину и повезли в сторону леса. Люди внутри железного кузова ничего видеть не могли, устраивались молча, опершись в друг друга. Тесноте, да не в обиде. Заслонка от выхлопной трубы, ведущая в кузов была приоткрыта в меру, как и полагалась, ибо фельдфебель Рейзвих уже получал нагоняи за то, что подчиненные предпочитали ехать быстро, наполняя кузов газами на полную мощь, от чего при выгрузке трупы имели нежелательные гримасы, а так же имелись испражнения, от разрывааемые легких газом. Как говорится, и на том спасибо. Умирала она не больно, обнимая уснувшую так быстро Машеньку, надеясь видеть сны. Снов не было. К яме её такую и потащили из «душегубки», в обнимку с дочерью...

Сон у Леонида Петровича был сладким, под стук колес. Мама с сестренкой провожали его с товарищами, уже забившихся автобус, в пионерский лагерь.

- Лёня, сынок, ты ничего не забыл?, - все еще силясь вспомнить, что она могла забыть, собирая сына в дорогу, - Слушайся там и не хулигань.

Он проснулся и долго лежал под впечатлением увиденного, пытаясь заснуть снова, мысленно требуя продолжения увиденного. Сон прошел. Нужно вставать, пока возле вагонного туалета нет очереди. Да и побриться бы не помешало.

Поезд шел уже по территории России, а в ушах все еще стояла музыка, гремевшая в Минске все эти три дня:

*Молодость моя – Белоруссия,
Песня партизан, сосны да туман...*

Что ж, прощай Белоруссия, родина моя. Нет! Скорее - до свидания. Я еще поживу малость, и по-

бываю там еще хотя бы раз. Обязательно приеду к тебе, детство моё! Найти бы еще в местах захоронений фамилию матери и сестренки. Наверное, уже не получится. Особой разницы нет, ибо там повсюду могилы убиенных, но все же...

Отец его погиб в первые дни войны, о чем он узнал через военкомат Могилевской области уже после войны, а единственный дядя Валера пропал без вести. Лёня остался в городе Туле, где после небольшого лечения контузии устроился на завод, где и проработал рабочим сборочного цеха оружейного завода. К каждому собранному автомату он радовался и любовался вспоминая, как собирали они с Сережей и Витей возвратные механизмы, затворы и цефье для небольшого партизанского отряда во всех местах, где прошли бои. На своем заводе оружейных дел мастер проработал до самой пенсии.

- Спят шалопаи до сих пор, да и пусть. Было за что воевать и терять своё детство. У этих настоящей детство, да и пацаны они вполне нормальные и тоже бы смогли подняться, если что... Но не дай Бог.

МОСТ

Гвардии старшина Юрий Беспалов был вызван к командиру отдельного батальона минеров капитану Берестову сразу после занятий, которую проводил со своей группой, на старой заброшенной кузнице на краю поселка. Стоял майский солнечный день 1943 года. В свои двадцать девять лет, он повидал много, долго отступал, выходил из окружения и имел два ранения, о чем говорили нашивки на гимнастерке. Из рядового саперного полка перевели в минеры, и более года, как их стали называть минерами-подрывниками. Ожидалось что-то грандиозное и он, как бывший сапер, замечал, что строится множество оборонительных сооружений и речь не может идти о переходе к наступлению. Бесконечные движения вооружения и техники с места на место, скорее делалось для вражеского ока, а вот тайно строящиеся капитальные укрепления говорили о другом: готовились встречать «гостей». Пригодятся ли им эти занятия по устройству секретных мин из кусков труб и с деревянными корпусами? Наверяд ли.

- Проходи, старшина, садись. – встретил его Берестов Олег Павлович, разглаживая бережно сложенную на столе карту. – Разговор серьезный будет. Я сам только что из штаба дивизии и должен сказать, что задача поставлена перед нами сложная. Вот, смотри суда, видишь эту речку? А вот здесь, возле этой деревушки в метрах шестьсот к Северу расположен железнодорожный мост. Этот мост, как отметили в штабе, как главная артерия, ведущая вражеские силы с Запада по направлению Орел – Курск на нашем участке. Еще Севернее, начинаются боло-

то, но там можно завязнуть на многие дни. Время не терпит, а потому придется идти в лоб или со стороны деревни с Юга. Там, надо заметить, жителей нет, и, скорее всего, расположена вражеская часть. Эти пути, скорее всего, не устраивают. Эти пути, считаю надо исключить сразу. Уничтожение данного объекта возложено исключительно диверсионной работе нашего батальона. Я строго предупрежден, что буду туда отправлять группу за группой. Или мы его уничтожим, или перестанем существовать, уложив весь личный состав батальона на подступах к этому мосту. Удары с воздуха никаких результатов не дали. На подступах мост охраняется «миссерами» из нескольких засекреченных аэродромов, которые меняют места дислокации, а сам мост нашпигован зенитными установками. Сечешь? Надо полагать, что сухопутная охрана так же хорошо вооружена и численность не менее роты. Тут надо думать, брат. Твоя группа пойдет первой. До моста тридцать два километра, которые нужно пройти за двое суток и еще двое суток – на мост. По истечении этого срока двинется вторая группа. Задачу к тому же осложняет то, что никто вам из местных не поможет и радиосвязь запрещена. Любую связь запеленгуют и вас уничтожат. Задача - почти невозможная, но мы её должны выполнить. И последнее, никто от вас не требует взорвать мост с эшелом техники или живой силой. Нужно только взорвать так, чтобы не подлежал к быстрому восстановлению. Если будет возможность, разделишь группу на две - по трое в каждой, чтобы взрывы устроить в двух местах – в конце и начале моста. Трoгаешься завтра в два часа ночи с моего же блиндажа. Вас проводят до передовой и укажут место перехода бойцы полковой разведки. Ну, вот. Теперь всё. Готовь своих бойцов без указания времени перехода и задачи. С вопросами, если будут

обращайся. Я все это время уже никуда не отлучусь.

Единственно, что комбат не сообщил старшине Ежспалову было то, что в район моста уже направляли группу из дивизионной разведки, но она не вернулась. Говорить это он и не мог, ибо ему самому сообщили в штабе прибывшие из дивизии оперативники лишь для того, чтобы подчеркнуть сложность поставленной задачи.

Олег Павлович, едва проводив командира группы, устало опустился на стул и закурил. Он знал, что бойцам придется туго, а вернуться живыми они, пожалуй, вовсе не смогут. « На верную гибель ребят посылаю, - думал он, - а возможно и положу всех. Если из дивизионной разведки люди пропали, то скорее всего, ждут их там и все перекрыто. Хотя, кто знает... И вообще тут нужна целая войсковая операция, а шуму не хотят из стратегических понятий всего фронта. Последнюю группу поведу сам, другого выхода нет. Я – крайний. Там наверху привыкли мыслить другими категориями, поскольку больше внимания уделяют технической оснащенности, чем к людям. Война, будь она проклята, ставит свои условия. Если хорошо подумать, так оно и должно быть. Штурмовая авиация строится в тылу женщинами и детьми, которые недоедая и недосыпая, стоят у станка по три смены не для того, чтобы посылать эти самолеты на верную гибель к зениткам и истребителям врага. Они должны на бреющем полете, после артподготовки, утюжить позиции врага, очищая путь танкам и пехоте. Так они сохраняют больше солдатских жизней и облегчат наступление. Да и не моё это дело обсуждать приказы. Я их должен выполнять. А мы еще будем посмотреть, чья возьмет: разведка или мои диверсанты. Мы тоже не пальцем деланы».

Двое суток, отведенные на дорогу к цели выделены с запасом, но их оказалось мало. Первые ки-

лометры по мелкоколесью особой сложности не представляли, и такими темпами можно было пройти и в два раза больше. Дальше шла открытая местность, и до наступления рассвета нужно было одолеть почти столько же, чтобы достичь лесного массива, где можно укрыться и наметить новый план, изучив всю окрестность. Впереди не такое уж большое поле, но хорошо освещается парашютными сигналами и, скорее всего у кромки леса имеются наблюдательные пункты и секреты врага. Двигаться пришлось на животе, на небольшом расстоянии друг от друга и остановками из-за сигнальных ракет. В лес углубились гуськом в одном месте, где, может быть по чистой случайности, немцев не оказалось. Короткий отдых в овраге, и Юрий выслал, без снаряжений с одним автоматом трех бойцов, разведать участки спереди и по бокам. Ждать их пришлось около трех часов. Красноармеец Сергей Бортников, из сибиряков и Реджепов Курбанмурат из туркмен, подошли почти одновременно и доложили, как сговорившиеся

- Кругом мины!

Игнатьев Александр, которого все в батальоне называли Сашко, пропадал почти четыре часа.

- Я напоролся на болотистую местность, подходы к которой заминированы. Интересно мне это показалось, что решил войти в камыши. Скажу сразу, ширину болота узнать не удалось – помешали немцы. Их было человек три или четыре, по голосам проговаривались тихо, видел только двоих в полевой форме и выше груди, камыши там. Похоже, что у них там тропа. Взял левее, хотел пересечь, но передумал. Уж больно светло, могут заметить следы по поврежденным старым камышам. Само болото не топкое, похоже на засохшее озеро. Вода ниже колена.

- Ясно, что ничего не ясно, - проговорил Юрий,

к чему немцу скрытничать в собственном тылу? Что они там могут прятать?

- Может там у них секретный объект радиоразводки, штаб или склады какие, - предположил сержант Антипин Григорий, здоровенный бугай из шахтеров.

Ему тут же возразил Роберт Балоян.

- Нет, не согласен. Чего-чего, а склады в камышах прятать не станут, и штаб охраняли бы открыто, в технике и вооружением. Там что-то другое...

- Ладно, трогаемся через час. Нам еще пройти лос и не наследить. Завтра весь день должен быть использован на изучение моста, а мы еще только на подходе. Час времени на завтрак, оправку и перекур. Нужно спешить. Подкрепитесь хорошенько, но чтобы ползти брюхо не мешало. Ужинать и обедать, похоже, будем завтра. Сашко, залез бы ты на дерево и понаблюдал, пока другие едят. Ты у нас самый шустрый.

- Да уж, залезу, товарищ старшина. Не Антипку же туда подсаживать.

Антип, уже привыкший к шуткам, молчал и улыбался. Имея вес около ста килограммов, он был проворен, жилист и легок на подъем. А в пути он тащил при себе столько взрывчатки, сколько все остальные вместе взятые. Тут ему цены не было, и старшина дорожил им.

«Это даже хорошо, что нас на задание послали, и не разведку, - подумал Юрий, - в этом минном рассаднике только мои орлы и могут проскочить. Саперам они тоже мало в чем уступают, работали и немецкими минами различных типов. Вот только стоит ли их гнать прямиком на лапы фрицев. Подступы к мосту наверняка охраняются «ягдкомадами» егерей, в они работу свою знают. У них пушки и минометы. Обложат и погонят к минным полям. Однако же, пусть

капитан трижды прав, но не ставку же Гитлера охр
няют? А может рискнуть и пройти по немецкой тропе на болоте?».

- Игнатьев! Балоян! Поешьте быстрее, ваш отдых отменяется, пойдете к болоту. Задача такая – будете стоять там, как мыши, и изучать распорядок и время маршрута немцев по тайной тропе. Нужно выяснить: 1) регулярность прохода фрицев по тропе; 2) какой промежуток времени тропа бывает свободна. Если немцы пройдут сразу и в течении болота трех часов не будет движения, можете сняться с места пораньше. Значит это не смена караула. Постарайтесь рассмотреть их лучше, но без риска. Обращаю ваше внимание, что за это время можно и ноги потерять в такой воде. Проявите смекалку, найдите более мелкое место, чтобы остались ходячими. Все вперед. Сашко, веди напарника!

« В ночное время и без миноискателей не стоит лезть в лес. Любой шум взрыва смерти подобен – нам приготовят встречу и тогда к мосту не подойти, а принять бой и погибнуть смертью храбрых, тут не подходит. Капитан Берестов будет присылать в пасть этой смерти новые группы одну за другой. Не жирно ли вам будет, господа фашисты? Нужно пройти по тайному «коридору» немцев, которые, скорее всего, идут из гарнизона, расположенного в деревне за мостом. Идти придется долго и осторожно, ночью по воде. Другого пути – нет».

Отдыхать пришлось еще целых пять часов, ожидая своих, и Юрий Беспалов не находил себе места. Столько времени – коту под хвост, когда впереди дорога и время играет не в их пользу. Он знал, что в тылу врага всякое терпеливое ожидание вознаграждается хорошими результатами, но ничего с собой не мог поделаться. Оба вещмешка с взрывчаткой решил проверить ещё раз. Ничего, вроде, не угрожа-

ит, но душа была не на месте. Проверил он и другой мешок за который отвечал Реджепов. Там хранились взрыватели, прорезиненная ткань на случай, если опору моста придется заминировать в её поднодной части и запасной бикфордов шнур, коим никогда не брезговали. По два пуда тротиловой взрывчатки в каждом мешке. Один из мешков тащил Жора Ангипин, отдыхая изредка и перебрасывая с одного плеча на другой, а второй несли поочередно. По две гранаты, запасные диски к ППШ и ножи несил каждый при себе. Юрий, кроме всего этого, прихватил с собой гранату-лимонку и револьвер, к которому привязал больше, чем табельному ТТ. Именно револьвернаган ротного командира выручил его при выходе из окружения осенью 41-го. Он нес тогда командира на себе почти десять километров...

Ну, почему до сих пор нет ребят? «Да, успокойся в конце-концов, - говорил он сам себе, - поставил задачу, выстрелов не слышно. Значит все в порядке».

Оба гвардейца подошли в назначенный срок, но по их озабоченным лицам было видно, что выяснить удалось немного.

- Не было никакой смены караула, товарищ старшина, - докладывал Балоян, - и прошли мимо нас только однажды за всё это время. Было их трое, в защитных плащ-палатках. Разговор никакой не вели. Прошли так же в сторону передовой, а обратно никого не было. Тропинка капитальная. Местами, где глубже, положена гать, видимо давно всё приготовили.

- Что ж, нам легче. Думается мне, что там у них, возможно, единственное «окошко» для отправления и приема своей разведки или таких же, как мы с вами – диверсантов. Вот почему все другие подходы заминированы. Как бы там не было, воспользу-

емся и мы этой тропкой. Трогаемся, когда наступит сумерки, идем гуськом след в след. Я впереди, а Сашко – замыкающий. Никаких разговоров и в случае если подниму руку, все «ныряют» в сторону и приседают в камышах, нам стрельба не нужна. Пропускаем всех мимо себя. Считаю, Игнатъев напоролся на тропинку по чистой случайности, и это большая удача. Нам несказанно повезло. Повторяю еще раз – никакого шума. От этого броска зависит очень многое.

«Непонятно, кто переходит к обороне? Мы или они? Похоже, что наш участок, который выступает вперед во вражескую оборону, представляет для фрицев большой интерес тем, что можно взять в клещи и устроить «котел». Наши, похоже, не прочь пригласить их сюда, а ударить в другом районе. Тогда этот чертов мост – как кость в горле. Через него перебросят столько техники, что нашим придется туго. Задание нужно выполнить любой ценой!».

Вышли к тропе, когда начинало темнеть. Шли осторожно. Юрий понимал, что наступающая темнота помогает не только им. Нужно ему быть предельно осторожным и быть готовым увидеть немцев раньше, чем они. Знак рукой нужно будет подавать заранее, едва приметив идущих навстречу, чтобы успели спрятаться все и без лишнего шума. Благо, что немцы, прокладывая тропу, не делали частых поворотов и зигзагов. Это успокаивает, но расслабляться нельзя.

Вышли к берегу, когда уже начинало светать. Тропа стала широкой, а камышиный берег сузился. Справа начиналась сама река, а левый берег, куда предстояло вступить, имел небольшой квадрат из гати, ведущий к твердой почве. До моста было метров восемьдесят, что имело как плюсы, так и минусы. С одной стороны, есть место для обследования и наметить планы, будучи подалее от охраны мос-

га, а с другой – пройти такое расстояние незамеченным никак нельзя. Скоро будет совсем светло и до темноты нужно найти какой-нибудь островок среди камышей и высокой осоки, где можно устроить наблюдательный пункт и переждать до темноты. Такого места не было. Нашли более-менее сухой участок, углубившись назад в камыши и впево. К тому же, нужно было успеть привести в порядок место своего проникновения, поднимая упавшие камыши и топтаную траву.

С обеих сторон моста были установлены зенитные установки, а кроме того недалеко наискосок от их «секрета», возле самой железнодорожной насыпи был врыт ДОТ, просматривали в сторону фронта, откуда могут напасть Советские войска, но и с боку в сторону камышей, где прятались бойцы Беспалова, также имелась небольшая амбразура. Мост был сравнительно небольшой, не очень высокий, с одной веткой с пролетом около двадцати метров, но охранялся так, видимо из-за большой глубины реки, которую не одолеть никакой бронетехнике. С тыла, с другого конца моста, была уложена небольшая ветка-ответвление, где стоял бронепоезд, который время от времени курсировал по мосту и заезжал в свой тупик, пропуская эшелоны. Между веткой и тупиком построена вышка с прожектором, для освещения в ночное время, где дежурил пулеметчик, а недалеко от него караульное помещение из старых бревен. Нужно было обмозговать и наметить единственно верный способ для взрыва моста. Благо времени до вечера было достаточно, хотя Юрий отметал все варианты налета, отыскивая в них слабые места, и никак не мог сосредоточиться на одном. А выход, как он понимал, должен быть обязательно.

Решение пришло, когда перекусили сухим пайком и решили вздремнуть. Однако «вздремнуть» ник-

то не смог. С одной стороны не удобно спать на сырых камышах, а с другой – все понимали, что сон внезапно никогда не заканчивается, а имеет некоторое полусонное продолжение, когда притупляются реакции всех членов человеческого тела - приходи и бери их тепленькими. Перед последним броском в цели, такое состояние не годится. На самом сухом месте, где имелась кочка, лежали вещмешки со взрывчаткой, обложенные со всех сторон автоматами. Хотелось курить.

Приказ свой старшина Беспалов объявил, пока было светло, ибо полагал, что должен видеть глаза своих бойцов. Говорить одно, но видеть и придавать решимость можно только таким способом. К тому же, он понимал, что должен молча попрощаться с каждым из них. Может кто-то из них сумеет дойти до своих. Хотелось в это верить...

- Слушай приказ, ребята! С наступлением темноты переходим вплавь реку: я, Балоян Роберт, Сергей Бортников и Александр Игнатьев. Остаются Антипин Григорий с Реджеповым Курбанмуратом, которые выдвигаются поближе к берегу. У остающихся буду только автоматы, передайте гранаты нам. Ваша задача – мост, и только мост. Реджепов ты охраняешь Антипина, хоть ценой своей жизни. От тебя зависит его сохранность, пока не установит взрывчатку в опору моста, а дальше – по обстоятельствам. Антипин, ты должен любой ценой дойти и установить взрывчатку. И, прошу тебя, будь проворней и воспользуйся с укороченным огнепроводным шнуром, как я вас учил. Так будет наверняка. Убедись в воспламенении и постарайся скатиться быстрее с насыпи. Дальнейшие ваши действия – постараться спрятаться в камышах, как можно дальше, отсидеться и пройти обратно этой же тропой. Другой дороги нет! Через 20-30 минут из гарнизона, что в деревне,

примчатся на автомашинах автоматчики с собаками, и спастись от собак по воде будет легче. Минные поля, в момент бегства, не одолеть.

Теперь о моей группе. Мы переправляемся в темноте, не спеша и собираемся в тылу, напротив другой опоры. Наша задача состоит в том, что перед самым рассветом устраиваем штурм вышки и караульного помещения. Ползем, чтобы оказаться как можно ближе к тупику, пока не заметят. Балоян с Сашко, которые стреляют из нас лучше всех, расстреливают пулеметчика с вышки и прожектор, я с Сергеем Бортниковым берем на себя караулку и остальных, кто будет наступать. Уничтожить много фашистов не удастся, но должен быть такой шум, как при наступлении целого взвода. За это время, оставшиеся Антипин с Реджеповым должны подобраться к цели и установить взрывчатку. Бой ослабит внимание фрицев на их участке. Моей группе приказа об отступлении не будет, но можно начинать отступление по сигналу, которым будет взрыв моста. Теперь подсчитаем нашу огневую мощь. У нас будет 12 гранат и четыре автомата, что не так много, но шуму наделать можно. Применять гранаты нужно будет поочередно с выдержкой небольшого времени, чтобы дать побольше времени подрывникам. Думаю, что все немцы ринутся на наш берег, принимая за партизан, а Антипин с Реджеповым за это время справятся с взрывчаткой и шнуром. Столько толпу в одном месте сделает дело наверняка. Теперь подсчитаем фрицев: 1) на вышке один, а в ночное время, двое, чтобы управляться с прожектором; 2) расчет зенитки – 3 или 4 человека; 3) четверо пеших патрулей вдоль линии; 4) в караулке такое же количество наряда и плюс к ним пару фрицев с собаками и команда бронепоезда. Итого получается человек 25 - 30. Вполне разумная цифра, даже меньше роты

получается. Если загасить первыми выстрелами прожектор, то времени до взрыва потянем. Понимаю ребята, что рискуем жизнями, но вместе нам не пробиться. Нам не дадут возможность и кинут все силы в одно место. Другого пути я не вижу. Это – приказ! Времени повторять потом не будет, а потому прошу зарубить на носу, что сигналом Антипину и Реджепову для подкладки взрывчатки послужит начало нашего боя на другом берегу, а взрыв моста – будет сигналом для моей группы, что дело сделано и можно отходить! До получения этих сигналов, никакие действия не допустимы! Всё!

Переплыть реку удалось только в течение трех часов, ибо Беспалов не хотел, чтобы на водной поверхности оказались сразу два человека. Хотя бы трое должны быть в это время боеспособными. Люди нужны для будущего боя, и каждый будет держать широкий обзор и создавать такой шум, что отсутствие хотя бы одного из них скажется большой потерей. Прожектор на таком расстоянии не так был страшен, хотя казалось, что высвечивает насквозь, и фрицы заметят. Однако луч соскальзывал по дальнему расстоянию на задерживаясь, и более медленнее обшаривал ближние к мосту объекты. Трудность возник только при выходе на другой берег. Течение оказалось сильнее и относилось к крутому месту берега, что осложняло подъем. Однако собрались вместе и долго отжимали всю одежду, почти лежа, поскольку обсохнуть было невозможно. Говорили на ближнем расстоянии и жестами. Время наступило такое, которое хотелось бы растянуть на многие часы, а оно несло во всю прыть. Впереди – бой. Нужно выдвигаться как можно ближе к железнодорожному полотну, хотя бы на расстояния выстрела. Ползли цепью по четыре метров друг от друга, чтобы в бою создать видимость широкого фронта наступающего войска. Не спе-

шили. Еще рановато начинать шуметь. Надо перед самым рассветом и в момент смены караула, место которой хорошо изучил сам старшина, чтобы открыть огонь вместе с Сережей Бортниковым одновременно и выбить самых ближних врагов. Вместе с ними откроют огонь по вышке Балоян с Игнатьевым. Вдвоем по прожектору им не промахнуться, но надо подползти еще более двадцати метров. Это самый сложный участок, ибо любой неосторожный шум может привлечь внимание двух часовых, которые шли к середине моста, где встречались с часовыми, идущих со стороны подрывников, а после - развернувшись - проделывали обратный путь. Ночь была не такой лунной, но слышимость отличная. Даже различным тихий говор часовых в середине моста. Немцы не особо осторожничали, ибо находились, как считалось, у себя в тылу. Слева на расстоянии нескольких верст, небо имело более светлое озарение. Там находились немецкие позиции, куда направлялась вся техника через этот мост. Там их прожекторы чертили небо в поисках и перехвата наших самолетов, а еще дальше, наверное, их линия обороны и позиции. «И все же мы молодцы, что прошли такой путь, обогнув позиции свои и фрицев. А ведь могли застрять или подорваться на минном поле, - подумал Беспалов, - молодец Игнатьев, что обнаружил тайную тропу. Пусть это всего лишь невиданная удача, но ведь мог просто напороться на немецкий наряд, ввязаться в бой, перечеркнув все планы командования. Везучий, однако наш Сашко». Последние напутствующие слова бойцам он проговорил почти шепотом:

- Бой, после первых выстрелов, будем вести с «положения лежа» или из-за любого укрытия. Ни на минуту не забывайте, что мы не снайперы и прошли такой путь не с целью уничтожить с десятков фашистов, а продержаться как можно дольше, чтобы Анти-

пин успел подорвать мост. Берегите себя, каждый из нас играет роль целого отделения.

И все же, получилось, что везение штука капризная и изменчивая. Справа появился и усиливался неясный шум, который возрастал каждой минутой. Из караульного помещения выскочили несколько фрицев и пошли в сторону группы. Приблизился состав, который встречали дежурные немцы с двумя фонарями. Сами фонарики не могли причинить вред, поскольку светили тускло, подавая сигнал вдоль по линии, а вот свет от приближающегося локомотива бил далеко, а ползти назад не имело смысла – не тот момент, чтобы шевелиться. Бойцы вжались к земле, боясь даже дышать. Свет был яркий, и бойцам очень хотелось, чтобы состав поравнялся с ними быстрее, когда широкий луч начнет обозначать только передние объекты, параллельно железнодорожной линии, а по бокам воцарится еще более густая темень для привыкших к свету глаз.

Старшина Беспалов, растерявшийся вначале, прокручивал в голове два возможных варианта будущего боя. Если состав длинный, то придется пропустить, поскольку бой запоздает из-за того, что состав встанет между ними и фрицами. К тому же, наверное, сбросит скорость. Тогда бой состоится после того, как состав пройдет мост. Если состав короткий, с несколькими вагонами, то есть возможность начинать бой сразу за последним вагоном, против «ослепших» от его фар немцев. В таком случае, Антипину, может, удастся взорвать мост вместе с эшелонном. Амбразуру ДОТа, направленную в его сторону ослепит локомотив, а он успеет с первыми выстрелами подбежать к опоре моста и поджечь шнур. Только бы он не заторопился в порыве азарта, чтобы спустить под откос эшелон, и не засветился раньше времени. Есть и другая опасность – начнем бой сразу

на последним вагоном, а Антипин не услышит выстрелы и разрывы гранаты из-за шума состава. Видимость ему эшелон тоже закрывает. Не стоит рисковать! Пусть пройдет этот состав. Все же начало боя служит сигналом для подрыва моста. Спешкой можно помешать Антипину, который является основным исполнителем всей диверсии. Торопить его не стоит. Юра улыбнулся в темноте своим мыслям: «Подави-ка командир сначала свой азарт. Один состав не может служить целью, когда вопрос поставлен ребром – остановить поток эшелонов на несколько дней. Нужно пропустить весь состав, чтобы они там с Реджеповым увидели и окончательно убедились, что начался бой и можно приступить к делу».

Бой начал сам Беспалов и не совсем так, как было задумано. План изменили фрицы, которые провожая состав, решили покурить. На них и полетела первая его граната, а сразу следом прозвучали выстрелы ППШ справа, и потух прожектор. «Совсем даже неплохое начало» - успел подумать Беспалов стреляя по часовым, бегущим вдоль линии, но они тут же попрятались. Остальные бойцы стреляли в сторону караулки, откуда выбегали немцы, которые потеряв несколько человек, расползлись в разные стороны и открыли ответный огонь. Заработали сразу два немецких пулемета: из открытой двери караулки и со стороны зенитного расчета. Били они на вспышки ППШ, и намертво упал Сережа Бортников, сраженный в живот крупнокалиберной пулей со стороны зенитки. Туда бросил гранату кто-то из своих, но она взорвалась, не долетев до цели. Еще одна граната взорвалась возле двери караулки, пулемет заглох ненадолго, но внезапно «ожил» через пару минут. Фашист был не один, а значит, сообщить в гарнизон они успели. К тому же бой был громким и, наверное, они и без рации или телефона поняли, что на

мост совершенно нападение партизан. Поди, уже грузятся в машины. Беспалов послал длинную очередь в сторону ожившего в караулке пулемета, но почувствовав резкий толчок и острую боль в районе шеи упал в бок. Это начал стрелять еще один пулемет с вышки. Из шеи хлестала кровь, рана была смертельной, и он крепко зажав рану руками, повернул голову в сторону моста. Именно в этот момент в том конце прозвучал сильнейший взрыв, и в красках начинающегося рассвета было видно, как высоко в небо полетели куски бетона, а пролет моста со скрежетом повис и покачиваясь издал последний звук и нырнул своим концом в реку. Молодец, Антипин! В это время, теряя память, Юрий увидел бегущих к нему немцев. Слышимость была приглушенной, как из под земли, а силуэты немцев начинали расплываться. Он понял, что умирает и из последних сил достал гранату-лимонку и сорвал чеку.

«Машутка моя, Машенька. Тяжко вам без меня будет. Но мы выполнили приказ, а значит вы будете жить. Мы сделали это! Моста больше нет! – глаза его застилала слезы радости, к чему он не удивлялся и видя стоящих рядом фашистов, проговорил, - Принимай Олег Павлович работу». Пальцы его разжались, и под ноги фашистов покатила граната. Взрыва он уже не мог слышать...

Тяжело раненный Реджепов был подобран возле передовой через три дня, успел доложить о выполнении задания и отправлен в тыловую госпиталь, а полковой писарь заполнял представления наград посмертно: на гвардии старшину Беспалова Юрия Николаевича, ефрейтора Балоян Роберта Григорьевича, рядовых Игнатьева Александра Ефимовича, Бортникова Сергея Николаевича и Антипина Григория Федоровича. Капитан Берестов звонил дважды в день и торопил с наградными листами. Фашисты по-

шли в наступление. «Они были бы вооружены гораздо большим количеством техники, если бы не мои ребята, - размышлял комбат. – Пока фрицы восстанавливают мост, начнется наше наступление с флангов, а про этот мост забудут все. Все, кроме меня. Вечная память, ребята».

Спустя несколько месяцев, уже после освобождения Белоруссии, награжденных посмертно станет меньше на одного человека. Объявится Игнатъев Александр-Сашко, который в тяжелом состоянии был подобран жителями в глубоком тылу врага и тайно переправлен в партизанский отряд. В отряде ему, как подрывнику, не будет равных. Всегда подобраный, хотя и постаревший раньше времени, он станет инструктором по подрывному делу для «лесных мстителей» и обучая их будет стараться походить на своего бывшего наставника и командира – старшину Беспалова Юрия.

ЩЕПКИ

Умер Свалухин Федор Иванович, один из немногих фронтовиков нашего городка. Народу на кладбище было много, было целое море цветов от родных молодежи, ветеранской организации. Много было мужчин нашего микрорайона из числа автолюбителей. Федор Иванович более пятнадцати лет был бесшумным председателем нашего гаражного кооператива. Последние годы мы его особо не тревожили и пытались делать все необходимое без его участия. На собрания приглашали обязательно, советовались с ним, чтобы был в курсе событий и поддерживал активистов перед остальными членами кооператива. Основные вопросы касались благоустройства территории, когда нужно было спланировать участки грейдерами, класть асфальт или протянуть электричество на вновь построенный гаражный ряд. Занять небольшой участок земли между гаражами и заводом железобетонных изделий была его инициатива, и оформление всего этого он потратил много времени, прежде чем утряс вопрос в администрации города. Некоторые жильцы близлежащих домов уже начали устраивать свалку на этом пустыре. По такому случаю, Федор Иванович надел свой серый пиджак, с прикрепленным орденом Красной звезды и медалью «За отвагу» и начал отбивать пороги кабинетов администрации. В результате этот «коридор» между гаражами и заводской оградой отошел к кооперативу. Правда старику было обидно, что списком желающих и предоставлением участков занималась сама администрация.

- Дали ли бы мы эти участки местным водителям, кто превращает наши дворы в ночные стоянки. А сейчас, пожалуй, их захватят блатники из других

районов, у кого связи там есть, - горевал он, - только кто нас послушает. Да ладно, теперь у нас полный набор и единая территория, которую можно будет огородить с трех сторон до заводской ограды и сделать общий заезд, а то научились, понимаешь, заезжать, кому откуда вздумается. Сами указывают путь, откуда можно войти, чтобы украсть или угнать чужие машины. Будет теперь порядок.

У меня с Федором Ивановичем сложились очень близкие отношения с того дня, когда однажды пригласил его к себе после митинга в честь Победы, чтобы угостить рюмкой чаю и поговорить о жизни. Говорили – правда - в основном о его фронтовой жизни. С того дня он бывал у меня часто и даже облюбовал себе постоянное место у окошка на кухне. Как-то однажды говорил, что меня считает за сына, хотя это было не так. Он, скорее всего, был старшим товарищем, и разговоры у нас происходили почти на равных, споры наши проистекали всегда мирно и я старался уступать ему во всем. Я родился через десять лет после войны, а он успел испытать её на себе. Я его уважал. Уважаю, так вернее будет.

Последняя наша встреча, которую мне никогда не забыть, оставила тяжелый след. Его слова «Нет, не за такую страну мы воевали», не дают мне покоя и поныне.

- Мы ведь не стоим на одном месте, не может все остановиться на том уровне, - пытался я ему робко возразить, но это его не остановило.

- Не понял ты меня, Володя. Ты меня извини, хрен с вами, если вдруг взяли и решили идти к капитализму, но перечеркивать историю, перекраивать на свой лад было, наверно, не обязательно. У нас, ты знаешь, очень славная история. Не кто-нибудь, а мы спасли весь мир, и таких стран больше нет. Я живу последние свои годы и живу я лишь прошлым,

а потому имею право на свое мнение. На войну реви-зионисты пока не могут замахнуться, пока живы мы, её последние участники, ибо мы - живые свиде-тели, которых нельзя взять и перечеркнуть. Однако все то, что было до войны уже искажено до невоз-можности. Все сводится к тому, что мы валялись дур-ка под предводительством германского шпиона Ло-нина. Неужели сами в это верят? Да, не может тако-го быть. Просто кому-то нужно, чтобы не оставить никакого следа от тех героических лет. Я, конечно, родился после гражданской войны, но помню, как поднималась страна. Огромная страна, Володя, ок-руженная со всех сторон врагами, не только подни-лась, но и стала державой. Мы, заметь Володя, сно-ва мы, а не кто-нибудь умудрились создать государ-ство без эксплуатации одних другими. Это сейчас обливают грязью своих дедов и прадедов, а знал бы ты, как нас уважали простые люди во всем мире. Они шли уже на своих правителей, защищая нас, ибо эта была великая идея всех трудящихся, и именно мы её воплотили, Володя. Снова - Мы, хочешь ты этого или нет. Нас уважали и даже побаивались. Стаханов-цы и многостаночники были тоже не сказкой, как сей-час принято считать, Все это было на самом деле. Мы научились за один-два года строить заводы. Были и электрофикация, коллективизация, индустриализа-ция. Все было. Это сказочно звучит, но не сказка.

- Да ладно тебе, Федор Иванович, я ведь в со-ветской школе учился и все это помню.

- Ну, это верно, помнишь, - согласился он и вроде как, устал от своих переживаний.

Зря это я его перебил.

Мы выпили, и я по старой привычке решил по-вернуть его мысли на фронтовые воспоминания, хотя и знал, что это будет непросто. Он был так реши-тельно настроен защищать, по сути, всю свою жизнь,

что мне едва удалось завладеть его мыслями, а горю по правде – перебить. Мы ведь все живем сегодняшним днем, и я не мог знать, что разговариваем в последний раз.

- Скажи, Федор Иванович, тебе пришлось участвовать в рукопашной схватке с фашистами? Уж больно интересно знать об этом из первоисточников.

- Ну ты и спросил, Володя, - смеялся старик, - я же танкистом воевал.

Когда смеется, его маленькое лицо бывает таким морщинистым, а брови становятся «домиком», что смеюсь вместе с ним. Он уже привык к этому и никогда не обижается и даже, напротив, как мне кажется, делается таким специально, чтобы смеяться вместе.

- Хотя был один такой случай, - продолжает он. - Мы должны были сходу форсировать небольшую речку и сходу занять оборону врага, чтобы удержать до основных сил. Одна танковая рота и около батальона автоматчиков. Получилось так, что пехота переправилась быстрее, а мы завязли и занимались тем, что помогали друг другу завершили переправу, когда уже все было кончено. Фашисты, кто должны были прикрывать отступление своего штаба и основных сил, не могли сняться со своего места, у них был свой приказ. Вот они-то не захотели, чтобы их забросали гранатами, и вышли во весь рост против нашей пехоты. Когда мы подошли следом, то дело уже было сделано, что нам осталось лишь помочь пехоте подбирать раненных, ждать вместе приказа дальнейшего наступления. Потом пришлось их взять на броню и наступать вместе - каждый танк со своей группой пехоты. Там, Володя, я встретил земляка из под Челябинска, который все мне и рассказал. Участок, где они бились, оказался совсем небольшим, перед са-

мыми окопами неприятеля. а потому пришлось им туго. Всё вокруг утоптали. Когда бились, то в основном молчали. Лишь изредка стояло мычание, как при смертельной схватке и - временами- русский мат Драка - она есть драка. Плохо пришлось тем, кто не успел примкнуть винтовкам штыки, ибо бились спиной к спине или плечо в плечо, развернуться было не так-то легко, ибо фашист был впереди тебя, с боку и даже сзади. Немцам так же приходилось туго, ибо их шмайссеры лишены такой ценной части, как приклад нашего ППШ. Приклады и ножи были незаменимы. Били, как говорил земляк, по лицу, в висок и пинались кто и как мог. Он сам убил первого немца за всю войну (хотя мог раньше просто не видеть) выстрелом в упор, а после уже не имел возможности стрелять. Приклад у него разлетелся от удара по фашистской каске, что третьему пришлось проткнуть глаз стволом, болтавшимся на ремне с остатками приклада. Самым удачным, как после выяснилось, оказался комроты со своим ТТ. Он успел выстрелить всю обойму, и даже прикончить еще одного фашиста, после перезарядки. А коли промахнуться с такого расстояния нельзя, то и стрелял: один патрон – один фриц. Получается, что при рукопашной схватке лучше пистолета ничего и быть не может. Хотя, думается мне, лукавил старлей, но троих-четверых, пожалуй, прикончил. Вот это все, что я видел и слышал. Земляка я угостил, конечно, тем, что оставалось от экипажа. На войне земляков принимали как родственников. Чуть где пополнение или соединение частей, так сразу начинаешь искать земляков : «Ребята, Курские есть?!», «Кто из Рязани?!», «Сибиряки, подай голос!». И еще одна сторона рукопашной схватки это - число раненных. Их бывает гораздо больше, чем при наступлении. А ведь это обуза. Своих нужно вывести в санитарные роты, да и не всякого фашиста

возьмешь в плен. Были фашисты, за коими нужен постоянный уход, и они вот-вот помрут от ран. Не возить же такого на своей броне, чтобы потом похоронить. Война она вещь такая, даже своих иногда похоронить бывает некогда. Вот и земляк мой не успел, как следует развернуться, что потерял сознание от удара по голове, что ели привели в чувство. Возможно, что даже свой мог садануть в горячке, приняв за фрица. При мне этот отличившийся комроты с пистолетом рассмешил своих солдат, что эта не его работа, ибо после него не поднимаются. Хвастать этому ротному легко, но если бы его не прикрывали свои солдаты, то он вряд ли мог вообще в живых остаться. Фрицы они, Володя, тоже не дистрофики, и прикончить вражеского офицера тоже считают делом чести. Такие вот дела, Володя творятся на войне. Это сейчас стали писать, что побеждают супермены, идущие во весь рост с пулеметом наперевес. Очень тяжело приходилось. Холод, голод, вши... Даже у нашего стрелка-радиста была поговорка, что вши заводятся от тоски по родине, по родным местам. Мы верили в это.

- А, скажи, Федор Иванович, было так, чтобы комиссары со словами «За Родину», «За Сталина» гнали бойцов по открытой местности против орудий и пулеметов с одними винтовками?

- Вот и ты, Володя, туда же. Кто кого гнал? Не говори так больше. Не говори хотя бы при мне. Я такого сам не видел, если хочешь, но вполне допускаю. Ты же знаешь, что враг был уже опытным и вооруженным куда лучшим оружием, чем мы. Он уже всю Европу подмял под себя, и на него пахали даже другие страны. Мы действительно были не готовы, но не могли и не хотели отступить, вот и шли на смерть. А слова «За Сталина!» пусть тебя не коробят. Это был обыкновенный боевой клич, который мог

сплотить в бойцов единый порыв. И мне не пристало стыдиться этого, но мы своих вождей действительно привыкли уважать так, что ударились в крайность, но как вы сейчас начинать хаять их уже через год после избрания, не привыкли. Словами «За Сталина» мы поднимались из окопов, но умирали всегда за Родину и никто никого не гнал. Наше поколение не нужно было особо постегивать. Вам это теперь не понять. Такими люди становятся в тяжкие для страны времена и хорошо, что вам такое время не выпало. С высоты нынешнего времени, будучи сытыми и избалованными судить нас по крайней мере неблагородно. Тогда все было иначе, Володя. То, что теперь все, чем связано его именем стали опошлять, никуда не годится. Тогда почти все было связано этим именем. Что теперь нужно писать новую историю? У меня, Володя, у самого были репрессированы братья отца, один из которых так и сгинул в Колыме, не вернулся. Но я вижу, что историю уже начинают переписывать. То, что мы сделали при Сталине, не возможно было бы переделать при восьми Горбачевых и двенадцати Ельцинах. Пока что, научились лишь опошлять. Другого не умеем.

- Ну, это ты напрасно, Федор Иванович, - пытаюсь его успокоить, не зная как снова переменить тему. Разве мы можем забыть своих освободителей. Мы, если хочешь, стараемся на вас походить, строим мемориалы, устраиваем Парады Победы.

- Да, ладно тебе Володя, не о том я, но Парады уважаю.

Воспользовавшись такой согласованностью, предлагаю ему попить напоследок чаю, но так осторожно, что самому неудобно, будто готов прогнать, чтобы не выслушивать всего того, что накопилось в нем за это время.

- Как дела у дочери, Федор Иванович, к которой

прошлый раз ездил лечиться? Все нормально?, - спросил и попал впросак.

- Все хорошо, Володя. Только это было в позапрошлый раз. В последний раз, когда снова прихватило, я лечился в местной больнице.

Стыдно, что я даже не знал об этом, не посетил его.

- Два внука у меня, которых тоже не очень понимаю, хотя люблю очень. Да и они ко мне липнут. Младший, Алешка, все выпитывает не хуже промокашки. Вот я и не хочу, чтобы ему в мозги набивали такую чушь. Пока он еще мал и имеет только двух героев, на кого готов ровняться : Супермен и человек-паук. А патриотизм прививается с малолетства. Я в его годы хотел походить на Корчагина, Суворова и Чапаева. А как учиться в институте старший? Представляешь, он зарабатывает чуть меньше своего отца и говорит, что посещаемость лекций почти нулевая: «Одни тунеядцы и сынки богатых родственников конспекты имеют». Мы ведь, Володя, начинали с ликбезов. Помнишь такое? Нет, конечно. В наше время вся страна тянулась к знаниям, даже стариков обучали, чтобы читать умели, а студентам относились, как академикам. Считалась, что учеба – эта их работа. Они и выросли все настоящими учеными, что стали переманивать в заграницу. А этих, Володя, никто не возьмет.

- Сгущаешь ты все, Федор Иванович, нормальные ребята вырастут, главное чтобы не запили или, того хуже, не начали колотиться.

- Оно и верно. Только вот компьютеры у них, а гам чего только нет. Напиши любой вопрос и, на тебе, будьте любезны, а вранья выше крыши. И по моим вопросам, внучок тоже находил ответы. Я попросил найти данные о самом отъявленном предателе, каковым считаю генерала Власова. И представляешь,

нашел. Лучше бы не находил. Я от такого ответа чуть снова с ног не скопытился, даже уехал раньше времени, чтобы дома успокоиться, где стены помогали. Там один кандидат исторических наук, будь он не лоден, пишет о Власове, будто тот ушел к врагу потому, якобы, что не смог разделять мнение Сталина. Представляешь? Таким вот образом он отстаивает свое мнение, «находя» у других историков «ошибки», чтобы значит быть впереди их из-за современности мышления. Каково? Мне он будь хоть трижды кандидат, но останется обыкновенным засранцем (это слово он употребляет частенько, но раньше не хотелось повторять, а тут, замени его другим словом потеряется смысл).

- Ну, может, у него есть какие-нибудь документы или записи самого Власова?

- Не знаю. Я, не мог даже дочитать такую чушь. И вообще, не дуркуй, Володя. У него даже штаб ухитрился вырваться из окружения, а он ушел с бабой к фрицам, кому и служил, агитируя наших пленных громить свою Родину и вешать свой народ.

- Успокойся, Федор Иванович, - говорю ему, уже действительно опасаясь возможного приступа, ибо старик был взбешен не на шутку. Он даже в лице переменился.

- Все нормально, Володя. Все нормально, - успокаивал он больше себя, чем меня. - Просто я не поверил своим глазам. Как можно такое допустить, чтобы наш человек мог писать такое. И что обидно, Володя, что эти словоблуды будут преподавать историю таким, как мой внук. Или же могут другие по «трудам» этого засранца. Думаешь, такого не допустим? Ошибаешься, Володя, все идет к этому. И будут они читать, что Власов – это национальный герой, который не побоялся одним из первых выступить против тирана. Там почти так и написано, оста-

лось найти знакомых и втиснуть в учебники. Какие же мы все сволочи, что допускаем такое! А почему бы половину истории о войне не посвятить генералу Карбышеву? Ведь именно в таких вся суть наша, наша негибаемость и готовность к самопожертвованию за свою Родину. И вы, писатели, хотите обскакать друг друга своим «современным мышлением».

- Ну это ты зря, Федор Иванович, - говорил ему удивленно. - Во первых я не писатель, а просто большой на всю голову человек, который не может не писать свои мысли. И к писателям у меня нет такого мнения, хотя, наверное, всякие есть. К тому же это очень хорошо, когда все пишут по-разному. Все давно сыты этой «генеральной линией». И хорошо, что сейчас никто не напоминает, что лирика должна иметь классовую сущность.

Старик молчал долго, посмотрел на пустую чашку, и попросил еще чаю.

- Я не хотел тебя обидеть, Володя. Я никого не хотел обидеть, но смолчать тоже не смог. Не знаю, помнишь ли ты, но в одно время было такое, когда «современники» из писателей скопом набросились на тех, кто писал о великих стройках, знаменательных открытиях. Или они завидовали Сталинским премиям, коими те были отмечены или авансам, которые те получали, чтобы изучать эти стройки на месте, чтобы заручиться словами своих героев, но точно одно – они вольно или невольно за то, чтобы не осталось ничего от той действительно героической эпохи. Неужто, так позорно восхвалять свои успехи? Теперь даже слова «Трудовой героизм» непонятны и выпали из лексикона. Они для вас просто не стыкуются, вы привыкли говорить «зарабатывать больше других». А ведь он был, этот трудовой героизм. Эта моя жизнь, Володя, моя эпоха, а вы строители мемориалов, решили очернить её всю, оплевывая от-

цов и дедов только потому, что они строили и жили при Сталине. Вот, напиши ты эти слова, тоже обзовут сталинистом. Я тебе точно говорю, Володя. Мне обидно, и не хотелось бы, чтобы и ты испытал перед смертью такое, что пишут о нашем времени. «Иван, непомнящий родства» в тыщу раз лучше того Ивана, который пытается очернить своих предков. А умирать проклятыми нам не хочется. Неужели не видите, что снова рубим и снова летят щепки? Это страшно, Володя. Очень страшно.

Успокойся, старый, - я беру его руку в свою и улыбаюсь, но что он отвечает, но как-то вяло, чтобы только поддержать меня. На слово «старый», он всегда откликается мирно, словно оно вызывает какое-то особое доверительное отношение. - Мы не такие уж страшные, как ты думаешь, хотя таких тоже хватает. Ты же знаешь, такие всегда были, но мы ничего не забыли и я даже согласен со многим, что ты говорил.

- Ну, если так, то и вправду не так обидно, Володя. Может, мы старики и вправду любим ругать новое поколение, но, знаешь, мне ваш капитализм тоже не шибко нравится со своей безработицей и , извини, проститутками. Но, если вам нравится, то и живите, как считаете нужным. Наверное, молодежь привыкнет и к такой жизни. Они, Володя, приучатся жить при любой власти, научатся и за счет других жить и подчиняться другим, находя свои мелкие радости. Одно радует, что нас уже не будет. И не перебивай, Володя, а то собьюсь. Мы стояли горой за свой социализм, его защищая умирали, а если вы захотели уйти от того величественного, что нас выделяло среди всех стран обратно к тем, за чьей задницей готовы тащиться и им же подчиняться, то это ваше дело. - и тут он вдруг засмеялся заразительно, захлебываясь до красноты, - видал как я заговорил, только за-

писывай. Вот разошелся –то!

Сейчас, конечно, слово в слово вспомнить не смогу, но суть и основную его мысль передаю в точности. Да и совсем о другом я думал при встрече. Хотелось написать еще один рассказ, где бы присутствовала рукопашная схватка, был уже главный герой и некоторые готовые эпизоды. Сейчас я испытываю другие чувства, да и его воспоминания решил оставить здесь же, чтобы не выглядели половинчатыми. Надо все, как есть. Хотя бы в память о нем.

Этим последняя наша встреча и окончилась. Старик, как было видно, и в правду много думал и переживал. Как оказалось, в конце он сказал об этом сам, ему и вправду передали врачи, что проживет год-два от силы. Я, после этих слов, проникся к нему особой настороженностью, не перебивал и не подгонял, чтобы вспоминал истории из фронтовой жизни. Пусть выговорится.

Мы снова пили чай, вспоминали его внуков и дочку, первый и последний раз которых я видел на кладбище. Прожил Федор Иванович чуть более двух месяцев с того дня, а я никак не могу забыть его слова «снова рубим, снова щепки летят» и особенно «Нет, Володя, не за такую страну мы воевали». А я еще умудрялся спорить с ним и не соглашаться. Словно предал его тоже, где-то в чем-то, но предал

КВАЗИМОДА ГЕРАСИМ

1.

Кто нарекли таким редким именем – Лазарь, тот не знал и никогда не додумался бы выяснять. Родился, вот и назвали. Он и вовсе привык думать, что дети рождаются уже с готовым именем. Не номера же присваивать. Да и какая, собственно, разница

А имя ему дал батюшка поселковой церквушки по просьбе обоих набожных родителей – Ивана и Зинаиды. Он родился третьим по счету, но был единственным ребенком, ибо первых два померли при родах. Этот также родился длинным по росту, но хилым и с огромной головой и едва дышал, что Зинаида начинала уже причитать, ожидая всё тот же приговор. Однако, пацан заорал на всю операционную после третьего шлепка по попке, дескать «Буду жить, только не бейте!». И все же получил от акушера еще один, контрольный, шлепок: «А куда ты денешься, заморыш». Родители посчитали, что он воскрешен самим Христом им на счастье и, по совету батюшки, назвали Лазарем.

Так, на свет божий появился Лазарь Иванович. Рос мальчик молчуном и не капризным, хотя родители души в нем не чаяли и сильно баловали. Пацан сидел себе в углу, играл и принимал все как должное. Лицом он, мягко говоря, не совсем удался, но его длинные и широкие в деда кости быстро обрастали мясом, придавая более симметричный и сносный вид, чем он бесконечно радовал родителей. Как принято, и ежика говорит, качая свое чадо: «Мягонький ты мой». Во дворе, а после и в школе, с ним никто не дружил. Он любил слоняться в одиночестве, а учителя «вытягивали» из него на уроках каждое слово щипцами. Однако, задачки решать Лазарь Иванович любил и даже давал списывать всем подряд. Его,

правда, никто и не спрашивал – забирали тетрадь без спроса и списывали все, кому не лень. Его это не волновало.

После окончания восьмилетки, Лазарь пошел работать учеником шлифовщика в фанерный комбинат, расположенный в поселке. Из деревень их возил служебный автобус «Пазик», всегда переполненный, как бочка с селедкой. В город, куда подалась вся молодежь, его непустили, боялись за него, да и сами родители уже были не так молоды. Он ведь должен был быть третьим ребенком, а они после каждой неудачной попытки не так быстро набирались смелости, чтобы снова пытаться обзавестись продолжателем рода. Комбинат, который был так назван без особой скромности, имел два маленьких цеха, но заказы были всегда. Клееная фанера у них изготавливалась, можно сказать, в ручную и была качественная, что вполне устраивало заказчиков – мебельный цех и фабрику музыкальных инструментов, расположенные в городе. Малотоксичная клеевая смола приобреталась у других, что было весьма накладно, но комбинат был на плаву и даже имел свой Дворец культуры и подсобное хозяйство с теплицами и свинарником для заводской столовой.

Это двойное прозвище «Квазимодо Герасим» прилепился из-за сутулости и известного всем рисунка детской литературы о Герасиме, утопившем Муму. Лазарь, малость походил на изображение книжного героя, а кто прочитал про французского горбуна никто и не помнил.

Отслужил Лазарь в артиллерийских войсках, куда его направил сам военком. Будучи человеком дотошным этот старый майор решил: «Уж больно огромный детина этот призывник, не обойти его и не передвинуть. В пехоте он замается окопы под свой рост капать, пусть пушки таскает». Службу он пере-

нес так же нормально - громко радоваться не мог и жаловаться не умел. Команды исполнял так, как и приказывали. На нем «ездили» не только старшие служащие, но и свои сверстники и никак не могли пережить его характеру. Он мог повернуть всю работу расчета один, но уставали к концу дня те, а не он. Служба, она только кажется длинной, но тоже проходит быстро, особенно для таких, как он. Зима-лето зима-лето, и ты дома.

Когда Лазер вернулся домой, мать сильно болела, а отец совсем опустил руки и не отходил от Зинаиды. Так уж получается в этой жизни, что в подобных случаях первыми поддаются, казалось бы, самые сильные мужики. Более слабые, как менее приспособленные, продолжают оставаться теми, кем они были всегда. Потрясений они испытывают тоже не в таком количестве, как волевые. Связь с женами у них тоже менее слабая, протекающая в одном направлении - от жены к ним - задевает не так больно. Сильное же и широкое в любви сердце, обычно предпочитает не брать, а отдавать само, не находя привычного смысла работы из-за образовавшейся пустоты внутри себя. Оно страдает от поисков другого человека, и от избытка чувств, не находя привычный объект, быстро начинает терять эластичность, болеть и чахнуть. Будь ты трижды технарем, отрицая отсутствие души, предполагая, что сердце – всего лишь насос по перекачиванию крови, но там расположен этот комок чувств, называемый душой, дисбаланс в котором, пожалуй, и нарушает всю работу поршня.

Иван, после похорон жены, прожил недолго. Занять себя чем-нибудь другим не смог, отовсюду зияла пустота и никчемность всяких потуг. Смысл жизни исчез так и не понятый им до конца, и впереди не было ничего, ради чего стоило начинать что-

либо заново.

Мать болела долго, и в течении целых шести лет Лазарь был возле родителей, ухаживая за стариками, выполняя любую работу. Состояние отца он понимал и никаких упреков ни разу не высказал. После похорон отца, он стал еще более нелюдимым. Жителя деревни, ранее называвшие его за глаза двойным прозвищем «квазимодо Герасим» из-за фигуры и общего вида, придумали новое – «Бирюк».

2.

Женился Лазарь, когда ему исполнился 41 год. Вернее ему сосватали Галину, проживающую со старой матерью в деревне Поляны за рекой. Деревня, наполовину брошенная, множеством старых нежилых хибар, заросла бурьяном и была окутано старыми тополями с вечно пыльными огромными листьями. Лазарь в тот год, как-то отряхнулся и один, без подмоги, стал рубить дом во дворе родительского дома, построенного еще дедом. Работал он, не зная усталости с утра и до темноты. После Армии устроился на тот же фанерный комбинат, но начинал тюкать топором до служебного автобуса, а после работы продолжал в том же духе. Когда он успевал переодеться и ел ли вообще чего-нибудь, никто не знал. Увидеть пустой двор мало кому удавалось, вечно там копошился и тюкал топором высокий и сутулый Бирюк, словно заводная игрушка, батарейка которой никак не могла выработать срок службы. Толи он, таким образом, уходил от тяжелых мыслей, толи и в правду решил начинать новую жизнь, кто его разберет. Бирюк – он есть бирюк.

Все знали, что за рекой со старухой ведьмой живет женщина по имени Галина. Шла в народе молва, что она с помощью матери присушила когда-то

мужика, проживающего в поселке, который, от постоянного употребления заговоренного старухой зелья заболел головой и стал сильно её бить. Из уст в уста передавали, что мужчину, впоследствии, совсем отравили ядом, изготовленным старухой, поскольку со временем он причастился бить смертным боям их обеих. Мужа Галина хоронила на общем кладбище, и эту могилу предпочитали обходить все жители этих деревень. В родительские дни туда никто не подходил, а хоронить усопших предпочитали подальше от этой могилы. Галя работала в заводской теплице, что люди, в одно время, перестали есть огурцы с помидорами, пока администрации комбината и сельских поселений не провели «разъяснительную работу». В столовой комбината и вовсе было объявлено, что второе блюдо не отпускается тем, кто не берет салат из огурцов и помидоров. Такое безобразие, конечно, продолжалось всего пару дней, но подействовало. С Галиной так же никто из товарок дружить не хотела, хотя она всегда выказывала простой и открытый характер. Начальство её ценило и ничего потустороннего не находило.

Неизвестно, кто был инициатором, но жильцы деревни решили женить Бирюка на этой Гале. «Одного сапога пара, - говорили они. - Пусть это лихо будет сосредоточено в одном месте, так будет спокойнее». Сватов выбирали, чуть ли не сельских сходом, собравшись возле клуба, долго спорили и отправили на лодке сватов к старухе-ведьме, чтобы она отдала свою дочь за их Бирюка, поскольку де он не пьющий, работающий и никогда женатым не был. Возможно, что эта была лишь злой шуткой кого-то из жителей села, но никто не ожидал такой быстрой реакции. Уже на другой день старуха переплыла на нанятой моторной лодке вместе с дочкой к их Бирюку, а обратно уехала одна, буквально минут через

десять-пятнадцать. Жители, вышедшие на улицу для долгого обзора «представления», остались с открытыми ртами, только и могли, что уставившись друг на дружку, хлопали глазами. Главное дело, никакого скандала или ругани из дома не доносилось, только Бирюк в этот вечер топором не тюкал. Все жители деревни легли поздно и недовольные, словно проделали напрасный тяжкий труд, а отдачи от неё никакой не было.

Галина в это время брала инициативу в свои руки и обнаружила, что Лазарь неплохо разговаривает, умеет краснеть и очень дружелюбный мужчина. Первым делом, она подмела полы и, собрав немытую несколько дней посуду в ведро, пошла на речку. Прошла она огородами, чтобы не удовлетворить любопытство вконец разочаровавшихся жителей.

На другой день, они оба отправились на автобус и разошлись по рабочим местам. Вечером жители, не дождавшись никакой увеселительной программы, вообще пали духом: Лазарь тюкал топором, а Галина, придя из магазина, собирала щепки, топила в саду печку и готовила еду. Словно так всегда и было. Они что, издеваются? О чем теперь им судачить, что обсуждать? Вот и сватай таких, после этого!

Спать вместе легли на четвертую ночь. Инициатива снова исходила от Галины, хотя и не скажешь, что Лазарь имел что-то против этих стараний. Он, молча, соглашался со всем, что она предпринимала и даже, оттаивая и словно освобождаясь от большого груза вечного одиночества, почти прорычал:

- Я же тебя сейчас всю сожру, дура ты такая.

Как говорится, ласковое слово и коту приятно, а то, что это было проявление ласки, Галя не сомневалась. Молча улыбаясь в темноте к этому дрожащему голосу, она, вдруг, яростно подалась к нему на встречу и полетела высоко-высоко, почувствовав дли-

тельную сладкую истому. Природа-матушка превратила их в одно целое, и казалось, радовалась вместе с ними к такому вполне безвинному, в принципе занятию.

- Я лечу, милый. Я лечу, - шептала она, бодро разговорчивая по своей натуре.

И тут, долгое время молчавший даже среди людей Лазарь, брякнул не совсем осознанно, но достоинством практичного человека:

- Летай планеристка, летай, но смотри - не за лети. Сначала надо дом достроить.

В начале, оба поняли, что прозвучало предостережение, но продолжалось это в течение всего нескольких секунд, а после осознали, какой прозвучал каламбур, и долго смеялись, тесно прижавшись друг другу. Вспоминали и продолжали смеяться и потом, попивая чай в маленькой кухоньке.

Однако, как говорится, дни стояли лётные и она, конечно же, залетела. Лазарь никакого недовольства не высказывал, а напротив, стал каким-то домашним. Глаза его потеплели, было видно, что он прячет счастливую улыбку, а сам весь сделался открытым, каким никогда раньше не был. С этого момента Галя стала замечать, что он вполне красивый, по своему, мужчина, а местами даже симпатичный.

3.

Достраивая дом, Лазарь решил перевезти к себе и тещу-ведьму. Иначе как-то не совсем по-человечески получается. Что она одна может делать? Привыкший, и длительное время ухаживавший за своими родителями, не мог допустить, чтобы его Галя не имела такую же возможность быть возле матери. Ведьма, которую –как выяснилось- звали Степанидой ничем от других не отличалась, хотя и была остра на язык и действительно владела кое какими навыками врачевания. К ней правда никто не обращал-

ся, пока не захворала корова Игнатьевых, объевшаяся, на халяву, клеверу из участка подсобного хозяйства. Она паслась там целый день и была такая надутая, хоть запускай на небо, как гелиевый детский шарик. Её гоняли по деревне и переулкам почти целый день, но безрезультатно – желудок не работает, вот-вот протянет ноги (извините копыта). Тогда-то Степанида пришла во двор Игнатьевых сама и предложила своё снадобье, от которого животное быстро разрешилась от бремени, выдав энное количество навоза и на другой день встала на ноги (извините еще раз - копыта). Второй случай так же был связан с коровой, но уже других хозяев. Она сломала себе рог, откуда шел сгусток крови, и скотина перестала есть. На этот раз к Степаниде обратился пастух, павший в немилость перед населением.

- Замордовали совсем, тетя Степанида, - говорил он, - будто это я с ней бодался. Житья теперь не дадут.

Мазь Степаниды из толченых трав, перемешанный древесной золой, дал поразительный результат. Корова стала питаться, а обломок рога перестал тревожить её так быстро, что пастух, гоняя стадо возле дома Лазаря, почти перестал материться. Такого почета еще никто не удостаивался. Пройдя чуть дальше от этого дома , он снова принимался орать на всякую животину такими словами, что приходилось прятать детей.

Таким макарон, бабка Степанида сама завоевала нормальное отношение сельчан и теперь получила вместо «ведьмы» новое прозвище- «коровий фершел». В их деревне испокон веков привыкли давать друг другу различные прозвища. Обижаться не приходилось.

Дом поднимали в начале зимы, созвали ещё четырех мужиков из числа бывших одноклассников, ко-

торые были не прочь оказать посильную помощь. Теща Степанида загодя приготовила снадобье с более приятным и противоположным эффектом, Оля не годилась на то, чтобы поднять на ноги корову, но мужика с копыт свалить могло вполне. Дом не казался таким большим, но оказалось, что изнутри очень даже просторный. Раньше никто и не видел так близко, не считая коллегу с работы Тагира, который приходил снимать размеры проемов для изготовления оконных рам. Оставалось постелить полы и пригласить нормального печника. Мужики, естественно перепились, но уже после хорошо проделанной работы и остались довольны, получив причитающиеся в таких случаях плату. Все обошлось. В хибарке был порядок, ибо никто не захотел отметить события дома. Внутри новой «коробки» будущего дома жить было приятнее, поглядывая на свою работу и бахвалясь каждый своей удалей. Пахло стружкой, и через проемы будущих окон врывался свежий ветер. Красота. До большого снега Лазарь переедет в новые апартаменты. После ухода мужиков, он вошел в хибарку, которую теперь называли времянкой. Там было душно. Галина, бережно обнимая сильно раздавшийся живот, слушала оперу по телевизору. Кто-то ей подсказал, что ребенок, находясь в утробе матери все слышит и воспринимает музыку лучше, чем другие, что это развивает в нем восприимчивость к прекрасному. Теща так же подходила туда, вытирая руки о передник, но плюнула и ушла, вынося свой железный вердикт:

- Скулит, как сучка в заборе застрятая.

Лазарь вышел обратно. Ему хотелось посидеть и покурить снова внутри будущего дома, но уже одному. Как долго он ждал этот момент, кто бы только знал...

Галину с сыном Иваном привезли из роддома

уже в новый дом. Бабка Степанида забежали пуще молодых, словно всю жизнь была занята тем, что ждала вторую молодость. Это был и её домом. Она даже не пожалела самые дорогие для неё вещи: отдала дочь замуж за никем нелюбимого квазимодо Герасима и продала дачникам дом за рекой, чтобы тот мог купить шифер и доски. Не забывала время от времени «случайно» напомнить об этом зятю.

Впрочем, время останавливаться не хотело и неслось, согласно распорядка. Рос и Иван Лазарьевич, ширококостный в папу, но с маминым миловидным лицом и был ужасно разговорчив, словно пытался наговориться за двоих – за себя и папу. Родилась у них и дочь, но через два года. В деревне уже мало кто помнил о прозвище «квазимодо Герасим» и «Бирюк», но если вы вдруг приедете туда и спросите дорогу к магазину, то вам ответят:

- Вон видите бирюковский дом с высокой крышей, так вот за ним через два дома к магазину и упрётесь.

Название «бирюковский дом» так и осталось, но никто из молодежи не знал откуда оно взялось.

Галина содержала мужа опрятным и приятным на вид, часто «выгуливала», чтобы люди видели, какой он у неё ладный. И пусть, будучи молчаливым с детства, не помнил слова не одной песни, никогда не пел, но душа его пела всегда, и был он самым надежным и несказанно нежным мужем.

МЕЛОДРАМА

1.

Давно не удавалось вырваться в лес в такую осеннюю пору, когда деревья роняют разноцветную листву на желтую уже траву и принимают такой суровый таинственный вид, что само по себе располагает раздумью. И не надо в такую пору ораву друзей, суетливо бродивших вокруг поисков грибов, ожидая костер с шашлыками. Такие походы «с культурной программой» нужны летом или зимой, когда сидишь вокруг костра на загодя прихваченных с собой ящиках стеклотары, пропахшие как партизаны дымом, закусывая холодную водку с горячими кусками мяса, обливая с пальцев «семус», состоящий из свиного жира и кетчупа. Тогда суета и громкие разговоры вполне приемлемы и даже напрашиваются сами по себе. Теперь всего этого не надо. Поляна в данное время года должна быть небольшой, окруженная лиственным лесом, состоящим из берез и осины, чтобы среди них присутствовали и кусты боярышника, листья которых принимают красноватый оттенок, что придает особый колорит и разнообразие окружающему ландшафту. Надоедливых паутинок почти не бывает, и редко какая пичуга дерзнет нарушить тишину. Лес в это время года, такой целомудренный и чуткий, не любит суету, но словно друг готов выслушать сокровенные тайны и мысли одинокого посетителя, пришедшего побыть с ним наедине.

Игорь шел, радуясь тому, что сумел-таки заставить себя выйти в лес в этот субботний день в середине октября месяца. Если сказать, что убежал за город в поисках покоя от несчастной любви, полу-

чится как в пошлой мелодраме, так любимой старыми девами и женщинами преклонных лет. Скорее всего, именно это послужило его решению «побродить», но признаться в этом себе не хотелось. Натура мужская, можно сказать, более грубая, предпочитавшая к мелодрамам боевики и детективы, держит в глубине души то, что между мужиками принято называть слабостью, плаксивостью от нетвердости характера. «Сами себя, похоже, обманываем,- подумал Игорь, - а вот лесу осеннему врать не хочется. Он , кажется, всё понимает, а к тому же, никому не расскажет о твоей «слабости». Настоящая жизнь, пожалуй, в мелодрамах больше отображена, хотя в них чрезмерно злоупотребляют сложностями, чтобы выдавить у женщин слезу. Кто знает? В жизни, наверное, и похуже бывает. Женщины, может, поэтому больше понимают, что к чему, а потому более искусны в делах житейских и сердечных».

Ему скоро исполнится двадцать восемь лет, а он до сих пор не женат, хотя после службы в армии влюблялся дважды. С одной стороны он мог упрекать себя в чрезмерной мнительности и разборчивости, а с другой – не хотелось повторять ошибки друзей, которые оба платили алименты, разрываясь между ребенком и налаживанием новых контактов. Один из них, Сергей, был не прочь обрести семейное счастье путем проб и ошибок, был женат дважды и столько же раз разведен. Валера, напротив, осуждал его и часто повторял:

- Метод «научного тыка» тут не подходит, ибо любой «тык», даже архинаучный способен умножать только количество детей и размер алиментов. – смеялся он, - Нужно усердно искать и дольше ухаживать, чтобы понять характер и слабости будущей половинки.

Сам Игорь до конца не смог разобраться и не

совсем определился, но надеялся на удачу, которая когда-нибудь должна грянуть.

- Все женщины, по сути своей, хотят выйти замуж, и каждая из них к семье относится более бережно, чем мы – мужики. Сложность, я думаю, лишь в том, чтобы успеть понять и рассмотреть их скрытые «бзики» до появления пеленок, ибо потом будет поздно. Больно они стали самостоятельными и непременно хотят «вертеть» мужем, чтобы гордиться перед подругами этими достижениями.

Причина для таких мыслей у него была веской. Последняя пассия, Ирина, в которой он души не чаял и готов был сделать предложение, предстала во всей своей «красе» только на второй год их знакомства, когда открыла свою парикмахерскую. Ей помогли мать с отчимом, которые не особо её баловали и были рады, переезжая на его родину, преподнести подарок и отвязаться совсем от «папиной дочки». «Мы помогли тебе, чем могли и больше ничего не должны». Откуда-то вдруг вынырнула в её поведении то, о чем он подозревать не мог. Ирина вдруг почувствовала себя леди-босс, но при этом не могла стать по своей натуре светской женщиной, а, напротив, старалась нравиться всем клиентам с вымученной вечно улыбкой, стелилась и любили сюсюкаться перед любым человеком, кого считала выше себя. «Всяк сверчок, знай свой шесток». К своим мастерам отношения проявляла, как у Кабанихи, не забывая появиться в салоне в любое время, чтобы отвести душу, изрыгая свою злость направо и налево. Дошло до того, что Ирина уволила лучшего мастера, которую сама же агитировала работать у себя в парикмахерской, оторвав от домашних заказов. Вместе с мастером потеряла немало клиентов. Выпивая на приемах, Ирина доходила от своей «простоты и готовности услужить» до выходов, граничащих обыкно-

венной вульгарностью. Как и почему такое случилось, объяснить было нельзя. С одной стороны, Игорь пытался настроиться и путем недовольства некоторыми выходками Ирины, поправить и «наставит на путь истинный». Ничего из этого не вышло. Вроде как, она должна была стать просто высокомерной, но угоднические проявления перед другими никак с этим не уживались. «Ни так, ни эдак». Игорь терялся, не зная как поступить, но когда Ирина высказала, что он из числа неудачников, остыл к ней окончательно.

Первая послеармейская любовь Игоря, деревенская девушка Полина была простой и ученостью не блистала, поскольку рано начала работать на ферме вместо матери, которая нарожала множество детей и не была в состоянии прокормить и ухаживать за всеми. Доить коров нужно было дважды, и вечерняя дойка стала основным занятием старшей дочери. Полина была настоящей красавицей и пела в ансамбле. Когда она решила уйти к богатому дядьке из области, Игорь её понимал, а потому только и проговорил:

- Дело твое, Полина.

Она выгодно отличалась от Ирины и из неё могла выйти замечательная жена и мать. Объяснять, что она нужна новому жениху лишь для украшения застолья, не имело смысла. Возможно, что Полина только и мечтала, чтобы забыть жизнь, которая гнула её маму и была согласна на любые условия. Она так же нарожает детей, и будет жить ради них. Её дети будут счастливы. Чем не логика? Полина прекрасно помнила, как отец вечно пьяный от самогона на патоке, гонял детей, и им часто приходилось ночевать у соседей. Все четверо детей росли тихими и подавленными, но работающие и старались, как могли, поддерживать друг друга. Основной и почти единственной пищей в доме была картошка с хлебом. Уже участвуя

в самодеятельности, объезжая дворцы культуры района с концертами, Полина успевала вовремя обеда зазначить хотя бы ватрушку или пирожок, чтобы вернуться поделиться с младшенькой. Всё это Игорь знал. Может, нужно было побороться за неё, отговорить от этой затеи...

Теперь, сидя на огромном, лежащем на земле дереве, он курил и думал об этих неудавшихся попытках создать семью. Вокруг были наполовину голые деревья, но еще с остатками разноцветных листьев. Это успокаивало, но осмыслить что-либо, на что рассчитывал Игорь, не получалось. « Вся беда моя в том, что я шибко влюбчив, как мальчишка, и жизнь взрослую понять так и не сумел. Скоро исполнится тридцать лет и пора бы уже уяснить, что мечтательность с платонической любовью и семья - вещи совершенно разные. Ужиться им - не дано. Сколько раз мне ещё нужно убедиться, что мечты никогда с настоящим не совпадают».

Всё же, оба этих неудавшиеся попытки создать семью могли бы согнуть кого угодно, но только не Игоря. В чем причина разлада, он никому не рассказывал и продолжал верить, что все еще будет... «Никто мне, да и не только мне, не приготовил ту, которая была бы создана исключительно по заказу и по тем параметрам, которые бы устроили От и До. Женщины тоже мечтают, но , надо полагать, руководствуясь другими категориями, а значит и соответствие характера тоже ничего не значит. Остается что?.. А хрен знает, что остается».

Возвращался всё же без той путаницы, что будоражила его мозг до прогулки по лесу. «Баба нужна средне-сдельная, понятная, как нехитрая книга, чтобы можно было и настривать и пристраиваться. Не стоит так из-за двух случайностей поголовно судить о всех женщинах общей оценкой. Мы еще будем по-

смотреть кто из нас неудачник».

2.

Друзья встретились вместе под Новый Год на свадьбе у Сергея, который женился в третий раз. Невеста и на этот раз была красавицей и не отходила от жениха, выказывая свою безграничную любовь и преданность к будущему мужу. Сережа и вправду умел нравиться женщинам не только «ряхой гладкой», но и умением одеваться и даже некоторым показным хамством, что сходило за уверенность в себе и готовность добиться всего, что захочет.

Мужчины и женщины к внешней красоте мужчины относятся тоже совершенно по-разному. По крайней мере, Игорь имел на этот счет точное мнение, как казалось, всех «мужчин планеты и её окрестностей». Он всегда брал для сравнения двух французских актеров: Делона и Бильмандо. Первый, по его мнению, был симпатичным, а второй – красивым. Женщинам нравилась сама смазливость симпатяг с изысканными манерами, а мужчинам - красота свойского парня с его залихватскими делами. Он свято верил в правильность своих умозаключений и мог поспорить, что от мужчин, которые тяготеют к первому типу, от самих пахивают голубизной, ибо настоящий мужик должен оцениваться совсем с иной позиции.

- Как тебе очередная свадьба друга нашего? – спросил его Валера во время перекура. – Сколько раз он собирается проверить правильность своего метода ошибок и проб, как ты думаешь?

- Не знаю, Валера, - отвечал ему Игорь, - какая разница. Тебе что, не нравятся халявные праздники? А вдруг Серега прав, и нашел на этот раз настоящую жену, а мы с тобой станем ему завидовать. Как тебе такой расклад?

- А что? Я тоже допускаю возможность такого

результата, хотя... Сдаётся мне, что все его «тыки-какие-то ненаучные и, что характерно, не подтверждены результатами опытов. Если говорить вполне серьезно, то новый тык, новый ребенок и половина зарплаты на алименты – это и социально несправедливо. Здесь и поломанные жизни еще не старых баб, невозможность материального удовлетворения своих детей и безотцовщина. Сколько сейчас одиноких матерей? То-то же.

Осуждать друга они не могли, поскольку, «самую малость», завидовали этому красавцу с бабочкой в черном костюме, целующему красавицу-невесту под общие крики «Горько!». Хотелось верить, что другу на этот раз повезло по-настоящему. Ушли они вдвоем, хорошо выпившие и уснули у Игоря, в его квартире-«полупорке», чтобы с утра идти поздравить Серегу с первой брачной ночью, но выпить на этот раз чуть-чуть. Постараться пить «немного, как получится». «Немного», правда, получилось не очень мало, а потому друзья застряли на свадьбе почти до ночи. Второй день свадьбы удался не ахти как, проистекал вяло и не очень весело. Однако, Валера и на этот раз сумел таки развеселить Игоря. С собой покурить он пригласил одну из подруг свидетеля со стороны невесты по имени Светлана и «раскрутил» её изрядно выпившую на разговор о её работе, хитро поглядывая на Игоря. Светлана оказалась весьма словоохотливой и с большим увлечением ещё раз поведала, что работает дамским мастером в парикмахерской у Ирины Домрачевой, которую они с подругами называют мегерой. Там делали прически многие женщины, в числе которых значились и Светлана со свидетельницей невесты.

Игорь не на шутку рассердился на Валеру и решил покинуть их. «И что веселого он в том нашел, ведь знает, что между нами с Ириной уже ничего

нет и быть не может. Какое ему может доставить удовольствие неудавшаяся любовь близкого друга?».

- Ну, куда ты? Докурим и пойдем вместе, - Валера удержал Игоря за рукав, - не сердись. Это всего лишь доказывает факт, насколько ты был прав, что пошел на разрыв.

Светлана, тем временем, не обращая на них особого внимания, продолжала объяснять любопытному Валере, насколько точно подходит прозвище «мегера» их хозяйке.

- ... Знаешь, Валера, она настолько злая, что давно бы искусала даже собственную задницу, но видать не может достать, а потому приходит на работу и отводит душу на нас. Настоящая мегера!

Дальше Игорь не стал слушать и ушел, хотя понимал, что друг смеется не над ним, а может даже хочет предостеречь его, чтобы не надумал возобновить отношения с Ириной. Да, мир тесен.

После Рождества и каникул потекли однообразные будни. Цех, где Игорь трудился на станке с числовым программным управлением, перебивался небольшими случайными заказами, что по нынешним временам считалось вполне нормальным явлением. Заработная плата для их городка, превышающая «минималку» хотя бы на пару рублей устраивала, ибо, если не считать энергетиков, почту, милицию и суд с прокуратурой, о другой удаче и мечтать не приходилось. Кроме того, со временем, её стали получать почти вовремя, с опозданием на срок не более недели. Перебиваться можно. Те, кто нуждался в больших покупках, брали кредиты и уже давно находились в кабале, попадая в полную материальную зависимость. Создавалось впечатление, что иной жизни и не бывает, поскольку почти всё население городка было опутано ссудной задолженностью. Игорь никак не мог понять, как люди не боятся брать большие

кредиты с такой работой, которую можно потерять в любой день. Банки, перебивая друг друга, смело выдавали денежную наличность любому без залога и даже поручителей. Неплательщиков у них тоже накопилось предостаточно, но, видать, большие проценты получаемые обратно от заемщиков их устраивают. Что за жизнь такая, под двойным гнетом находиться? Сначала работаешь на «новых капиталистов», которые из жадности придерживаются минимальной зарплаты, приняв её, как установленный верхний предел, а после тратишь эти деньги на уплату невероятных банковских процентов. Нет, он на это не пойдет. Игорь брал кредиты лишь на мелкие покупки, за которые в состоянии расплатиться в течение полугода, но не более. И как, после такого, можно удивляться тому, что женщины начинают перечислять потенциальных женихов в разряд неудачников? Любая женщина достойна лучшей участи. Тут спорить не приходится.

В канун мужского праздника, 22 февраля он решил сходить на праздничный концерт в Дворец культуры, который, чтобы продержаться наплаву, тоже стал частенько приглашать всякие ансамбли из сел и деревень района. Без такого плана работы и отчетности, их так же могли позакрывать за убыточность. Не выполнишь план или проведешь мало мероприятий – значит следующий раз бюджет «будет посмотреть» стоит ли выделять деньги этому учреждению. Поэтому концерты, дискотеки и различные кружки действовали регулярно, вне зависимости от посещаемости.

Игорь одел свой костюм, купленный специально для такого случая, который так долго висел в шкафу, что он сам стал забывать каким он был цветом и выскочил на улицу довольный тем, что тот поощающийся с ним тип из зеркала смотрится впол-

не приличным женихом. «Ну, держись красавицы! Иду на вы!». В последнее время такие мероприятия он не пропускал, ибо, как думал, он не Иван-царевич и серый волк ему бабу не притаранит. Надо научиться проводить свободное время.

Во время второго отделения, пели трио девушек в национальных нарядах под аккомпанемент единственного мужчины баяниста и руководителя этого ансамбля. Пели замечательно. Под живую музыку баяна, переливчато обволакивали весь зал хорошо подобранные ясные голоса о быстрой речке, которая должна была «поругать нерядивую и пожалеть несчастливую». Девки были почти одного роста, бело-зеленых сарафанах, и казалось вот-вот зажурчит у их ног ручей и встанут за спиной такие же белые березки, стройные и печальные. И вдруг Игоря чуть не подбросило, аж защемило сердце. Ошибки быть не могло. Крайняя слева была – Полина! Он бы не мог её перепутать ни с кем. Неужто она живет снова в у себя в деревне, а он ни слухом, ни духом...

После концерта он нашел её среди спящих туда и обратно женщин в различных нарядах возле стойки, за которой были сложены музыкальные инструменты и кое-какие предметы одежды. Полина не ожидала увидеть его и в глазах у неё промелькнули различные выражения, переходя от одного состояния к другому. Она стояла и не знала, что говорить. Едва появившийся проблеск радости сменился испугом, словно она готовилась выдержать удар. Пауза затянулась и она тихо проговорила: «Здравствуй, Игорь».

Он курил возле дворца, поджидая её появление, и не мог определить своё состояние. Сколько прошло времени, и Ирина после неё была, а теперь казалось, что любил только её и расстался с ней совсем недавно. Она мало изменилась, хотя стала не-

много сосредоточенной и усталой. «Полина, Полина. Что же ты со мною делаешь? А ведь мне никого кроме тебя и не надо. Если бы ты не была в моей жизни, я бы, наверное, не так был уверен, что найду свое место в этой жизни. Теперь я знаю, почему держался так крепко и верил в лучшее. Всё из-за тебя».

Полину, которая вышла уже переодетая, он пригласил к себе и даже продолжал бояться, что может потерять снова, когда она убежала предупредить свой коллектив, чтобы их служебный автобус отправлялся домой без неё.

Рассказ Полины продолжался недолго, но, казалось, тянулся вечно из-за содержания и сопровождался неподдельными рыданиями. Игорь отошел покурить к открытой форточке, став боком, чтобы любоваться ею, но был ошеломлен и его разрывала такая ярость, что он отвернулся и встал приложившись лбом к оконному стеклу.

Гражданский муж Влад, как выходило, не в жены её брал, а определил на место проживания возле себя, и первое время ей многое разрешалось. Действительно нужду она не испытывала и уже начинала откладывать и отправила матери два денежных перевода. Много брать она не могла, а довольствовалась сдачами, остающимися после покупок, поскольку он заставлял отчитываться за каждую покупку. Приходя редкие дни домой, в пьяном состоянии, взял за правило издеваться над нею играючи, но жестоко, что приходилось прятать от прислуги следы истязания и побоев. Выдумки его были до такой степени садистскими, что говорить о них она не может «никогда, нигде, не при каких обстоятельствах». После рождения сына, Влад продержался всего несколько дней, но возобновил издевательства с новой яростью, а на сына стал смотреть как на пустое место,

называя его «выродком доярки» и предпочитал заниматься делами собственного строительного треста. «Господи! Какой я была душой, Игорь, что доверилась ему! Ещё бы чуть-чуть наложила бы руки на себя и ребенка».

Спасла их с сыном обыкновенная бандитская разборка, когда не смог договориться с Владом один из «конкурентов», чтобы он уступил два многомиллионных объекта, который был передан для строительства его тресту. Полину с ребенком похитили и держали под охраной в железнодорожном вагоне посреди брошенного состава какого-то тупика. «Разборки» происходили в её присутствии по телефону. При этом всё происходило как что-то обыденное, с открытым текстом и на полную громкость.

- Приветствую тебя, Владислав Аркадьевич. Надеюсь, догадался, кто беспокоит?

- Привет, Зинов. Узнал тебя и должен сразу сказать свое мнение, чтобы не быть голословным. Мы же не на базаре, верно? Не для того я шел на такой конкурс и выиграл его, что отказаться потом от такого бобла. Всё уже утрясено и машине дан ход. Советую тебе, брось ты эту затею. Я их буду строить! Это тебе не деньги обманутого самостройщиков, которые текут медленнее сопля младенца. Они идут по спецназначению от федералов, и я такое не упущу. И давай жить дружно, Леопольд.

- И все же я предложу тебе два варианта, и ты выслушай хотя бы ради спортивного интереса. – продолжал солидный мужчина, пропустив шутку Влада мимо ушей, глядя с улыбкой на Полину с дитем, – по первому варианту ты должен передать заказы мне по тихому, как случайно подвернувшемуся партнеру. Мои юристы к шести часам вечера предоставят готовые договоры. По ним я буду значиться, как субподрядчик, который вдруг стал необходимым по от-

делочным работам и дизайну. Одним словом по документам работа будет выглядеть твоей, но всё буду делать я, и бабло это будет моим. Могу и тебе лично чуток подбросить. Да ты не перебивай. Не перебивай, а дослушай. Так вот на случай второго варианта моими людьми похищены твои жена с ребенком. Для чего они у меня, и что их может ждать, объяснять не буду. Ты у нас мужик с головой. Выбирай один из вариантов, перезвоню через пятнадцать минут.

Полину с ребенком похитили среди белого дня из сквера, где они прогуливались возле фонтана. Она сама села в предложенную машину, поскольку привыкла к любым выходкам Влада, а потому никакой погони не было. Скорее всего, муж узнал о похищении только сейчас, а на самом деле готовил новую «экзекуцию» по случаю их опоздания. Господи, прониеси!

Мужчина, говоривший с Владом, присел на скамейку, предварительно накрытую газетой стоящим рядом мужчиной с бритым затылком. Бутылка и сигареты появились тут же без лишнего напоминания. Всё было, как в кино, но гораздо страшнее и не очень верилось, что происходит на самом деле. Пятнадцать минут тянулись как вечность, но их можно было и не ждать, поскольку никто из присутствующих не ожидал услышать подобный ответ абонента.

- Что скажешь, Владислав Аркадьевич? Какой вариант тебе по душе?

- Послушай теперь меня, Зинон. Никто не сомневается, что ты надежно прикрыл зад и в случае огласки сам не пострадаешь, да я и не собираюсь подключать к розыску минтяру. Однако должен сказать, что оба твоих варианта я отмёл. Они меня, видишь ли, дорогой, не устраивают. А вот, что я тебе скажу о женщине с ребенком. На языке юристов, это называется «ошибкой в объекте», то есть ты похитил

то, что несоразмерно той суммой, на которую замахнулся. Я ни мать, ни ребенка «вытаскивать» не собираюсь. Они мне не до такой степени дороги, как ты возомнил. Можешь оставить их себе! На этот раз твоё душегубство, в случае чего, будет совершенно не оправданно. Не звони мне больше. Я свои планы не привык отменять.

Некоторое время в вагоне стояла мертвая тишина. Такая была реакция братвы и их хозяина. С таким оборотом никто из них не сталкивался. Было видно, что бандиты тоже не так-то просто решились на похищение людей, но деньги шли в таком объеме и они пошли ва-банк. А вот ответ Влада поставил их в тупик, как и этот вагон с людьми разных взглядов, которые все вдруг оказались в безвыходной ситуации.

- Ты-то хоть, сука, поняла, что значишь для мужа?! – Заорал Зинон на Полину вне себя от ярости. – И что теперь прикажешь с тобой делать?! Тебе похитили, а эта очень серьезная статья. За такую работу и риск ребята должны быть вознаграждены, но за пустой труд я платить не привык! Может, сама их вознаградишь?! Пусть хоть на тебе от трудов праведных стресс скинут?!

Зинон выпил подряд две рюмки и закурил. По-прежнему стояла тишина. Только ребенок, наконец, пришел в себя от криков и заплакал громко до икоты. Это привело в еще большую ярость Зинона и его ребят.

- Заткни своего чудовище, иначе насовсем успокоим, вечно молчать будет!

Полина, за неимением ничего под рукой, достала грудь и дала ребенку, хотя уже давно отучила его от этой привычки. Это спасло от возможной реакции услужливых подонков, которые по первому сигналу хозяина могли лишить жизни её сына.

- Похоже, что муженек твой не прочь избавиться от тебя моими руками, как думаешь? Бьет, может, тебя и держит за экономку? – Зинов говорил теперь более спокойно.

- Бьет, - отвечала Полина, качая головой и заикаясь.

- Вот ведь какое чудовище! Как можно любить деньги больше собственного ребенка? А для чего ему столько денег, что так просто отдал жену и сына добровольно на растерзание? Урод! Даже я на такое не способен, верно?, - засмеялся он обведя глазами свое окружение.

Холуй засмеялись все, как один, подражая Зинону. «Это точно».

- Вот что, подруга. Мы с тобой, выходит, почти союзники, коль враг у нас один. Не будет так, как того ожидает твой сатрап. Даже в этом я ему не помощник, - Зинов снова стал веселым и выпил еще рюмочку, - убивать тебя, а тем более ребенка я не стану. Посидишь до завтра, а там видно будет. Закойте её, пусть тут ночует.

Её освободили работники милиции утром следующего дня, по сообщению совершенно случайного прохожего, собиравшего металлолом для сдачи вторсырья. Полина долго не могла говорить и боялась сообщать о случившемся. Она потеряла голос, пока кричала в вагоне весь вечер. Быть свидетелем по таким делам ничуть не лучше чем снова оказаться в вагоне. Все равно уберут, до суда дожить не позволяют.

- Ладно, - успокоил её молодой следователь прокуратуры, - коли не хочешь заявлять о вашем похищении, то и без твоих показаний обойдемся. За время твоей «отсидки» очень много произошло событий. Владислав Аркадьевич убит выстрелом в голову в собственном гараже. Зинов исчез, возможно,

что уже успел покинуть страну, но сообщники арестованы и из-за чего возникла бойня, они знают и не скрывают. О твоём похищении они, думаю, тоже будут молчать. Зачем им еще одна статья обвинения. Вы и без того натерпелись. Хотя скажу без утайки, я бы с удовольствием вlepил кое-кому ещё одну, очень неприятную, статью.

Младший брат Влада, прибывший на похороны, решил принять все дела погибшего брата, но оставлять у себя Полину не собирался, а потому отпустил с немалой суммой денег, взяв слово, что она не будет настаивать на отцовстве Влада. Вновь объявившийся прямой наследник путал все его карты. Она согласилась и даже была благодарна такому концу своих мучений и на другой день поехала к матери.

- Я уже больше года здесь, Игорь, но никогда не стала бы тебе изливать душу, если не эта случайная встреча. Я была уверена, что ты меня не узнаешь, и я спокойно уеду домой после концерта.

Игорь повторно включил уже холодный чайник и пошел курить на балкон, куда зимой не любил выходить, предпочитая перекуры у форточки на кухне. На улице начинало темнеть, было не так ветрено и пахло весной.

«Да, через неделю – весна. Можно уже начинать «уличные» перекуры. Но как быть с Полиной? Всё, что с ней случилось нужно переварить, хотя очень хочется оставить её у себя и успокоить. Похоже, что я, по сути, ищу именно её, и другой жены не хочется. Однако нельзя так сразу, может показаться, что все чувства сводятся к обыкновенной жалости. Неправильно это будет. Отвезу её, намекнув о своих чувствах, пусть тоже подумает и утвердится в своем решении окончательно. А ребенок мне – не помеха, похоже, что я могу стать не только мужем, но и сразу папой. Да, блин, мелодрама... Да и детектива хвата-

ет, не приведи, Господь!».

- Что, попила горячего? Да, Полина, я знаю, что тебя тянет к ребенку, и сейчас отвезу сам. Только вот, что я хочу сказать тебе. Прошло много времени, и тебя потрепала жизнь, что и врагу не пожелаешь. Но ты запомни, что чувства мои, похоже, никуда не исчезали и я приеду через несколько дней за вами. Подумай в одиночестве. Нам всем троим будет хорошо. Уверяю тебя.

Так, в начале весеннего месяца марта приказала долго жить холостяцкая жизнь Игоря Рысева. Друг Сергей со своей третьей женой жили, вроде, тоже мирно, хотя кто его знает... Только Валера заходил иногда один, попить немного легкого вина и всегда говорил одни и те же слова.

- Дайте, ребята, еще чуток погуляю. Я же вижу, как вы мне завидуете, как мучаетесь, глядя на мою довольную холостяцкую рожу. Что у меня сердца совсем нету? Обещаю – через годик спишусь на берег.

ОТЕЦ ДЕПУТАТА

Никто из членов избиркома и жителей городка в те времена не верили, что Белоусов Сергей Трифонович сможет проскочить в депутаты областной Думы. Здесь в городке он как-то устоял один срок, поскольку его мало кто знал и все были рады, что так яро выполняет наказы своих избирателей. Он прибыл на постоянное место жительства из соседнего городка, где, будучи директором, благополучно обанкротил свое предприятие. Находились, конечно, люди знающие, как это происходило, но их было мало. А как поступали кандидаты из директоров местных предприятий, знали очень многие, кто не любил молчать. Все эти местные руководители знали, что времена настали иные и просто «водить рукой» уже немислимо. Объявить, что будем жить по иному, не означало, что они привыкли работать иначе. Видно было – не устоять. Не лучше ли самому распродать и растащить это добро, чем оставлять чужому дяде? Ясное дело! Капиталистами они никогда не были и не представляли что это такое, но хозяевами заводов и фабрик привыкли чувствовать себя давно. Как можно оставлять такое родное «своё» предприятие, куда вложено столько труда и личного времени? Не дождутся! Были и среди них люди уважаемые, привыкшие трудиться на совесть, но они не выдвигались.

Всё бы ничего, если бы не отец его, участник и кавалер многих орденов за боевые заслуги в Великой отечественной войне. Он прицепился к последнему пункту предвыборной программы сына. Всё дело было в том, что за отсутствием в те времена хитросплетений черного пиара, Сергей Трифонович нашел свой подход к делу, и его программа отличалась от программ остальных

кандидатов именно этим последним пунктом. Программы кандидатов, как это заведено, мало чем отличались друг от друга и представляли, как напечатанные под копирку задачи и даже имели одинаковое количество мер по «улучшению жизни электората». Белоусов думал долго и совещался по вечерам со своим штабом, вычеркивая все предлагаемые «новшества», которые должны были отличить его от остальных оппонентов. Долго изучая биографию своих соперников, он сам лично нашел это отличие. Таким образом, в его программе появился дополнительный пункт: «Бороться за лучшую жизнь избирателей, как никогда не состоящий членом КПСС». Результат оказался поразительным. Вроде, указанный пункт не означал конкретную задачу кандидата по улучшению жизни своих избирателей, его можно было означить просто в биографии кандидата, но там - всё же - пишется мелким шрифтом и не так заметно. Эта непонятная запись оказалась настоящей находкой, и он набрал большинство голосов.

- Ты, паразит народный, посчитал заслугой то, что не состоял в партии?! Я ненавижу тебя с сегодняшнего дня, - кричал Трифон Степанович, - ты меня предал! У меня нет больше сына!

- Ну, это ты совсем разошелся папа, радоваться надо, а ты кричишь. Если хочешь знать, некоторые скоро начнут сжигать партбилеты, чтобы попасть в депутаты. Уже кое-где, простые коммунисты делают такое. Я решил использовать данный факт в предвыборной компании и, видишь, не прогадал.

- Сосунок ты! Прыщ! Да, ты знаешь, что я шесть раз ходил в тыл к фашисту и друзья мои, кто не был коммунистом уходя, говорили товарищам, чтобы в случае гибели считали их коммунистами! В каждый раз они шли умирать, и каждый раз повторяли эти

слова! А ты, сосунок, решил, что быть партийным считается позорным. Мы уважали своих предков...

- Между прочим, меня избрали тоже люди. Они, выходит, тоже не шибко-то любили коммунистов. Может и в этом я виноват, что вы им уже надоели? Я только прибавил один какой-то пункт в программку, а решение принято большинством народа. Теперь, у тебя, во всем виноват - я? Меня избрали люди, а ты готов отречься от сына?

- Пошел вон! Такие, как ты и партию испоганили! Всё хотите над людьми властвовать, всё использовать как трамплин для корысти своей. Уходи с глаз долой! «Слуга» хренов!

Сергей, зная что сердце у отца и без того болезненное, не хотел вступать в дискуссию и ушел в другую комнату. Нужно было собирать вещи, которые оставались в родительском доме, ибо они с женой и дочерью часто здесь пропадали. Его квартира в областном центре, которую он успел прикупить в последние годы своей директорской должности лакокрасочного завода, была обставлена, но там они бывали редко. Теперь ему, наделенному мандатом областной Думы, предстояло переехать туда насовсем. Однако, отца оставлять в таком состоянии тоже не хотелось. Он, после смерти матери, совсем сдал. «Пусть выговорится, с меня не убудет, - подумал Сергей, собирая вещи, - один все же останется. Нельзя его такого бросать, уж больно сердито настроен. Так недалеко и до приступа».

Именно из этих мыслей, Сергей отправил жену с дочкой по магазинам, поскольку намеревался устроить семейный прощальный ужин. Пригласить к столу отца вдвоем с Мариной, наверное, удастся, но поговорить с ним надо отдельно и до ужина. Иначе получится не прощальный ужин, а полный семейный разлад.

Трифон Яковлевич сидел на кресле возле журнального столика, в очках для чтения, разбирал старые оторванные листы настенного календаря. По какой системе он оставлял некоторые листочки, а какие выбрасывал, одному Богу известно, но упорно сохранял некоторые из них и перечитывал.

- Поговорим, папа, - Сергей опустился на край дивана, стоящего рядом, напротив телевизора, - прости если, что. Завтра с утра уезжаем, и мне не хотелось бы вот таким образом уходить с отчего дома.

- И ты меня прости сын. Отцы от сыновей не отрекаются, и тут я не прав. Понимаешь, Сережа, старею я и, наверно, живу одними воспоминаниями. Иногда такая злость берет... Не знаю, поймешь ли ты меня, но не по душе мне жизнь ваша. Смерти я уже не боюсь, хотя не то говорю. Боюсь, конечно. Даже боюсь больше, чем на фронте. Ты пойми меня правильно, сын мой, смерть моя – факт, предназначенный с рождения и не очень обидно, поскольку она общая доля всех. Так сказать за компанию и погибать веселей. Другое меня беспокоит. Лежу я по ночам и вижу, как ваше поколение под победные салюты хороните всё моё поколение. А ведь нельзя с историей так поступать. Нельзя, Сережа. Я вот считаю, что двадцатый век был самым великим отрезком всей нашей истории. Мы единственные, кто сумели построить социалистическое общество. Революции, не менее кровавые, совершались во всех странах, а мы единственные на всей планете сумели построить социализм. Только мы! Ты и представить не сможешь, как нас ненавидели и любили. Мы были как бельмо в глазу у этих выскочек, кто считал, что они хозяева земли, но мы и чувствовали поддержку их народов. Даже они, их трудящиеся, гордились тем, что на земле появилась страна восставшего народа. Эти слова теперь звучат тоже, как исторические, от-

жившие свой век.

- Извини, папа, но то что теперь творится разве не народные чаяния? Выходит, не такая уж крепкая она была, ваша политика? Не всех, выходит, устраивала?

- Это верно, сын, зажрались в последнее время коммунисты, где ты не захотел состоять в членстве. Понимаешь, раньше было иначе. Руководители страны занимались партийным строительством, старались выявить задачи для каждого этапа развития, а потом пошли сплошные мемуары, типа «Целины», «Малой земли» или и того хуже - выступления за рубежом на деньги капиталистов «Как я развалил великую страну».

- И что же, по твоему, это вас и погубило? Или всё же этот строй был выбран на «авось», а после выяснилось, что он не жизнеспособен?

- Всё не так. Всё не так. Я вот не политолог и не историк, но нахожусь в том возрасте, когда на все вопросы имеешь своё мнение. Я считаю, что всё происходило иначе. Не может быть неверным то, что надумано во имя простых трудящихся людей. Просто наши, вот эти самые «политологи» поспешили объявить об окончании холодной войны. А она, Сережа, для кого-то не заканчивалась, продолжается по сей день. Только теперь ясен её близкий конец в связи с полной нашей капитуляцией. Мы не сохранили то, что именно для нас завоевывали предки, мы их предали. Мы потеряли своё «лицо», Сережа. Нет великой страны Советов. Нас сожрали изнутри путем «размыва мозгов». В гробу бы перевернулись отцы и деды, узнай они, что нынче творится в бывшем СССР. Они счастливы теперь тем, что не видели такого позора поражения. Милые детки решили вычеркнуть целый век «неразумных предков», как никчемную ошибку. Кто им дал такое право?! У нас каждая пяти-

летка проходила в таком упорном труде, что нынешние всезнайки уже вторую десятилетку до конца разрушить это не могут.

- Ладно, пап, ты излишне драматизируешь. Разве мы хуже жить стали?

Сергей уже понимал, что разговор может продолжиться долгий, но снова и снова пытался быть воспитанным слушателем, ибо понял, что любой его вопрос и тем более несогласие с его стороны могут вызвать приступ ярости. В конце концов, пусть выговорится. Вот они уедут, а кому отец будет изливать душу? И долго ли он ещё проживет с такими мыслями в полном одиночестве. Однако и он прощается с сыном и пора бы переходить к бытовым вопросам.

- А что? Мы стали жить лучше? Вас заставили плюнуть на всю нравственность и теперь лучшей считается жизнь, где любой сопляк-наркоман имеет возможность кататься на иномарке. Они и считать скоро разучатся. Они в домах книги не держат, Сережа. Я их, если честно, боюсь. Говорить они без мата не умеют, и не знаешь, что от них можно ожидать.

- Ладно, папа, мы же не на политзанятиях. У меня впереди большая и не совсем еще понятная работа. Посидим, поедим и отметим чуток это событие. Пожелаешь мне удачи, напутствующее слово скажешь, я ведь еще не совсем испорчен. Я же, папа, продукт совковой идеологии, так что не очень нуждаюсь в политбеседах. Я, если хочешь знать, изучал Ленина и конспектировал в институте «Малую землю».

- Да, сын, ты прав, разошелся я что-то. Толи маразм начинается, толи слушателей нет, а нагорело внутри много, не поймешь.

- Лады, Батя, - обнял Сергей отца за плечи, - я же послушный отрок. Помню, как ты и сам в депутатах в одно время ходил, а? Было такое?

- Вот именно, что ходил. А вы же, сукины дети,

все ездить норовите, да «с маячком» чтобы.

«Смех у тебя и тот какой-то уж больно грустный, папа. – Подумал Сергей.- А ведь и вправду, будет грустно остаться в сорок с небольшим лет круглым сиротой. Не много тебе осталось. Смогу ли я сам таким папой стать – вопрос».

Марина позвала за стол, и начался настоящий прощальный ужин, как и принято, с его светлой стороной и обязательными грустинками. После пару рюмок разрушилась и тишина. Начал отец свою тираду, уже без особой злости, ибо он действительно решил попрощаться на всякий случай, поглаживая оторванную от мультиков внучку по курчавой голове.

- Что не говорите, дети, живём не хуже других, и я думаю, что так и будет продолжаться в этой семье и без меня. И не надо, Сережа, меня перебивать. Смерть, она красна, когда внезапной бывает, чтоб без этих намеков и истязаний. А сказать напоследок, надо тоже успеть. Твоё слово будет первым и твердым, когда у тебя такая вот внучка будет сидеть под боком. Я что вот хотел сказать тебе сын, в качестве напутствующего слова. Возможно, что ты пойдешь далеко и станешь большим человеком. Ты не думай, я горжусь тобой, знай это. А если пойдет что не так – значит, я сам не успел драть ремнем, пока ты поперек скамейки мог уместиться. Одна тебе моя просьба – не будь среди тех ревизионистов, кто от неумения чего-либо делать, льёт помои и старается выехать за счет поисков и находок ошибок отцов своих и дедов. Они ведь как? Везде ищут изъяны прошлого и стараются показать, что они не хуже других. Им гордиться нечем, понимаешь? Я, конечно, не верю, что ты победил на выборах за счет последнего пункта своей программы, это было бы смешно и обидно. Нам было гораздо трудней и сложнее выжить и победить, чем вам. Не поливай, сын, моё

поколение помоями, как сейчас принято. Не будь с теми, кто этим занимается. Враги они нам, и знают, что так и только так можно нас победить и сделать равными с теми странами, кем принято управлять и вытирать о них ноги. Мы ещё не всё, надеюсь, потеряли, хотя идёт оголтелый ревизионизм по всему фронту. История ещё скажет своё слово, но как бы поздно не получилось. Ну, вот, опять я за своё. Ну все, заканчиваю. Ты трудись и старайся жить для людей. Все знают, что вы уже давно перестали быть слугами народа, но ведь не обязательно думать о них только во время предвыборных компаний. Человеком, сын, надо быть при любой власти, в любой стране и любой должности. Это всё будет тяжелее с каждым годом, но пока, слава Богу, за это не расстреливают. Ну вот, опять что-то не туда понес... Да, ладно уж. Думаю, что не так-то легко будет забыть наш великий двадцатый век и стереть его со страниц истории, хотя уж больно стараются. Если им удастся, то мы, вернее вы будете такими же серыми, как и обреченный народ никчемной страны. Вот это я сказал, а? И вправду, как член общества «Знание».

Посмеиваясь, Трифон Яковлевич, опустил на стул, и тут же хотел было встать, вспомнив ещё что-то, но махнул рукой.

- Давайте выпьем теперь за вас, дети. Уж очень хочется, чтобы и вам было, чем гордиться, и было что вспомнить за столом, не краснея за труды свои.

Сергей с Мариной посмотрели друг на друга, стараясь не выдать улыбки, тост был принят без возражений. Вроде как, проскочило – старик, можно говорить, был немногословным.

Правда, во время чаепития с замечательно разукрашенным тортом, возник спор относительно возможностей депутатов и их неприкосновенности. Старик и на это имел свой взгляд и говорил, будто ему

одному было дано давно ушедшими товарищами такое задание – отстаивать свой век и своё поколение.

- Голосовать за проекты законов вы можете сообща, а вот думаете вы каждый о своем. Да и не шибко вы поворотливы, словно всё время боитесь, что будете распущены, если пойдете против воли «барина». Вот возьмем, к примеру, наших депутатов. Что они сделали для народа, кроме косметического ремонта нескольких участков дорог, которые весной развалятся? А сколько они могли сделать, да смолчали? Раньше горячая вода в городке была и летом, а теперь её даже зимой не бывает. А почему? Мы уважать перестали не только предков, но и себя. А еще хотим, чтобы нас другие уважали. Земельные паи бывшим крестьянам отвели, где попало, а хорошие участки разбазарили по знакомым и родственникам. Везде, куда не кинь, одни утраченные позиции. Землей чиновники торгуют! Разве можно торговать Землей? Она всеобщая, принадлежит каждому, а государство молчит, ибо само не народное теперь. Ой, не знаю, до чего ещё вы дойдете! Сам жить не захочешь! А скажи, попробуй, что они враги народа и сразу – «сталинист!». Да, я отжил своё и вполне серьезно заявляю, что идет антинародная политика и мы вам уже не нужны!

- Ну, что ты, папа? Сидели, разговаривали нормально, а ты снова за своё. Все это временно, поверь мне, мы же не Иваны, не помнящие родства.

- Ой, не верится мне, Сережа. Больно мне всё это осознать. Не нас вы хороните, а себя самого. Что с историей делать будете? Будет белое пятно с величиной почти в век, или перепишите, как «им» всегда хотелось?

- Ладно, папа. Эта судьба России и от неё не уйдешь. Или ты все еще в судьбу не веришь?, - пы-

тался Сергей изменить разговорное русло.

- Нет, сынок, я в последнее время стал верить, но у меня своё понимание. Судьба, как я считаю, представляет собой предначертанную стратегию, и вот какой тактикой идти к цели все одно зависит от человека – или прозябай или будь хозяином своих поступков. Вот так-то, сын.

- Ну ты, пап, прямо философом становишься.

Вообще-то, Сережа, не совсем понимал отца. Люди их поколения вообще могли умирать за одну лишь идею, шли от сытного обеда на Сенатскую площадь, на баррикады, амбразуры, их жгли в топках и даже прибивали ржавыми гвоздями, как Христа к доскам, как фашисты героя войны Смирнова, а они умирая, вспоминают их как лучшие годы своей жизни. Наверное, человек вообще так устроен, всё лучшее - это то, где проходила его жизнь. Они, по натуре своей, готовы хвалить своё время, ибо утвердились в правильности своего существования за тот промежуток времени, где им было суждено родиться, взрослеть, влюбляться и рожать детей.

- Не переживай так, Сережа, все обойдется, - Марина убирала со стола, - побудет один и успокоится. Да, я и сама не очень довольна, что теперь творится. Идет слух, что скоро старшие классы в школах будут платными, и склонна думать, что так и будет. Я еще не дожила до его лет, а уже тревожусь за детей. Что с ними будет?

Из комнаты деда прибежала дочь и «по секрету» громко сообщила, что деда опять принимал таблетку.

- Ах ты, мармулетка, - выскочил следом веселый дед, - опять ты мои секреты рассказываешь по всему белому свету?

Внучка, смеясь громко, убежала от деда.

Вроде всё обошлось. Сначала хотели, чтобы

Марина осталась на первое время, пока муж обоснуется на новом месте, но сам дед был против и настаивал, чтобы семья ехала вся.

- И не надо мне никаких патронажных сестер, что я сам не смогу за собой ухаживать? Плохо вы меня знаете, господа дети. Я еще проживу долго и на свадьбе внучки гулять буду.

Утром дети поехали на постоянное место жительства в областной центр, а Трифон Яковлевич отказался ехать с ними, как и говорил накануне.

- Приезжайте сами на выходные, я вам рыбный суп приготовлю с килькой, пальчики оближете.

Спустя четыре месяца, в послеобеденное время, в двери к Трифону Яковлевичу постучались работники социальной службы. «И всё же успели меня на учет поставить, - подумал он, - Марина, значит, подсуетилась». Работниками соцзащиты были молодые парень с девушкой. На медсестре, под расстегнутой курткой, был одет халат ослепительной белизны.

- Новости смотрим, дедушка? Это хорошо, - прошла она к телевизору, - но можно и громче звук сделать. Слышишь, наверно, не очень? А, старый?

Парнишка силой усадил его на стул и представил к горлу нож.

- Не вздумай орать, труха, лучше сам скажи, куда пенсию заныкал? Молчать будешь – тоже больно сделаю. Говори, пока не перерезал тебе горло!

Только теперь Трифон Яковлевич вспомнил, что на другой день после пенсии нужно было быть осторожней с посетителями. Да, теперь какой толк от этих сожалений.

Пенсию «работники соцслужбы» забрали, но уходить не спешили.

- Что мы ещё имеем дед? А ведь, похоже, не из

бедных. Опаньки, сколько у тебя наград, старый. Да ты у нас герой? Какие ордена! Да, за них бобла отвалят побольше твоей пенсии!

Не смей, гадёныш!- взревел он и бросился на парня, но получил удары ногой в пах и кулаком в висок, отлетел и ударился о батарею отопления.

Рана на голове не была смертельной, ибо он чувствовал эту саднящую боль, как бывала на фронте, и знал, что еще не конец. Только вот сердце резануло как никогда раньше и не стало хватать воздуха. «Неужто вот так? И вправду получилось, что неожиданно, не доставляя хлопот сыну с невесткой? Выпросил, получается, легкую смертушку»...

От могилы отца Сергей Трифонович шел, опираясь о руку жены, и вдруг глаза его сухие увлажнились от слов женщины, стоящей среди могил:

- Хороший, видать, был человек. Откуда-то тучка прилетела и пролилась мелким дождем, а после сразу выглянуло солнце. Словно сплакнуло облочко, да исчезло. Эх, жизнь наша...

ПАПА

Родилась Ксюша недоношенной, едва пробыв там, где ей положено около шести месяцев, как Юлии объяснили медсестры, спешила к папе, ибо имела его группу крови и резус-фактор. Общее кровообращение матери и ребенка имели сбой, поскольку имели разные показатели, и девочка поспешила на «самостоятельную жизнь», хотя походила скорее на неудачно скроенного пупсика с короткими ножками и сморщенной кожицей нездорового красного цвета. Назвать её куклой из-за малого роста тоже язык не поворачивался. На лице, в районе носика выделялись светлые пятнышки в виде наростов как на шляпке мухомора. Назвать такое чудо ребенком было затруднительно, и соседки по палате долго успокаивали Юлию, что бывает и хуже, что девочки живучее пацанов, и она обязательно наберет вес и станет такой же красивой, как и мама. Особо ужаснуться Юлия так же не успела, ибо испытывала огромную усталость, а ребенка унесли, едва выставив на обозрение, а после несколько дней не показывали. К соседкам приносили их детей для кормления грудью, а она, испытывая зависть, тихо вздыхала или плакала, отвернувшись к стене. Её дочку принесли на третий день, но у ребеночка не оказалось сосательного рефлекса. Однако, как утверждали сестры, девочка оказалась живучей, питается через зонд и «выпаривается» в специальной камере, называемой «кувезом».

- На редкость живучая барышня оказалась, - говорили они, - быстро подруг своих догонит.

Ребенок действительно набирала вес, привыкала к груди и к матери. Теперь Юлия видела её регулярно и даже научилась находить красивые черты лица. Родившаяся весом, не достигающим полутора

килограммов, малышка приближалась к двум кило и потихоньку исчезала диспропорция тела и коротких, казалось бы, ног. Теперь её с натяжкой можно было назвать куклой, хотя и не очень красивой. ОТК игрушечной фабрики такую бы игрушку не утвердил и не выставил бы на прилавки.

Василий, уже который раз приезжал в больницу, но увидеть жену, а тем более дочь не удавалось. Ограничивалось всё тем, что он оставлял передачу, смотрел вывешенный листок о температуре новоиспеченных мамок и уезжал обратно. Знакомые и даже родные не особо верили, что девочка выживет, потому старались его успокоить, что его ещё больше расстраивало. На этот раз удалось поговорить с медсестрой, которая спустилась по своим делам на первый этаж отдела матери и младенчества, где содержались недоношенные детки.

- Кто будешь? Благодарный папаша или кто из родных? – Дородная тетка в белом халате смотрела как-то устало и равнодушно.

- Из благодарных, - отвечал ей Василий, - дочку хотел посмотреть, да не получается всё. Третий этаж, не видно ни черта.

Однако тетка мало походила на медработника. Толстая собой, слегка на выкате еврейскими глазами и острым носом, она имела приятный грудной голос и говорила совсем как его учительница из средней школы. К тому же оказалась «легка на подъем».

- Так ты поблагодари, коли такой папаша благодарный. У нас с правого торца здания есть пункт приема крови, сходи, сдай кровь. Мы постоянно нуждаемся в запасах. А я тем временем отнесу от тебя записку жене. В какой она палате и как зовут? Пиши. На обратном пути зайдешь за ответом.

Так, Василий сдал кровь и получил записку, хотя уже передавали однажды, в прошлое посещение. «У

меня всё нормально, жизнь ребенка вне опасности, - писала Юлия, - как ты смотришь, если назовем Ксенией? Скоро уже выпишут». Ему удалось уговорить дежурную санитарку на вахте и отправить с новой запиской: « Пусть Ксюша. Конечно Ксюша. Целую».

Выписали их восемь дней после этого посещения, когда дочка весила уже два килограмма и сто пятнадцать граммов. Эта уже была красивая кукла, живая и родная кровинушка, которую Василий держал по пути домой в такси и никак не хотел отдавать Юлии и всё открывал уголок пеленки и смотрел как на превеликое чудо. Как и с чего вдруг такое могло получиться? Ведь живая же! Человечек! Назовет папой, пойдет в школу... Такое чувство он ранее не испытывал. Это было что-то новое и что-то теплое, как и сам комочек, который он держал в руках. Только и смог проговорить: «Вот теперь мы точно - семья».

До школы было еще ой как далеко, но папой дочка его назвала очень скоро. И мало того, это было первым её словом. Он, когда бывал дома, мыл дочку сам, поставив маленькую ванну прямо на стол. Юлии такое дело не особо доверял. У него получалось ловчее. На левой его ладони покоилась головка дочери, а туловище вертелась вправо и влево, хлопая руками по воде. Юлия побаивалась, что он может выронить головку, а вот дочь была полностью солидарна с ним. Её устраивало такое спокойствие и уверенность в его движениях, что она забывалась и начинала бить по воде руками и ногами, вызывая восторг обоих родителей. Жена от них не отходила и смеялась от души, любясь тем, как радуется маленькая дочка в водной стихии. Ребенок так же приходила в восторг от звука шлепков, от прикосновения воды и капелек брызг, летящих во все стороны. Она буквально приходила в ярость и начинала бить по воде так сильно, но тут же

останавливалась, испугавшись когда вода попадала в лицо в большом количестве. Однако такое состояние продолжалась не долго, и она начинала резвиться дальше. Именно в один из таких моментов, она ясно произнесла «Папа». Она, конечно же, не могла знать, что так нужно называть кого-то. Одно слово это ей понравилась, и она повторяла его раз за разом, а после стала отвечать. Василий говорил: «скажи Папа», и звучал ясный ответ - «Папа». У Юлии первоначальный восторг стал переходить во что-то похожее на ревность, ей было «чутьточку обидно».

- Вася, ну скажи ей, пусть скажет «Мама», - про-сила она мужа,- она ведь уже начала говорить , а «мама» - такое простое слово.

- Дочка, дочка. Говори «Ма-ма», «Ма-ма», - уговари-вал Василий свое чадо.

Чадо понимала, что с ней разговаривают, важ-ничала, но отвечала так же спокойно:

-Папа. Папа.

Василий был на седьмом небе, доставал ребен-ка из ванны, поднимал над головой и исцеловал всю попку, пока не увидел на глазах у жены, навернувши-еся слезы. Ему вдруг стало её так жалко, и он стал успокаивать её, тихонько смеясь, чтобы не обидеть ещё сильнее.

- Ну что ты хочешь, Юля. Ведь ребенок сам понял, что сказал, что-то важное, раз родители смеются. Дай ей привыкнуть этому слову, и она скоро выкинет вто-рое слово. Вот увидишь, это слово будет «Мама».

Так оно и случилось, но не сразу. Василий ходил по дому важный, как именинник. Он действительно ужасно любил дочку, и это радовало Юлию. Чего стоит посмотреть одно то, как он готовился купать дочку. Свои руки, пропахшие бензином и маслами особенно после рейса, он мыл так яростно, как хи-рург перед операцией. Тёр ладони губкой намочен-

ной «Ферри», а после мылом и при этом обязательно улыбался, предвкушая водные процедуры любимой крохи.

Девочка росла голосистая, но улыбчивая, и благодаря кефиру из молочной кухни, к трем годам догнала своих сверстниц. Молока у Юлии было мало, и Василий подшучивал над ней со словами «С такими надоями все фермы уже давно позакрывали». С каждой своей поездки, он привозил дочери яркие игрушки и радовался вместе, распластавшись на спину, прямо на полу, усадив дочку на грудь. Ей это так же нравилось. Дальние рейсы на «Камазе» хотел было бросить, чтобы дольше быть с дочкой, но были нужны деньги, и жалко было оставить напарника. Евгений был старше его, но именно он взял Василия в напарники, несмотря на его молодость. Подводить его не хотелось. Между рейсами он посвящал дочери всё свободное время, стараясь дать Юлии отдохнуть от забот. Он с первого дня стирал пеленки и распашонки, предварительно обнюхивая их, чем всегда смешил жену. Ему и на самом деле нравился запах всего, к чему прикасалась дочь. Кисловатый запах кефира от бесконечного срыгивания вперемешку с запахом молока жены издавали ничем несравнимый аромат домашнего уюта. Дочь так же не хотела отходить от папы надолго, с его руки ела куда охотнее и переставала капризничать. Позже, когда посещали всей семьей общественные бани, отправить дочку с мамой в женский отдел удавалось с большим трудом. Она норовила сорваться с папой – в мужской. А какую радость она испытывала при его возвращении, когда она оказывалась в это время на улице в песочнице. Увидав отца, издали, Ксюша срывалась с места с криками «Папа! Папа!», напугав всех детей, и неслась к нему навстречу с криками и с распростертыми руками. Соседки, сидящие обычно на

скамейках смеялись и качали головами. За ней закрепилась слава «папиной дочки». Папа стал для дочери таким авторитетом, и Юлия потихоньку свыклась с этим. «Он так часто и надолго уезжает, скучает дочка по папе». Она и сама успевала соскучиться и радовалась при встречах, хоть тоже выбегай на встречу с распростертыми руками на зависть соседок. Однако же, появилась ещё одна вещь, слегка задевшая её самолюбие. Когда у Ксюши начались бесконечные «почемучки», она стала переспрашивать у папы, словно проверяя правильность маминых ответов. Василий, правда, никогда не поправлял жену, но ей все равно было «чутьочку обидно».

- Так и должно быть, - успокаивал он жену, улыбаясь. - И вообще не обращай на это внимание. Вот подрастет еще малость, у вас уже от меня начнутся общие секреты, а пока дай мне поцарствовать.

И она, действительно, не обращала внимание на надоедливые «А почему?...», особенно когда папа находился дома, и с большим удовольствием уходила от её вопросов.

- Спроси у папы, он у нас пока царствует.

Правда, первый такой ответ Юлии вызвал новые вопросы, типа «А почему царствует? А как царствует?».

Все эти «мелочи жизни», как потом оказалось, были настоящим счастьем, ради которого стоило родиться на свет божий. И нет ничего в жизни более важного, чем иметь, заботиться и кормить свою семью. Все эти благодарности от начальства, доски почета, зависть коллег, престижные тачки ничего ценного не имели. Вся эта дребедень придумана для тех, кто обожает другой образ жизни и привык тешить свое самолюбие не теми ценностями. Если хорошо подумать, то это не жизненный смак вовсе, а лишь потребительский «бзик» и эрзац благополучия. Её дочь – вот истинная ценность, и ничего более

ценного ему уже не сотворить. Даже сам процесс телесного удовольствия при зачатии, что более близко принимается мужчинами, уходил на второй план. И какое счастье родиться и быть человеком среди других тварей природы, имея такие удивительные чувства, как любить и быть любимым.

Все эти мысли Василий осознал потом, с урывками в полуобморочном состоянии, сквозь адские боли во всем теле. Они тревожили его каждый раз, когда он приходил в себя, чтобы снова терять сознание. Но, они же, и давали силу...

Авария случилась зимой на границе Башкирии и Челябинской области. Большегрузная фура, идущая впереди на подъем, уперлась о задний бампер легковой автомашины, молодой водитель которой вдруг дал по тормозам и с целью продолжить путь выбрал повышенные обороты. Колеса его легковушки прокручивались на месте, и фуре пришлось сбросить скорость. Теперь обе эти автомашины юзом катились назад на их «Камаз». Справа был обрыв, а впереди встречный поток транспорта. За рулем был Евгений, который принял решение встретить несущую на него фуру мягким ударом на малой скорости и замедлить спуск с крутого откоса так, чтобы уже третья автомашина, идущая за ним, такими же манипуляциями, смогла остановить всю тройку. Груз, давящий на фуру можно было таким образом распределить на всех, раз за разом, создавая помехи скатывающейся назад автомашины. Однако водитель автомашины, идущей следом, маневр не понял и, не сбрасывая обороты, взял на обгон, пытаясь проскочить скатывающиеся назад машины. Едущая навстречу «Газель» несло под гору, и ему тормозить тоже не имело смысла. В результате задняя автомашина снова приняла вправо, зацепив задний угол борта «Камаза», от чего прицеп качнуло в сторону обрыва,

где он повис между небом и землей, но всей тяжестью груза потащил за собой и кабину. «Камаз» рухнул с большой высоты, не оставив Василию с Евгением никакого шанса выжить. Но Василий выжил и выстоял. С множествами разрывов внутренних органов и переломами он был доставлен в больницу, перенес четыре операции и выкарабкался, что само по себе было чудом.

Выписывали Василия из больницы через два долгих месяца с документами, для оформления в последующем инвалидности.

- Шрамы и хромота у тебя, парень, останутся на всю жизнь. На новую операцию не соглашайся. Это мой тебе совет. Лучше уже не срастётся, а хуже могут сделать, - говорил ему хирург. - Удивительно уже то, что ты выжил. Тебя собирали по запчастям и никто верил, что сможешь выйти из такой «капиталки». Тяжести не поднимай, резкие движения не делай, внутри тебя не все пока зажило. Чуть что – к врачам. Имей в виду, остерегайся даже чихать сильно, кашлять и даже тужиться в туалете. Поживи на малых оборотах с полгодика, а там - глядишь- и на вторую скорость переключишься...

Он увидит дочь и жену. И пусть не сможет взять Ксюшу на руки и подбрасывать вверх, как при встречах после рейса, но они будут вместе. Она будет сидеть у него на коленях, болтать, смеяться, смотреть ясными глазёнками и задавать свои вопросы. Господи, до чего же человек может быть счастлив! Казалось бы – всего лишь звено в цепи между предками и потомками, а сколько в нем помещается чувств прекрасных и не очень! Он, конечно, не царь природы, тут малость переборщили, но лучшее, что Бог создал и вложил всю душу Свою. Одна Ксюша чего стоит!

Свояк Виктор, прибывший за ним, ехал на сво-

ей «Ниве», будто вёз хрустальные люстры и был как баобаб не пробиваемым, а только отвечал:

- Мне так велено тебя везти и не торопись. У тебя, между прочим, полупостельный режим, устройся поудобней, ехать не близко. Даже в аварию и то не можете угодить в своей области. Одно слово – дальнобойщики.

Ксюша ждала папу давно и всё удивлялась, почему он так долго не приезжает.

- Ну, мама... Скоро уже наступит «скоро»? Машина не заводится?

В последние дни она спала в обнимку с папиной курткой, которую Василий надевал, когда они вставляли на ремонт. Куртка когда-то замшевая, уже протертая до блеска. И как только она нашла её среди старья в кладовке? Уму непостижимо. Однако от неё пахло папой. Словно только что приехал и ещё не успел переодеться. Юлия хотела было тихонечко убрать куртку с чистой постели, но дочь даже во сне держалась за неё крепко. Не отпускала.

- Да что же вы такое со мной делаете, - ревела Юлия. – То ты чуть не померла, едва успев родиться, то папка наш чуть сиротами нас не оставил.

Слезы её нельзя было считать отчаянием, вызванным от большого горя, ведь оба милых ей человека остались жить и полностью составляют всё то, ради чего будет жить она сама. Видать, не бывает счастье таким полным – не будь несчастий. Оно, правда, и хрупкое очень, изменчиво и нуждается в понимании и защите.

- Господи, будь милосердным, спаси и сохрани нас. А мне поспать, пожалуй, не придется. Они уже в пути. Вот-вот наступит «скоро» и приедет папа, а ты ещё будешь спать, дочь моя.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЛИХОРАДКА

приключенческая повесть

1. Прибытие.

Этот молодой человек назвавшийся сыном дворянина и дальним родственником «самих Апраксиных» появился во Владивостоке в августе 1919 года. На вид ему можно было дать около 35 лет, но выглядел молодцевато, всегда одет в светлые костюмы в полоску или клеточку с бриджами английского покроя, но не военного образца. Он был светел лицом, но в тоже время скуласт, как азиат и по манере держать спину было видно, что привык к седлу. Действительно от него исходила такая уверенность и непринужденность, словно жил здесь всегда, но уезжал ненадолго и вот вернулся обратно. Буквально через пару дней он был знаком почти со всеми, кто имел более или менее значительное положение среди горожан. Жить он устроился в гостинице «Золотой Рог» и перекупил ресторан, расположенный через четыре дома здесь же на Алеутской улице. Звали незнакомца Семёном Семеновичем. Поговаривали, что знаменитая своими девочками бордель на Полтавской улице куплена им же, но там его никогда никто не видел.

Кого только во Владивостоке в это время не было. Все началось 14 мая годом раньше, на станции Челябинск во время командного совещания чехословацкого корпуса. Находящиеся там представители Антанты и правые эсеры подбили чехов на мя-

теж. «Зачем же, - говорили они, - вам сдавать оружие и ехать через всю Россию на правах рабов. Вы – сила!». Чехи освободили своих товарищей, задержанных за драку с проезжающими военными, разоружили отряд красных, вооружились дополнительно захваченным оружием и стали нападать на советские учреждения. Телеграмма наркомвоенмора Троцкого расстреливать чехов не желающих сдать оружие только подлило масла в огонь. Сразу же, заполучив еще одну кость в горле рабочего правительства большевиков, госсекретарь США Лансинг предложил Японии, уже занявшую Русский остров направить во Владивосток дополнительный экспедиционный корпус, который мог бы контролировать железную дорогу до Иркутска. Окончательная победа над большевиками была сомнительной, но уже можно было начинать снабжать чехов и белых оружием, за которые будут рассчитываться российским золотом. Япония сама была не прочь занять Приморье и Сибирь. 4 апреля 1918 года им пришлось убить во Владивостоке двоих своих японцев и занять город. Такой сценарий уже отработан, да и кого стесняться? Осенью на 4-х миноносцах прибыла дополнительная сила японцев и был занят Николаевск-на-Амуре. Из Гонконга прибыл 25-й батальон английских войск, 9 августа прибыл французский батальон, 12 августа целая пехотная дивизия из Японии, а 16 августа американский экспедиционный корпус с численностью 16 тысяч бойцов.

Кроме плана свергнуть советский режим, они имели отдельно каждый свои планы по захвату территории. Кусок большой, лакомый, всем хватит. Японцы допускали такие зверства, что волосы на голове поднимались. В отличии от Европейцев и американцев у них существовала доктрина «Азия – для азиатов». Верховный правитель адмирал Колчак их нена-

видел. Он всегда считал Японию врагом номер один. Он надеялся с помощью американцев расширить границы своей власти от Читы до Владивостока, а после двинуть на Москву. Американцы не хотели воевать с партизанами, вели себя выжидающе. Их пока устраивало и то, что одних только пулеметов «Кольт» продано Колчаку на несколько тонн российского золота. Действительно кроме самого Колчака благополучие России никого не интересовало. Правитель и сам начинал злоупотреблять данной ему властью. Он стал игнорировать объявленное Деникиным положением, что за «подвиги» в братоубийственной войне награждать никого не стоит. Выпуск наград и золотого именованного оружия процветало.

Однако не было ничего регулярного и постоянного на огромной территории. К Колчаку с Запада подошли чехи, которые руководствовались непонятно какими мотивами, подчиняясь французам со времен войны с немцами. Брест-Литовский мирный договор высвободил их от окопной жизни, а теперь они пересекали всю Россию, чтобы попасть домой. Родина своя их, похоже, не особо ждала, а потому они находились в полувоенном состоянии против красных, поскольку остались под командованием Франции, являющейся союзником белой России. Похоже, что ложась спать, они и сами не знали за кого выступят утром следующего дня. Красная Армия на Урале набирала силу и скоро придется отступать в Сибирь. Как единственная надежда по широким сибирским просторам передвигалась 400-тысячная армия атамана Семенова. Однако и она в последнее время испытывала трудности с бойцами. Партизанское движение разрасталось на всей территории Сибири и Дальнего Востока. Отрядами руководили еще различные командиры, но уже намечались первые встречи будущего общего руководства, которое дол-

жно было соединиться в одну освободительную армию Приморья. Поиски и поимка Сергея Лазо откладывалась, хотя он сам в это время наведывался и во Владивосток. Его авторитет разрастался, и сибиряки не хотели идти по мобилизации к атаману Семенову, несмотря на его устрашающие пытки.

То, что хозяин ресторана на Алеутской улице является авантюристом, догадывались многие. Им заинтересовался и командир карательного отряда японцев Суеманцу, но проверить его досконально не мог. В такой огромной стране и в такое время выяснить что-либо было почти невозможно. Просто арестовать и пытать, как он делал обычно, тоже не хотелось. Семен Семеныч был на короткой ноге с самим командиром 12 бригады генералом Ямада Сиро, который прославился расстрелами целых деревень. Документы, как от Колчака, так и от атамана Григория Семенова у него имелись и никаких сомнений не вызывали. Вполне возможно, что у этого Семена есть и повыше рангом «товарищи». Суеманцу не удивился бы, если при обыске у него обнаружили мандат от самого Сергея Лазо, за которым он так безуспешно охотился. В исключительных случаях Семен представлялся как помощник бывшего колчаковского военного министра генерала Розанова.

В этот дождливый вечер в отдельном кабинете ресторана Семен готовил встречу Сергея Розанова с эмиссаром атамана Семенова Егором Булатовым. Егор этот больше походил на китайца, чем на русского. Он действительно был отбит во время поножовщины у бывших кунхузов, занимающихся теперь поиском золотого песка и воспитан торгующим пушминой купцом Булатовым. По русский и японский он говорил свободно, и встреча происходила по насто-

янию генерала Розанова, который спал и видел себя верховным главнокомандующим вместо Колчака. Сергей Розанов, в отличие от самого адмирала, не мог пользоваться таким авторитетом среди офицеров. Он был груб и невоспитан, но считал, что опираться нужно на силу атаманов и постараться собрать вместе войска атаманов Семенова, Пепеляева, Бочкарева и Григорьева. Если Колчак был воспитан в лучших традициях российского военного и был незаменимым, признанным во всем мире специалистом в морском минном деле, действительным членом Имперского Русского географического общества как дважды участвовавший в полярных экспедициях, то Розанов звезд с неба не хватал. Он считал Верховного педантом и белоручкой. В то время, когда в России идет война с мужиком, - считал он, - бить их нужно тоже силой атаманов, а не регулярной армией. Кроме того, Семен узнал от Розанова, что атаман Семенов каким-то образом захватил два вагона из золотого запаса, который Колчак, боясь больших и нежелательных перемен, тайно перевозил во Владивосток. Большую часть золота он оставил при себе, но и эти несколько вагонов требовали постоянного за ними присмотра. Японцам адмирал доверял не особо. Розанов им был направлен туда как командующий гарнизоном и представитель Ставки. Розанов готовился основательно, и перед собой снабдил деньгами и отправил во Владивосток командира охраны поручика Проскурякова, который пользуясь вверительными грамотами, должен был основаться во Владивостоке раньше него, под именем купца Семена Семеновича Рычкова. Никто не должен был знать, что они знакомы лично. Поручик должен был жить на широкую ногу, содержать несколько конспиративных квартир. Денег для этой цели не пожалели. Однако, генерала Розанова интересовало не только

золото. Он за спиной у адмирала, хотел поднять свою верховную власть над атаманами всея Руси, главнокомандующим при котором должен был стать генерал-лейтенант Семенов Григорий Михайлович. Сам он метил в Правители России. В этом деле они хотя и секретничали, но как догадывался Семен, без его помощи обойтись не смогут. На то были свои причины. Семен постарается делать вид, что является преданной и мало что понимающей пешкой, а все же сумеет сыграть свою партию. С этой целью он решил поближе познакомиться с Егором и понял, что не ошибся. Егор, через которого атаман Семенов вел предварительные переговоры с Розановым, был скроен по образу Семена, который всегда думал, прежде всего, о своем благополучии. Судьба золота, о котором так прозрачно намекал Семен, его заинтересовало больше.

2. Семен Семеныч.

Володя Проскуряков рос в помещичьей семье, считался дворянином, но особыми узами с детьми других дворян связан не был. Со своего Заволжья в Питер выезжал редко и никому из избранных представлен так же не был. Его сверстники из других дворянских семей заводили знакомства друг с другом и готовы были разорить своих родителей, лишь бы достать очередное рекомендательное письмо, что бы попасть в именитые семейства и модные общества.

Дворянский титул отца, Афанасия Проскурякова многие считали полученным незаслуженно. Первоначально он пытался доказать законность своего положения, восстанавливал документы, писал запросы с целью выяснения места жительства свидетелей тех событий, но потом плюнул и засел в своем имении

за Волгой. Он водил дружбу только с соседом помещиком Кириллом Водопьяновым, который славился на всю округу своими наливками и выездом. Наливками он угощал всех, кто к нему заглядывал, а его выезд с донскими жеребцами и инкрустированной отрытой каретой был предметом зависти многих. И было наплевать Кириллу, что выезд его не совсем гармонирует разваливающимся и бедными деревнями и пьяницей управляющим.

Афанасий своим выездом гордиться не мог, но хозяйство держал добротное, и у него так же было чем похвастать: он держал псов гончей породы. Псы действительно были что надо. Вязать их возил аж в другую губернию, но и гончаки нравились охотникам, что они заказывали их ему загодя. Владимир не понаслышке знал, что значит кормить собак молоком крестьянок. Конечно, его отец не тыкал своих собак мордой в грудь молодайкам, все происходило совсем иначе. Роженицы сами выдаивали свое молоко в бидончик, который к ним носила прислуживающая Катерина-солдатка. Владимир относился к этому спокойно и даже думал, что из-за этого не стоило народникам устраивать революции. Ну и подумаешь – собаку женским молоком. А что же тут такого? Вон, например, Варвара из села Сидельники и детей не имеет, но зато грудастая, как корова – ведерница и в определенное время года надевает три кофты, чтобы не было видно, как исходит молоком и вся верхняя одежда бывает мокрой. С другими тоже ничего не делается, дети, поди, не голодают. Его отец и вправду был уверен, что у собак из-за этого особый нюх и нрав. За это барин отпускал этим семьям рыбы и меду. Рыба водилась и в двух других прудах, но вылавливалась быстро, еще мелкая и худая как щепка. В главном пруду возле имения рыба была под охраной и туда раз в четыре года выпускали малька.

На образовании сына Афанасий тоже не экономил. Никого из прославленных ученых он не приглашал, но в левой половине дома, выходящей на пруд отдельным выходом, на полном содержании проживал бывший сановник из министерства финансов, который был ранее вхож во все дома вельмож столицы. Его звали Альфред Бергольц. Афанасий встречался с ним в основном за обедом и видел, что Альфред ничем не уступает своей начитанностью другим «умникам из столицы». О себе Альфред говорил мало. Только и было известно, что он попал в опалу за финансовые махинации своих начальников. Так это было, или не так, Афанасия особо не тревожило.

Революционными мыслями Владимир так же переболел, поступив в технологический институт столицы, где крамола расцветала так буйно, что в жандармском управлении называли это учебное заведение «рассадником карбонариев». Правда «Дело студента Проскурякова» было сдано в архив в связи с тем, что вольномыслящий, после двух приводов, из города исчез. Такая «показушная и безобидная активность» его не проняла. Видимо засиделся малец в имении отца безвыездно так долго, что никак не мог нагуляться. Он и в правду проявлял такую активность, и распространение всякого рода прокламаций было не для него. Так он оказался в стане батьки Махно в роли старшего боевой группы. Владимир, который привык к седлу с малого возраста, проявлял такую прыть, что был замечен самим Нестором Ивановичем. В «эксах» ему равных не было, словно он родился стрелять из нагана и грабить кассы государственных учреждений. А еще он любил врываться в дома богатеев, обижающих крестьян, тащить за волосы великовозрастных девах или подгонять розовощеких барчуков ударяя шашкой плашмя по мягкому

месту, что уже пороть не нужно было. Ему нравились эти мобильные удары в нескольких местах сразу и легкие незначительные победы. Батя Махно считал себя хозяином своей республики, и видел, что нужен красным только временно, как прикрывающий их тылы или соседние участки. Дисциплина, которую хотят навязать ему большевики, угнетала. «Обязательно им нужно пристегнуть меня к своей стратегии и наступательным планам, - говорил он, - будто не могут без меня. У меня своя борьба, я – за свободу личности! Когда это надо мне, я могу принять общие тактические задачи, но уничтожая одно государство, не собираюсь построить другое». Похоже, что он действительно был одним из немногих анархистов, кто и вправду верил в возможность существовать без власти. Напившись, мог цитировать целые страницы от Кропоткина, а когда сбивался, то подзывал «политкомиссаров», которых возил с собой на все «мероприятия». Бывало временами, что слова от него не добьешься. В таких случаях лучше держаться от батяки подальше и молчать. Все помнили случай, когда один из бойцов Гриша Одесский имел неосторожность сравнить окружную конференцию анархистов с воровской сходкой, не убедившись настроением Нестора Ивановича. Бедный Гриша. Маузер атамана специально пристреливали два раза в месяц. И на этот раз он не промахнулся...

Крутой нрав командира и возможность схлопотать как от белых так, и от красных, ничего хорошего не сулили. Менялась дисциплина, грабежи прекращались, и однажды Владимир покинул, после кровавой бойни, это войско. Вместе с ним бежал боец Ярослав Дубак, чех по национальности, служащий в обозе, не забыв прихватить некоторые ценности. Ярославу пришлось переодеться, а Владимир и без того на военного человека не походил. Его и в отря-

де звали «студентом».

С большими трудностями и неоднократно рискуя быть пристрелянными, они прибыли в Уральскую белоказачью армию, где стали на довольствие. Однако, Ярослав оттуда убежал в чехословацкий корпус, а войско, где служил Владимир осенью, отступая от красных, встал на короткий отдых в колчаковской столице Омске. Было понятно, что и здесь им долго не удержаться. Владимира снова заметили, и он стал командовать ротой охраны штаба, а после и золотого запаса силами двух рот. Российское золото требовало защиты, а потому менялись эшелоны и паровозы, и делалось все, чтобы точное место нахождения золота угадать было трудно. К тому же рядом всегда находился бронепоезд. Дальнейший путь мог быть опасным, а потому около половины золотого запаса отдельными эшелонами было отправлено во Владивосток под охрану Японцев, которым никак не хотелось доверять. Везти весь запас с собой было рискованно, но возле себя нужно было тоже держать определенное количество. Адмирал чувствовал, что скоро снова придется отступать. Он уже плохо владел обстановкой, а среди министров единого мнения не было. Урал переходил в руки большевиков, а японцам тоже не хотелось вверять весь золотой запас. Как хороший стратег, Колчак понимал, что за Россию, кроме него, стоит горой генерал Семенов Григорий Михайлович. Атаман Семенов, считающий о необходимости создать всемирный антибольшевистский интернационал, не оценил, насколько окрепла солидарность бойцов интервентских сил с сибирским пролетариатом. Верховный главнокомандующий об этом знал. Это угрожало всему союзническому лагерю.

Так, стрелять в красных отказался 310-й американский полк, и ничего с ними нельзя было поде-

лать, что пришлось отправить на родину. Две роты японских солдат братались с большевиками, распустили погоны и прицепили красные банты. Японцы подавили их жестоко, вывезли на броненосце в море и расстреляли. Английские солдаты так же сохраняли лояльность, что Черчилль писал в эти дни и удивлялся о «непонятных отношениях между воюющими друг с другом силами». Действительно все золото доверить японцам нельзя было. Верховный и без того особой любви к ним не испытывал, а к тому же японцы как с цепи сорвались. Об их зверствах был наслышан каждый, и водить дружбу с ними – значит заранее зарабатывать ненавистное отношение со стороны сибиряков. Адмиралу рассказали о том, как японцы зверски истязали белого командира Николаевск-Уссурийского полка штабс-капитана И. Кима. Его можно было просто содержать на время проверки под арестом и всё выяснить. Однако японцы, во чтобы то не стало, хотели услышать, что он красный шпион, загоняли под кожу заостренную стальную проволоку и требовали сознательных показаний.

Верховный надеялся, пользуясь золотом, обрести новую силу и оружие у интервентов, чтобы начинать поход с нуля. Однако разрасталось партизанское движение, и один Семенов не мог владеть всей этой огромной территорией. Омск Колчак покинул так неожиданно и спонтанно, что вообще было непростительно для такой армии под командованием кадрового военного. Генерал Римский-Корсаков, командующий артиллерийскими складами, был схвачен красными так неожиданно, что долго не мог понять.

- Ему заградительные мины на море ставить, а не в пехоте воевать, - проговорил он в адрес адмирала и даже похвалил бойцов и командира 27 дивизии Блажевича. – Что ж, склады ваши, господа большевики. Заслужили.

Генерал Розанов все же понял в последствии, что атаманов всей земли сибирской ему не собрать, а уходить нужно с японцами. Он знал, что в случае уничтожения Колчака, он окажется с союзниками как представитель последнего правительства России, который может распоряжаться золотом. Именно его воля будет иметь силу для вывоза золота из Владивостокского отделения Банка России. Дружба с атаманом Семеновым его уже не устраивала. Колчак отступал, и видел Розанов, что красных не удержать.

Семен Семенович так же находился во Владивостоке, и подготавливал у себя в ресторане новую встречу Розанова, но уже с эмиссаром самого командующего японскими оккупационными войсками Сигэмото Ои. Он понял, по последним данным Розанов уже не мечтает стать правителем атаманской Руси. Бывший министр, а ныне командующий на Дальнем Востоке генерал Сергей Розанов хочет покинуть России вместе с японцами и при российском золоте. Для их встречи Семен подготовил лучший из отдельных кабинетов своего ресторана и пригласил Егора Булатова, который так же ушел от атамана Семена и готовил свой отряд для «небывалого экска», как обещал ему Семен. Он уже знал, что будет работать на пару с Семеном Семеновичем, где пахло золотом. Он был «в деле».

Эмиссаром японского командующего прибыл полковник Рокуро Исомэ, который с генералом Розановым ранее знаком не был. После их знакомства, Семен оставил их наедине и удалился. На столе рядом с бусинками китовой икры розовела пластика сочная сёмга, а в фарфоровых тарелочках дымились любимые японцем заказанные им сибирские пельмени. За их трапезой через дырку, проделанной не-

заметно посреди веток маленького дерева бансай, стоящей на этажерке, следил Семен из другой комнаты. Слышимость через тонкую фанерную перегородку, покрашенную в один цвет со стеной кабинета, была тоже отличной, что Семен с Егором сами боялись быть раскрытыми, старались не чихать, не кашлять. Комната существовала со времен бывшей хозяйки Розалии Игнатьевны, которая держала там небольшой бордельчик, а иногда любила подглядывать да подслушивать. Она одна знала, какими являлись извращенцами отцы и высшие сановники их города, перед которыми другие привыкли снимать шапки.

Розанов с Исомэ ели молча минут двадцать, а после позвали японского переводчика, ожидавшего за дверью. У Семена переводчиком служил хунхуз Егор, у которого так закруглились глаза от услышанного, что он понял – говорят о золоте. Едва проводив переговорщиков, они с Егором сами перешли в эту же комнату.

- Японец всё говорил от имени командования, но пользуется у своих особыми полномочиями. Золото вывезут на крейсере «Хидзэн» или «Ходзун» - я не разобрал, нужно было записывать. Дату и время они установят отдельно и хотят обговорить все окончательно здесь же у вас. Мы, скорее всего, Семен Семенович, будем в курсе. Большая часть золота, как им известно, едет вместе с Колчаком в сторону Иркутска, но и здесь его количество не малое, и они даже говорили о возможности применения даже двух военных судов.

- Неужто, о сроках хотя бы приблизительно не говорили? – уставился Семен.

- Сказали « на днях в течении недели», господин Семена-сан.

Семен шутку пропустил мимо ушей, о чем-то

думал сосредоточенно и проговорил:

- Ты вот что хунхуз, держи своих всегда под рукой, пусть пока воздержаться от пьянства и баб. И никуда чтобы не уезжали в течении недели. Ты всё понял? И скажи, пожалуйста, кто вы вообще такие, хунхузы? Откуда взялись?

Егор налегал на тающие во рту пласточки семги, и запивая их оставшимся от переговоров щиков коньяком, отвечал весело:

- Да не знаю я. Похоже, так звали когда-то таежных разбойников. Они промышляли всем: золотом, пушниной, лошадьми, но при этом сами не любили особо трудиться. Они любили отбирать, а своих жертв оставляли в тайге на пропитание хозяину – тигру уссурийскому. Как говорил мне совсем еще маленькому один из братьев, нас к этому приучили иностранцы, приплывшие по воде. Я до сих пор не верю, что они были мне братья, но объясняли они вполне серьезно. В результате получается, что пушнину и золото они меняли на свои замечательные карабины и револьверы. Это подгоняло к тому же - грабить этим же оружием, еще пуще. Карабины помогли добывать кабаргу на мясо и убивать богатеньких на расстоянии, а своего - почти в упор незаметно припрятанным револьвером. На другой товар пришлые иностранцы ничего не меняли. Ещё говорили, что когда-то хунхузы имели свою военную форму и служили все. Их перебили русские, строящие железную дорогу и китайские купцы. Я вырос у купца, хотя стреляю без промаха, видимо, в крови. Родителей я не помню.

- Ну что ж, будем считать, что ты флибюстьер тайги, а потому грабить приучен. Хотя бы один воз золота должен стать нашим, понимаешь? Вполне возможно, что это будет другое золото. У японцев отобрать ничего не получится. Много народу под но-

гами путается и, видать, сопровождение будет бронированное до самой бухты. Ты понимаешь, корсар мой сухопутный, не хочу я доживать в дали от родины нищим. А жить здесь и подчиняться этому быдлу, которые кормились из одного бидончика вместе с собаками моего отца, не желаю. У нас, мой корсар сухопутный, впереди целая жизнь, и проведем мы её, скорее всего, во Франции. Следующая встреча будет наша с тобой здесь же и очень скоро. Передай своей братии, чтобы воздержались пьянствовать. Мне нужно кое-что уточнить и, возможно, отъехать ненадолго.

Выбор, где провести операцию был небольшой: или у японцев или у Колчака. Придется выбрать вариант «Б».

3. У Колчака

Атаман Семенов, объявленный адмиралом главнокомандующим Дальнего Востока и Иркутского военного округа, одержал свою последнюю крупную победу летом 1919 года над партизанами Забайкалья. Победа состоялась благодаря особому манчжурскому отряду, который привел со стороны Монголии барон Унгерн фон Штернберг.

Везде действовали разрозненные партизанские отряды, а в апреле 1919 года, под боком у интервентов в самом Владивостоке состоялась нелегальная конференция РКП(б), где стоял вопрос об объединении их в одну партизанскую армию под командованием Сергея Лазо, который в то время носил подпольную кличку Анатолий Гуран.

Надвигалось что-то значительное, и адмирал не так был уверен в боеспособности своих войск. Больше всего беспокоило то обстоятельство, что вместо

него командующим всеми союзническими силами был назначен французский генерал Пьер Жанен. Так решили главы государств Антанты.

Поздно вечером, находясь в своем вагоне литерного поезда «Белый Омск» он позвал к себе адъютанта ротмистра Князева и начальника личной охраны Удинцова. Разговор больше походил на заговор. Говорили приглушенно.

- Я должен ставить вас в известность, господа офицеры, что правительство наше прекращает свое существование. Как верховный главнокомандующий я так же понижен в должности. Союзники решили, что охрана вашего покорного слуги и золотого запаса России лучше передать чехам, которые будут подчиняться исключительно приказам генерала Жанена. В Иркутске, похоже, тоже не задержимся. Вполне возможно, что будет создано новое Дальневосточное Правительство. На сей счет, пока никаких указаний нет. Прошу высказаться, господа.

Молчание длилось долго. Положение действительно было сложным. Было видно, что союзники начинают поддерживать белое движение исключительно по инерции. Поддерживали они белых, поскольку большевики открыто заявили, что долг царской России перед союзниками не признают. За время войны этот долг возрос, и хотелось получить их у России обратно, а Советская Россия заявила, что война была империалистическая, антинародная и народная власть за неё не будет нести ответственность. «Народ у вас ничего не занимал, но торговать на равных готов»

Союзники еще продолжали надеяться, что на Дальнем Востоке им удастся вооружить вновь созданную белую армию новейшей военной техникой и идти на Москву и Петроград на соединение Западным и Южными фронтами. Соединение этих фронтов стало

бы началом созыва нового Учредительного Собрания и формирования Правительства, пусть даже в союзе с большевиками, но признающего царские долги и союзнические обязательства. Остальное, как полагали капиталистические державы, доделает набившая руку западная дипломатия. То, что смогут со временем провести в новое правительство своих людей, они не сомневались. Совдепия такими специалистами не располагает, надеялись они, а потому в войне дипломатии равных им нет.

- А нельзя ли, Ваше превосходительство, приказать генералу Семенову о взятии всех эшелонов правительства, золотого запаса и войск под свое покровительство и наступать параллельно железной дороге. Генералу Жанену осталась бы должность по обеспечению связей между союзническими силами. Командовать нами в таком случае им было бы ни с руки. – Ротмистр встал и начал ходить по ковру за креслами. - Их дело поддерживать авторитет человека, на кого они сами поставили. Я начинаю думать, господа, что у наших «друзей» подготовлен и вариант «б» на случай победы большевиков. «Победа любой ценой» - им не импонирует.

- Не уверен, господа, что генерал Семенов должен бросить в такое время Сибирь и Забайкалье. Это даст возможность красным следовать за нашими спинами до самого Владивостока, К тому же такой шаг означал бы оставлять такую огромную территорию без боя, А это, не будем забывать, новые силы по мобилизации, фураж и близость к другим фронтам. Чехам не долго осталось доехать до океана, и останемся мы снова одни. – адмирал подошел к окошку и приоткрыв занавеску посмотрел на улицу. - К тому же, господа, мы не можем выказать такое недоверие к союзникам. Скоро нам понадобится много всякого вооружения. Пока мы зависимы от них

и должны считаться.

- Прошу в таком случае, Ваше превосходительство оставить нас при своих должностях, - проговорил весь багровый от злости начальник охраны, - я Франции не присягал. Я, Александр Васильевич, если позволите, буду исполнять свои обязанности. Наружные посты охраны золота и Вас так же нужно оставить, и караульную службу продолжать. Чехи пусть займутся внутренними постами золотого эшелона с учетом того, что проверку пломб и печатей осуществлять представителями обеих сторон. Предлагаю для достижения этой цели начальнику их охраны определить двух помощников, один из которых будет наш штабной офицер.

- Что ж, господа, - провел черту Колчак, - пожелания ваши вполне понятны и будут доведены мной до союзников.

-Адмирал не доверяет своим союзникам?- как бы в шутку обратился к Колчаку Пьер Жанен, выслушав его условия. – Франция не виновна в том, что состоялся Брест-Литовский мир и теперь моя задача вывезти чехословацкий корпус к берегам Тихого океана. Согласитесь, адмирал, они сослужили хорошую службу.

Колчак прекрасно понимал француза, но смолчать тоже не мог:

- Однако, согласитесь, господин генерал, что движемся мы по российской земле и с казной России. От союзнических обязательств тоже не отказывались, но продолжаем оставаться суверенной страной и меня не поймут, если всю охрану заменим чехами.

Жанен так же находился не в лучшем положении. Он понимал, что эту затею можно истолковать как вмешательство во внутренние дела России, а

потому проговорил, разводя руки в стороны:

- Всё делается в интересах общей безопасности, Александр Васильевич, и решение принято всеми союзными державами. Однако я вполне согласен Вашими выводами, они обоснованы и должны быть выполнены.

Чехи, воевавшие под командованием французов на стороне России против Германии, после «позорного мира», оставались втянутыми в гражданскую войну. Именно по вине большевиков они не могли пройти через Западный фронт и теперь вынуждены тащить-ся через всю Россию. Они воевали, как французское войско против красных, но называть их интервентами или врагами революции в полном смысле этого слова нельзя было. Теперь, на подходе к Приморью, чешский высший и старший офицерский состав эшелонами везли награбленное, из-за которых литерные поезда едва ползли. Не имея никакой классовой основы ненавидеть красных, они рвались домой и уже готовы были побрататься с самим чертом – лишь бы быстрее загрузиться в суда и начинать свой долгожданный путь на Родину.

4. Последний акт экспроприации «Студента»

В середине осени 1919 года отстраненный Колчаком за разногласия бывший чешский генерал Гайда готовил во Владивостоке мятеж против Колчака. Созданная им подпольная организация набирала силы уже длительное время и вооружалась. Бывший генерал Рудольф Гейдель был человеком мстительным, самолюбивым и, хотя будучи отправленным Колчаком «в резерв» затаил обиду, на самом деле не был согласен с тем, что Колчак не пошел на соединение с

южным фронтом, чтобы идти на Москву, а все больше увязал в Сибирских просторах. В организацию Гайды входили эсеры, некоторые портовые рабочие и военные из числа несогласных политикой интервентов. Особую лояльность проявил чешский генерал Чечек, выделив огромное количество обмундирования и оружия. Основным лозунгом мятежников стал – «Долой гражданскую войну!». Жители города и крестьяне его не понимали, но потянулись большевистские агитаторы. Им очень хотелось воспользоваться моментом и превратить это выступление во всеобщую стачку. Вместе с требованиями опального генерала быстрее вывезти чехословацкий корпус без участия в военных действиях против красных, они надеялись развить эту мысль и сделать понятным для всех – «долой интервентов всех мастей!»

Семен Семенович за ужином, докладывал Розанову «о поползновениях Гайды», приукрашивая события и сгущая краски. Он везде имел свои уши, делился информацией «по секрету» как с Розановым, так и японцами. При этом, очень много знал о них, но никто из них ничего не знал о нём самом. Семена Семеновича звали за глаза «темной лошадкой», «мутным источником» или просто баловнем судьбы и ранней выскочкой. Какие планы вынашивал молодой хозяин ресторана, никто не догадывался. Розанов был уверен, что он является его «разведкой» и помощником по секретным делам, а японцы считали молодым человеком, ухватившим однажды за хвост птицу счастья и теперь прожигающим жизнь на деньги родителей-миллионеров, завербованным в последствии Розановым для тайных связей с атаманом Семеновым и освещения общего настроения горожан. Сам Семен Семенович был занят осуществлением первого этапа плана «Б».

Он предложил Розанову, что готов отправляться

навстречу Колчаку в Иркутск с подробным рапортом. Оттуда собирался вернуться с указаниями адмирала о политике белого движения относительно Гайды и вопроса по назначению Жанена командующим всеми силами союзных войск. К телеграфной связи, в свете последних событий, генерал Розанов не доверял. Особый интерес представляла реакция чехов и Жанена на планы Гайды о немедленном выводе чехов из военного положения против большевиков. Гайда подчеркивал, что чехи взяли за оружие под командованием Франции против Германии и в союзе царской России. «Теперь, - подчеркивал он, - нет войны с Германией, как и нет в России царя. В связи с этим нет и никаких обязательств, которые задерживали бы граждан иностранного государства и разрешали использовать их для решения внутреннего конфликта другого суверенного государства». При нынешней агитационной активности большевиков, чехи могли истолковать, с их легкой руки, все как призыв к действию и поднять новый бунт, но уже против политики Франции и лично Пьера Жанена.

Возможность таких событий в сотни раз была опасней, чем сам Гайда с плохо подготовленным отрядом с численностью не более полутора тысяч человек. Без согласования с Колчаком, Розанов не хотел предпринимать какие-либо меры. Интервенты смотрели на это как на личный конфликт командующего с одним из разжалованных генералов, не более.

- Ну, что ж, Семен Семенович, вы снова становитесь штабс-капитаном и моим личным доверенным лицом, - напутствовал Розанов. - Лично передайте Александру Васильевичу, что я готов усмирить бунт Гайды силами учебных батальонов из Русского острова. Им это пойдет на пользу. Не думаю, что стоит против этого ветеринарного фельдшера выставить регулярное войско.

В Иркутске Семен Семенович появился при золотых погонах под именем штабс-капитана Аверченко в сопровождении четырех военных без знаков различия. Выправка и френчи были военного образца из хорошего английского сукна. Это были Егор Булатов с тремя из своих «корсаров». Несколько офицеров под командованием заместителя Иркутского гарнизона ожидали их в здании вокзала, предупреденные как Колчаком, так и Розановым.

Гарнизон города казался вполне боеспособным, о чем не преминули заявить местные офицеры, принимая Семена за представителя Ставки. Однако по количеству патрулей на улицах и разговору солдат было понятно, что видимость эта не такая уж устойчивая. Всё же штабные офицеры были в приподнятом настроении, ожидая, прибытия менее чем через двое суток основных сил Колчака и чехов. Представители местного дворянства, ожидая возможность создания нового правительства, уже делили министерские посты и готовили приветственные речи. В городе находился прибывший с утра на бронепоезде генерал Жанен с батальоном охраны, который не имел никакой охоты встречаться с посланцем Розанова, которого недолюбливал. Колчака он оставил в пути. Дорога была забита эшелонами с награбленным чехами добром, хотя Александр Васильевич издавал приказ о лишении их всего награбленного перед погрузкой, оставив лишь солдатского или офицерского довольствия вместе с личными вещами.

Штабс-капитан Аверченко, проверив достаточность освобожденных для поездов путей и тупиков для золотого эшелона с бронетехникой, изъявил желание отобедать. Его повезли на автомобиле к городской голове, где в этот день обедал командир гарнизона с двумя адъютантами, а сопровождающих

его лиц пригласили в офицерскую столовую. Штабс-капитан посматривал на часы с золотой цыпочкой. До выезда навстречу с Егором Булатовым и его «корсарам» оставалось еще достаточно времени.

Сообщение о том, что в девяноста километрах от Иркутска из-за неисправности участка железной дороги допущен сход трех вагонов с рельс пришло точно в срок, когда сгущались сумерки. «Пока Егор точен», - подумал Семен, и быстро отреагировав на сообщение, организовал две дрезины, на которых выехал навстречу к эшелонам. На первую с пулеметом и двумя бойцами местной комендатуры, погрузились путевые работники с инструментами, а на второй выехал сам штабс-капитан Аверченко со своими сопровождающими, не смотря на протесты командира гарнизона, который ужасно боялся за жизнь «представителя ставки», за которого, в случае чего, придется отвечать перед всем командованием лично ему. А «представитель» даже не догадывался, что инструменты можно было не брать. Почти каждый эшелон Колчака имел специальную платформу с запасными шпалами, рельсами, костылями и инструментом.

- Успокойтесь, господин полковник, - говорил штабс-капитан, - я боевой офицер и со мной проверенные люди. С ними удавалось выпутываться еще и не из таких историй.

Взрывом и разбором рельсов, команда Егора Булатова надолго остановила первый поезд с лошадьми, фуражом и сопровождающими рабочими из вольнонаемных мужиков. В двух вагонах ехали сопровождающие бойцы в количестве около батальона, рядом ехали с походными кухнями и разной утварью два хоззвода. Зато за этим эшелоном уже подъезжали другие, и образовалась станция, состоящая из четырех составов. Литерные поезда со штабом адмирала

и вагоны с золотым запасом были посередине. Это Семена устраивало.

Колчак, уставший и в простой полевой форме, склонился над картой вместе с начальником тыла генералом Павлом Петровым, но представителя Розанова принял сразу.

- Вы завтракали, господин штабс-капитан. Хорошо. Когда намерены обратно. Похвально, похвально. Ответ с обратным пакетом получите после восстановления дороги. Раньше вас не отпущу. - Вахитов, проводите штабс-капитана к офицерам.

Выходя от верховного, Семен нос к носу встретился с Удинцовым, который его помнил еще как командира роты охраны.

- Вот вам, бабушка, и юрьев день,- проговорил начальник Колчаковской охраны, - Какими судьбами, голубчик. Как там старый лис Розанов? А мы тут вспоминали вас с поручиком Ермохиным. Помните такого? Кстати, сегодня начальником караула. Он теперь у нас легенда. Чуть не зарубил чеха за невыполнение команды во время караульной службы. Сам Пьер Жанен просил Александра Васильевича разжаловать его и отдать под суд, да только ничего у них не вышло.

С Ермохиным встретились возле другого вагона. Поручик разводил посты и с ним рядом были два бойца, которые он заменил новой сменой, а потому разговаривал при них не так официально, как обычно разговаривал с вновь заступающими на смену. Аверченко так же панибратский достал золотой портсигар и угостил всех папиросами.

- Благодарим, ваше благородие.

Уже находясь в офицерском вагоне, Семен Семенович дождался следующей смены караула и уже знал, что еще через четыре часа заступят бойцы которых он угощал папиросами. Офицеры укладывались спать, и штабс-капитан Аверченко пошел прогуляться

Семь здоровых мужиков с двумя обозами в тайге у любого вызовет интерес. Даже если замаскировать под дрова, то не сходится по количеству человек. За дровами всемером не ездят, а тем более в тайге и в такую даль. Больно желанный был груз, за который тебя закопает любой встречный и завладеет сам. «А чтобы тебя не закопали, нужно успеть закопать самому – груз». Так было оговорено с Семеном Семеновичем, но ничего приметного и в то же время не вызывающего интерес по пути не попадало. Где попало, не закопаешь. Любое приметное место тайги забудешь, отойдя на пятьдесят шагов. Тайга сплошь и рядом состоит из похожих уголков, местечек, ельников или полян. Тем более в этих местах раньше никто из них не бывал. Стоило ли так рисковать, чтобы закопать, а потом не обнаружить такое богатство. Страшно аж, подумать. К тому же Егор хотел запомнить досконально, поскольку находить это место придется только самому. Семену Семеновичу он обещал, что по дороге после «экса» постарается убрать своих подельников. Желательно хотя бы сократить их до минимума.

Первоначально Егор испытал радость от того, что мешки, которые он хотел оставить в вагоне, оказались лучше, чем ящики со слитками. В мешках находились не георгиевские кресты с кокардами, а золотые монеты достоинством по 5 и 10 рублей с изображениями Екатерины второй и Александра первого. Ими уже можно было набить карманы, прежде чем закопать остальное. Его «корсары» уже приютили во всех местах нехитрой одежды изрядное количество монет. Предупреждения «Уймитесь, это вас погубит при любой проверке», «Придется бежать – тяжело будет» - не дали никаких результатов. Каждому хотелось запрятать больше, чем сосед. Егор понял, что у

подельников началась лихорадка. Они все уже мыслили только о своем но, несмотря на то что были готовы убежать, боялись оставить у золота других в своем отсутствии.

Закапали награбленное возле речушки с Западной стороны незнакомого села, а чтобы были приметы ещё точнее выбрали высокий дуб, от которого сосчитали тридцать шесть шагов в сторону речной извилины. Тридцать шесть лет исполнилось Егору. Самому молодому это не понравилось и он начал спорить:

- А почему, допустим не двадцать семь шагов – сколько мне лет? Почему я должен помнить твой возраст?

- Замолчи, арапник, - кричал на него Егор. – ты хоть эти, что в карманах сумей до дому донести.

Именно этот бандит был первым, кто не донес свое «добро». За деревней они напоролась на небольшой конный отряд. Похоже, что эта была разведка красных. Выскочили они как раз от того сосняка куда направлялись бандиты через небольшую поляну, что пришлось повернуть обратно и пробыть в открытой местности достаточное время. Последней за спиной всадников, показалась тачанка, которая лихо развернулась и стала бить из «Максима» длинной очередью. Раненного бросили на месте его падения и все нырнули в ельник. Красные так же ускакали своей дорогой мимо лежащего, что можно было вернуться за раненым, а быть может уже за мертвым товарищем. Никола, как его звали, умирал от попадания в живот, мучительно. А пожилой, крестьянского вида казак уже рылся в карманах умирающего, вытаскивая монеты.

- Подождать не можешь, сучье вымя! – закричал Егор и выстрелил ему в спину. – Кто еще готов

шмонать умирающего друга?!

Он сам первым взял с обоза лопату и стал копать могилу, расчетом на двоих, тут же под молодой сосенкой.

-Надо было расстрелять сукиного сына! Только вот больно известный и пакостный человек, что и мертвым доставать будет, - горячился Розанов про Гайду. – Времена нынче меняются очень уж быстро. Сегодня, дорогой Семен Семенович, поступки наши не обязательно должны быть решительными, но обязательно обдуманными трижды. Если утром тебя носят на руках, то к вечеру, не выпуская из объятий, могут отнести и поставить к стенке

Гайда действительно был разгромлен учебными ротами из Русского острова. Он дал Розанову расписку, что уплывет из Владивостока первым же пароходом и действительно уплыл. Его генеральская шинель без пагон, в которой он любил выступать на митингах, осталась валяться в гарнизонной гауптвахте Владивостока. О том, что он уплыл, могли подтвердить сразу три разведки: японская, американская и Розанова. Время было такое, что филеры различных разведок друг друга даже в лицо знали. Только Семен Семенович выуживал разведданные у Розалии Игнатьевны, содержащей на его деньги небольшой бордель на Полтавской улице. Там так же находилась явочная квартира, но ею он пользовался в основном для спекуляции и даже терпел выкрутасы Розалии, которая старалась делать деньги из чего угодно, не брезгуя скупкой краденного.

Рассуждая о Гайде, Семен Семенович вдруг вспомнил о другом чехе, которому он распорол ножом сонную артерию в «золотом вагоне».

- Какую злую шутку судьба со мной сыграла, - проговорил он вслух находясь у себя в номере гости-

ницы с певицей из ресторана, прозванной публикой Приморской Афродитой. – Это был точно он.

- Кто «он»? О ком ты, - кокетничала Афродита, надувая пухлые губки.

- Я убил своего друга Вячеслава Дубака, с которым бежал от батьки Махно, понимаешь ты это, дура набитая. Я не узнал его, понимаешь!

- Фу как грубо, Семен Семенович, дорогой...

- Пошла вон!

Он раз за разом вспоминал удивленное лицо Вячеслава перед смертью. Неужели узнал? А может, как и я, только на минуту успел понять, что виделись где-то. Неужто узнал? Он прогнал Афродиту и пропьянствовал этот вечер с шеф-поваром своего ресторана Эмилем Карловичем, так же снимающим угол в гостинице «Золотой Рог».

Нормальное настроение вернулось Семену Семеновичу с появлением в ресторане Егора Булатова, почти через неделю после «экса». Им тогда здорово повезло. Операцию, как выяснилось, они провернули в последний момент. Уже после ремонта дороги, Колчак долго добирался к Иркутску. Его литерный поезд был остановлен еще на подходе, на станции Нижнеудинске. Здесь он узнал, что город занят врагом, и обратной дороги не было. Колчак со своим председателем правительства Пепеляевым находились в штабном вагоне, когда туда пришел представитель генерала Жанена.

- Господа мне поручено сообщить вам, что вы передаетесь в руки Иркутского политцентра красных. Город взят ими, и я не в состоянии изменить что-либо.

В Иркутске первоначально возникло восстание из членов подполья, в основном состоящее из эсеров и меньшевиков. В последствии к ним просочи-

лись партизаны и был образован Политцентр. Им Жанен и сдал адмирала легко и не задумавшись, за одно лишь обещание пропустить чехов дальше.

Егор выглядел совсем недурно, хотя осунулся и похудел. Однако глаза у него горели, был одет в светлый костюм-тройку, сидел отбивая марш изящной тросточкой по каблук лаковых штиблетов. Семен был ему бесконечно рад, словно встретил родного человека. Несмотря на то, что они были совершенно разными по образу жизни, культуре и даже мыслей, ужасно нуждались друг в друге. Начерти Булатов хоть сотни карт и схем, найти место клада по ним будет невозможно. Откапай золото Егор сам, ему тоже без Семена Семеновича и шагу не сделать. Он помог ему сделать документы, оформил своим помощником, но от помощника за версту разило бандитским духом. Правда, связь с поставщиками продуктов, помощник сразу поставил на лучший уровень. Не смотря на такой клоунский вид и бандитскую рожу, он владел артистическим даром и мог, при надобности, перевоплощаться в местного безработного или портового работника и мог говорить в различных наречиях аборигенов и очень хорошо знал их обычаи и повадки. При этом он становился таким пронырой и наглым, что временами удивлял хозяина своим талантом. Он, например, никогда не старался покинуть быстрее военный патруль, проверяющий у него документы, или просто интересующийся чем-либо. Егор в таких случаях обнаруживал такую навязчивость и занудство, что военные уже не знали, как поступить, чтобы он отвязался. Во многом благодаря этим качествам ему удалось сохранить себя после «экса» и вернуться целым и невредимым пред ясные очи компаньона.

- Расскажи-ка мне, дорогой граф Монте-Кристо, ты ещё в состоянии найти место, где клад зарыт или

мать родную позабыл, пока до меня добирался? А ещё скажи любезный – многих из наших соперников оставил в живых?

Вопрос о соперниках не давал покоя и самому Егору. Золотая лихорадка после увиденных 6 ящичков со слитками и 9 мешков с монетами, коснулась и его. Не было и дня, что бы он не вспоминал об этом. Там в тайге, возле костра, уже глубокой ночью боялись засыпать. Все казалось, что сонного зарежут свои же или откопают все без него. Каждый думал : «А зачем им делиться со мной», хотя все прекрасно понимали, что в тайге это золото не унести, не перепрятать и не воспользоваться, приобретая на них что-либо. Однако засыпали под утро со страшной головной болью. У Егора Булатова головная боль заключалась в другом. « А что если они попадутся в руки врагам (врагами уже считал всех, кроме себя)? Ведь любой из них, если ткнуть в морду маузер, с еще не проветрившимся запахом пороха выложит про золото все, чтобы сохранить свою жизнь. Они будут рассказывать про золото в захлеб и поспешно, пока его не опередят другие. Если кто успеет рассказать раньше - значит других в расход». Всю дорогу он вдабливал им в головы, что не нужно было столько монет брать в карманы, и что в случае, если их захватят, нужно придумать что-либо другое, поскольку лучше иметь статус мелкого вора или гоп-стопника, чем похитителя государственной казны.

- Во втором случае, - говорил он бандитам, - расстреливают даже в мирное время. Не вздумайте про клад вспомнить!

Поплутав в тайге пару дней, они вернулись к железной дороге, где смешались толпой.

- Не смог я всех ликвидировать, Семен Семенович. Не было такой возможности. Еще одного уда-

лось подколоть и сбросить с крыши вагона, а остальные потерялись. Они и без того боялись отходить друг от друга. Надоели. Было много беженцев после наступления красных, все с баулами.

Егор выпил залпом большой фужер водки и стал не спеша закусывать.

Семен Семенович все понимал.

- Ну что ж, дорогой Егор Иванович. Золото теперь хотя и не совсем наше, но вовсе не чужое. Оно пока как клад, в земле Сибирской лежит себе тихонько, нас с тобой дожидаясь.

Егор заулыбался. Он понимал, что Семен Семенович, называя его дорогим и по имени-отчеству, несколько не лукавил. Если бы он сказал «Ты-дороже золота», то и это было бы чистой правдой. «Может потянуть это сладкое бремя и оставаться таким дорогим подольше - думал Егор, - ведь с момента, как доставим золото и определим на новое место, я резко упаду в цене и гроша ломанного не буду стоить. Он «ваше благородие» и ему одному легче определить ценности в банк и даже выехать за кордон без меня будет удобнее. Тут надо покумекать».

5. Егор Булатов

История, являясь быстрой рекой (Лета), наверное, тоже имеет, как говорил Ильич, свою классовую сущность. Мы ведь, зная или догадываясь лишь о мизерных событиях вокруг себя, пишем её для себя и со своей колокольни.

Особо умничать не буду и скажу одно: человек, как существо биологическое живет тем, что бесконечно занят приемом пищи, или попросту говоря - жрет. Этим он вырабатывает калории, которые тратит на полезные (бесполезные) действия, бездей-

ствия, подвиги или просто мельтешится без дела, чтобы дожить лет до 60 и протянуть ноги, уступив место другим. Может показаться, что я ненавижу людей. Нет. Это не так. Я – люблю людей бесконечно, ибо сам таковым являюсь, но говорю в данный момент о значении для нас желудка. Все любят поговорить, но исключительно о душе, но ведь на чем-то и она должна держаться. Кое-кто жрёт от пуза, и уже требует зрелищ, а кто-то, в это время, не может наесться. Ему не до увеселительных штучек.

Однако, какого бы не вырастил народ ученого, Ленина или кого-то там другого, сам всегда останется умнее своего выкормыша. Народ, он прост и точен. «Сытый голодного не разумеет». И не имеет разницы, какое определение ты этому придумаешь.

Лозунг: «Мир - хижинам, война – дворцам», придуманный еще древними греками, классовую сущность, вроде как, уже отражает. С жиру бесятся сытые, готовы разделить земной шар, а потом и звезды на небе, но кровь за это проливают, опять же, голодные. И тут выныривает эта сущность? Пожалуй. Но реакция на это событие большевиков – «повернуть штыки против внутреннего врага», толкнула страну в такую кровавую бойню, что у меня (который приходится им пра-, пра-) волосы дыбом встают. Никого оправдывать не хочу, да и нет в этом никакого смысла. Скажу одно - навряд ли стоило уничтожить столько народу во имя народа...

И вот, как бы оказавшись внутри тех событий, столкнулся одним интересным фактом. Белые генералы, занимая губернские или даже уездные города, изымали в первую очередь золото и драгоценности из сейфов банковских управлений. Это делалось независимо от того, собирались ли они сдать город красным или обосновывались на постоянное или длительное время. Это золото в общую казну не сдава-

лось, генералы держали их при себе. Если Колчак, являясь Правителем, имея министра финансов, относился к золотому запасу, как общероссийскому достоянию, выделял им на разные нужды из этой казны, то взамен ничего не получал, но за то были случаи, когда генералы покусались и на это золото.

В Хабаровске изъясил золото и присвоил атаман Калмыков, Читинское золото прикарманил генерал Каппель, а Семенов и вовсе мог отбить даже колчаковское золото, выделенное американцам за поставленную амуницию и вооружение.

Генералы, может, думали при этом о голодных соотечественниках или рвались пополнить казну так глубоко любимой Родины? Держи карман шире! «Сытый голодного не разумеет»

В просторах Сибири, Забайкалья и на Дальнем Востоке зарыто столько кладов, что наполеоновская золотая карета с драгоценностями показалась бы жалким подобием достатка. Розысками этих кладов занимались вплоть до конца двадцатого века в масштабе НКВД, ГПУ и КГБ СССР. Пока результатов нет.

Егор, работая в последнее время на подхвате у Семена Семеновича, стал поддерживать близкие отношения с Розалией Игнатьевной. Она как женщина уже немолодая, истосковалась по обыкновенному женскому счастью, которого испытала только однажды в далекой юности. У нее от прошлого остались одни смутные воспоминания, и жила теперь совершенно равнодушная к мужчинам, поддерживая отношения, лишь как с клиентами своего «заведения». Регулярно бывая на Полтавской улице, Егор обнаружил однажды купленный Розалией для себя серебряный бритвенный прибор. Сам он особых чувств к ней не имел, но «походы» продолжал. Для него отношения с ней тоже были необходимы, поскольку с детства испытывал трудности с женским полом (где

их в тайге возьмешь), а здесь у него получилась как-то легко и непринужденно. Только одно было для него непонятно. Сам он, уходя удовлетворенным, испытывал апатию и удивлением замечал, что Розалия изменилась до неузнаваемости, даже могла покраснеть, а это уже было событием из рук вон. Она была влюблена. Резвая и богатая на выдумки по ночам, превращалась днем в заботливую и уравновешанную женщину и обращалась с ним как заботливая мать. И дело тут было не в сексе. Она была влюблена почти в первый, но последний раз. Трудное детство и шальная бесшабашная юность куда-то из памяти исчезли, уступив место этому новому чувству. С большим удивлением, Розалия вдруг обнаружила, что способна так любить. Ей хотелось умиленно заботиться об этом создании, отдаваясь вся без остатка. Раньше и предполагать не могла, что жить можно, имея такой огромный смысл и не умереть от счастья.

Именно про неё вспомнил Егор, разговаривая с Семеном Семеновичем. Такое количество золота не убудет, если он сможет забрать остатки того мешка, откуда они брали несколько горстей там в тайге. Для хозяина (теперь про себя частенько так называл Семена) такой урон, как укусы комара. Зато он сможет отколоться от его компании, не мешать ему отбыть за кордон, сохранить себе жизнь. Надобность в таком хозяине, которому ты больше не нужен и начинаешь мешать, отпадет, если решиться воспользоваться услугами Розалии. В конце концов, такими категориями как Семен он не мыслил, и не собирался жить в Париже, имея дворцы со слугами. Насчет безопасности в будущем, с Розалией даже было удобнее, чем с ним. Семена, хоть как он не крути, будут проверять, и в случае победы красных могут и не дать возможность воспользоваться этим богатством. С Розалией так же открыто можно пользоваться ус-

лугами банка, где у неё открыт счет. К тому же она вряд ли заинтересует властей независимо от того, кто победит - красные или белые. Что с ней возьмешь: «тяжелое наследие прошлого», как горят эсеры. Проституция, одним словом. «Как бы не называли эту женщину, - думал Егор, - она мое спасение, а возможно и смысл всей оставшейся жизни. Она не обманет и за горсть золота не прирежет».

Любое вновь начатое дело авантюрного пошива обязательно влечет за собой целую цепь неожиданностей, которые предусмотреть невозможно. Это вызвано тем, что любая авантюра, сама по себе – это более хитрая и активная афера, сопряженная с огромным риском и требующая навыки. И ещё она отличается от аферы тем, что имеет цель хапнуть много и сразу.

Большой неожиданностью для Семена Семеновича стало приглашение в японскую комендатуру, хотя приходилось уже там бывать пару раз. Среди задержанных находились двое подозрительных граждан, которые при проверки документов обмолвились, что служили в Иркутске у адмирала Колчака и лично знакомы с помощником генерала Розанова штабс-капитаном Аверченко. То, что одно из имен «штабс-капитан Аверченко» является прикрытием Розановского помощника, в японской разведке знали, и время от времени сами пользовались его услугами.

«Что они могли успеть рассказать вообще обо мне и о золоте?, - ломал голову Семен Семенович, - Что придумать, чтобы вызволить этих, очень много знающих «колчаковцев», чтобы потом превратить их в очень молчаливых и ничейных?» Думать долго при таких ситуациях – примета плохая.

- Припоминаю смутно, что они, кажется, служили в саперной роте Александра Васильевича и ре-

монтировали железную дорогу, выведенную из строя. Может я малость и путаюсь, господа, но память на лица у меня хорошая, - улыбался Аверченко-, подтверждаю, что это не шпионы Уборевича.

Все пока обходилось нормально, но выходя из комендатуры вместе с «колчаковцами», Семен Семенович подумал: «То, что я был на волосок от пыток – это недоделки Егора по ликвидации подельников, но с другой стороны молчание бандитов – заслуга того же Егора. Видать, он хорошо их застращал, что за золотой запас государства расстреливают даже в мирное время».

Выгнать этих молодцов нельзя, а убивать после посещения комендатуры тоже не хотелось. А вдруг японцы надумают проверить их дальнейшую судьбу. Семен определил их грузчиками-разнорабочими на подчинении того же Егора. «Он их оставил в живых, пусть сам и мается». А ведь ему как раз понадобятся пару человек для выполнения второго этапа варианта «Б» своей операции. Эти молодцы теперь будут держаться за него, и исполнят какой угодно приказ. Мужчин звали Фомой и Иваном. «Вот вам и два молодца из ларца для особых заданий, - радовался он своим мыслям, возвращаясь в гостиницу. Именно там, в уютном номере «люкс» ему думалось особо плодотворно, под рюмочку, - А когда нарисуеться реальный план, можно будет и побаловать себя Афродитой».

На улице зима, но ждать наступление весны не приходится. Золото могло углыть между пальцев. Как понимал Семен Семенович, скоро он потеряет своего заступника (а вернее сказать – легенду) Розанова. Генерал, с передачей Колчаком Всероссийской власти Деникину, а верховное командование Семёнову, всеми силами пытался удержать власть. К тому же 30 января весь золотой запас был из подвалов

Владивостокского банка России перевезен в трюмы крейсера «Хидзэн» для отправки в Японию. По сути эта была кража, непосредственными участниками которой выступали Розанов и Рокуро Исомэ. Первый решил воспользоваться формальным правом подписывать документы от имени России, что уже было спорным фактом, а второй – обеспечением технической стороны «мероприятия». К этому так же предшествовало ещё одно обстоятельство. Розанов пытался заручиться поддержкой и выдвинул идею создания отдельной Приморской республики. Он не хотел существовать без власти, поскольку по привычке считал Приморье своей вотчиной. Особенно стал переоценивать свои заслуги после разгрома Гайды. Его не поддержали, и Семен Семенович понял, что «заступник» в очень скором времени последует туда же, куда и золото. Хотелось успеть пока генерал здесь. Иркутск уже был занят красными, хотя и находился почти в осадном положении. Генерал Войцеховский, командующий отрядами после смерти Каппеля, подошел к городу вплотную, но взять город не получалось. Семенов, имея способные на это силы, задерживался в Забайкалье и Сибири. Слишком были растянуты войска

Эта партизанская война, будь она проклята, могла замотать так, что регулярные армии теряли единую мощь, растрачивая силы по мелочам. Не было никакой возможности объединиться всеми силами, чтобы открытым забралом встретиться с врагом в чистом поле для решительного боя. Только начнешь поход, чтобы занять новые территории, как в тылу потеряешь те территории, которые брал позавчера с немалыми потерями. Кроме того, мешало соединиться различным армиям то, что не было крепкой связи между дивизиями и полками в самих армиях. Общее командование, конечно, осуществлялась, но

проводить крупные войсковые операции было затруднительно. Этим пользовались красные командиры, многие из которых перешли из стана белых, были офицерами царской армии и неплохо разбирались в тактике конкретного боя и стратегических задачах. Особую роль играл и тот факт, что порядок в красных отрядах и готовность к самопожертвованию подкреплялось обязательным наличием во всех войсковых единицах должности комиссаров.

Изучая карту железной дороги у генерала Розанова и выслушивая его объяснения, Семену Семеновичу пришлось выдумывать не одну, а несколько легенд сразу, которые отвечали бы различным условиям на различных участках их будущего маршрута от Владивостока до Иркутска. Даже сама железная дорога Транссиба, например, от Владивостока до Никольск-Уссурийска контролировалась американцами под командование генерала Грейвса, а участок от Никольск-Уссурийска до Хабаровска - атаманом Калмыковым. К тому же соседи, контролирующие общую дорогу, имели почти враждебные отношения, и если эту дорогу представить змеей с длинным туловищем, то нужно было бы представить, что голова змеи всегда готова была укусить собственный хвост, а тот в свою очередь бить своим концом по своей голове.

Теперь, с отсутствием плененного Колчака и передачей власти Деникину, который был далеко и тоже терпел свои неудачи под Орлом, единого штаба у белых не было.

6. Эпилог.

Выдумывать что-то сложное, чтобы оправдать свой повышенный интерес к событиям вокруг Ир-

кутска и состоянии дел на железной дороге, не было особой необходимости. Да и вариантов у Семена Семеновича было не особо. Однако по незначительным делам в резиденцию Розанова на Светланскую улицу он являлся редко. Генерал это тоже понимал и, к тому же, тоже имел разговор к своему помощнику. Только сегодня, подготавливая документацию, которую необходимо сжечь, он подумал о людях, кто находились рядом с ним в эти тяжелые для него дни. Людей не сожжешь и с собой в чужую страну тоже не возьмешь. Семен Семенович был одним из тех людей, которые не привыкли бросаться на глаза и ежедневно надоедать о своей готовности услужить сиюминутно. Его не было видно, и в то же время Розанов знал, что он всегда рядом. Помощник был незаменим по секретным делам, а по делам, касаемо «досуга», мог подготовить некоторые «удобства» без напоминаний ибо знал, что начальству не всегда удобно напоминать о таких вещах подчиненным. Они обязаны это помнить сами, и относится к выполнению так, словно от этого зависела судьба белого движения.

В кабинете, кроме генерала, находились один из его адъютантов и секретарь, печатающий последние распоряжения генерала. Похоже, что все догадывались о последних днях его службы, но виду не показывали. Сам Розанов и вовсе внимания на это не обращал.

- Все. Вы способны, господа. Продолжим после обеда.

Они с Семеном Семеновичем поехали в ресторан помощника на Алеутскую улицу.

- Так какой же вопрос привел вас, Семен Семенович, в мой кабинет? Не с рапортом ли с просьбой отправить вас на действующую армию? – пошутил он в своей солдафонской манере и тут же был ошарашен.

- Именно так, господин генерал. Именно так. Сергей Николаевич, - стал говорить очень доверительно помощник - Вы как всегда догадливы и все понимаете без слов. И я прошу Вас, Сергей Николаевич, помочь мне и троим сопровождающим лицам с документами и письмом о содействии всеми, кто может оказать посильную помощь в пути следования в сторону Иркутска.

Розанов уже и без того мысленно прощался с помощником. Первоначально была мысль взять его с собой в Японию. Однако для японцев Семен Семенович был всего лишь мелким шпионом, со множеством хозяев и ничтожным мотом родительских денег. Его они в серьез не принимали. Теперь вышло, что нет вины Розанова, что покидает помощника, коли последний сам обуреваемый таким патриотическим порывом направляется на фронт.

- Документы будут, Семен Семенович. Пока ещё такой возможности я не лишен, и вы вовремя обратились. Но куда же вы, голубчик?

- Я к генералу Каппелю, на вырчку адмирала, а если получится то ближе к Волге, там кажется сейчас Деникин. В тех краях мой родитель проживает.

Розанов даже расчувствовался. Сам он знал, что пока действует от имени Колчака и вполне пригодными бланками, но уже через несколько дней будет объявлен вне закона.

Они выпивали и прощались как друзья и знали, что больше не встретятся, белый генерал Сергей Розанов и авантюрист Владимир Проскуряков.

Они прощались и не могли знать, что в городе Чите в это самое время умирал от страшной простуды любимец адмирала Колчака молодой 29 летний генерал Каппель, сожалея что скорее всего сам не сумеет вызвать адмирала из рук красных и вызвать на дуэль подлого француза Жанена. Перед смер-

тью он успел передать командование войсками тезке Розанова генералу Сергею Николаевичу Войцеховскому.

У Семена Семеновича земля горела под ногами. Скоро ему придется уходить, куда глаза глядят и без поддержки Розанова ему долго не продержаться. Не хватило каких-то полгода до времени икс, чтобы завершить все дела и отбыть в заграницу. С наступлением весны, как он полагал, можно будет перенести поближе клад хотя бы несколькими рейсами под видом закупок оборудования или товара для портных, парикмахеров, мелких ремесленников, «караюки-сан» (проститутки) которых было множество в японских кварталах. Теперь он во всем этом сомневался. Сможет ли он снова разъезжать в отсутствие «отца родного», коим считал Розанова. Во первых, зимой обнаружить клад в местности, где ты был осенью ещё до снега будет затруднительно. Во вторых скоро та местность будет полностью принадлежать красным, что создаст дополнительные затруднения. В третьих, с каждым днем становилось хуже и хуже удержать возле себя Егора Булатова с его «молодцами из ларца». Уже дважды к ним подбирались, и спасти от мобилизации становилось все труднее. Уйдет Розанов – заберут «молодцов» под ружьё. Хорошо, если сам сумеет откупиться. Компания могла разбежаться в разные стороны уже сегодня, и он останется ни с чем. Ему очень было боязно даже подумать, что может так и не узнать местонахождение клада, а еще невыносимо страшно, что клад откопают без него. « Эта была моя операция, и клад мой, - повторил про себя, проводив Розанова. - Эта чернь только исполняли уже готовое решение и никакого права на золото не имеют. Их дело показать место, где зарыт клад и вообще исчезнуть насовсем».

Можно бы было выехать только вдвоем с Егором, как с ординарцем. Это было бы даже удобнее, но Семен Семенович боялся вдруг потерять Егора, поскольку там, куда едут они, идет война. На войне бывает, что убивают. А удастся ли ему самому в таком случае вернуться, чтобы в провожатые взять другого – запасного. Нет уж. Пусть все находятся рядом. Так оно спокойнее.

Войска генерала Войцеховского шли почти маршем, разгромили в станции Зима эшелон большевиков и, несмотря на упорное сопротивление красных, заняло городок Черемхово – поместье Иркутска. Брать города Сергею Николаевичу было не впервой: Троицк, Челябинск, Екатеринбург, Нижний Тагил... Екатеринбург он занял в 1918 году буквально через два дня, после расстрела царской семьи. Здесь он надеялся, что не опоздает и освободит Колчака из красного плена. Ему было известно, что в городе страшный голод и партизаны долго не продержаться. Однако нужно было спешить, ибо в войсках начался страшный тиф, который уносил сотни жизни. Бойцы умирали десятками враз, и похоронная команда не успевала копать могилы. На ругань врачей и сестер милосердия о необходимости в таких случаях копать глубже и осыпать трупы хлоркой, он кричал «Расстреляю!». Одного этого окрика было достаточно, чтобы все замолчали. В войсках Каппеля знали крутой нрав генерала Войцеховского все, и его расстрел собственного генерала оставившего участок фронта, обрастал различными домыслами и подробностями. Однако положение действительно становилось угрожающим, и прежде чем идти на штурм, генерал передал Иркутскому политцентру ультиматум, в котором требовал выдать ему адмирала Колчака, золотой запас, зимнюю одежду и еды для его

армии. Политцентр, состоящий в основном из эсеров и меньшевиков, был готов откупиться, но партизаны были решительны, сдавать город не собирались. Они, как считали сами, приняли единственно верное решение - расстрелять адмирала Колчака. Именно это было основной целью наступающих. Войцеховский был в ярости. Он привык побеждать, имел множество наград, но самые заветные его мечты и стремления, которые могли поставить его на вершину славы, изменяли ему в последний момент. Если в Екатеринбурге он, совершенно случайно чуть было не освободил монарха, то теперь наступая целенаправленно и, казалось бы, имея все предпосылки, не сумел спасти Верховного и золотой запас России. «Что ж, - думал он, - наверное, Россия обречена».

В это время в палатке полевого лазарета, разложенными на снегу лапками сосны и «буржуйкой» на середине, умирал дворянин в первом колене Проскуряков Владимир Афанасьевич, занесенный в списки как штабс-капитан Аверченко. Умирал от пулевой раны среди тифозных. В редкие минуты перед ним вставали лицо отца, дом и пруд со скамейкой, где они любили поспорить с учителем. Временами, задыхаясь от жара, он начинал бредить. Перед ним проходили его походы у батьки Махно с шашкой наголо против немцев-колонистов, стражи Гетмана, споры с большевиками о продрозверстках, которые не допускал Нестор Иванович в своем Гуляйполе. Вставали лица Розанова, Афродиты тихоокеанской, Егора Булатова, предсмертная гримаса Вячеслава Дубака. Золото! Золото! Будь проклято это золото...

Ссора между кладоискателями возникла из-за места, где в прошлый раз были оставлены обозы. При этом Семен Семенович и Егор «плясали» от указателя разъезда, где встречались перед самым «эк-

сом», и уточнили время начала операции. Фома с Иваном были уверены, что они прошли далеко вперед от этого места и нужно вернуться назад. Семен Семенович был в ярости, но Егор придерживал его. В результате они прошли в глубь леса с того места, где по мнению первых стояли «золотые вагоны», а после и возвращаясь на приличное расстояние по указанию «молодцов из ларца». Обе попытки оказались неудачными. Сколько они не бродили не смогли обнаружить ни деревню, ни дуб, в 36 шагов от которого должен был находиться клад. Семен Семенович уже терял самообладание и очень нехорошо посматривал на «молодцов», когда те говорили шепотом. В лесу везде были сугробы, и снег лез в унты. Все устали сильно, нужно было переночевать, поскольку начались сумерки и вот-вот наступит ночь. Семен Семенович с Егором должны были нарубить жердей и лапок от сосен, чтобы построить навес, а Фома с Иваном натаскать дров. Ходить по сугробу и искать хворост, который нужен для розжига и поддержания огня было действительно тяжелее. Кроме того не всякое дерево загорится сразу, найти в уже темнеющем лесу сухие полуразвалившиеся деревья так же было непросто. Фома, который и по возрасту был старше всех был вне себя, когда возвращаясь очередной порцией дров увидел, что ничего у «благородиев» до сих пор не готово. Пора развести костер, но оказалось, что навес не построен и даже место не расчищено. Он стал материться и разошелся не на шутку.

- Что тяжело вам было нарубить жердей, когда они рядом растут и можно рубить сидя? Я уж думал, что все расчищено, набросано лапок и можно будет начинать есть. Здесь слуг и рабов нет, хочешь жрать – работай!.

Его уничтожающий и полный ненависти взгляд из-

за сумерек был невиден, но Семену Семеновичу хватило и интонации, коей эти слова были высказаны.

- А кто вас от япошек спас, взял под свое крыло и кормил задарма все это время? Я придумываю такую операцию, обеспечиваю всем необходимым, убираю часового чеха – хорошего человека, между прочим - а вы, голь перекатная, даже запомнить место зарытого клада и то не в состоянии. Если хотите знать, вам золото и не к чему. Вы своё дело сделали. Эту деревню и дуб я и без вас найду - его уже удержать не было никакой возможности. Особенно от своих же слов про чеха Вячеслава Дубака, пришел в ярость и резко вытащил руку из-под пазухи. Если бы было в лесу светло, возможно, успели бы понять, что рука была пустая. Однако бывший боец пластунской дивизии Семенова Иван оказался проворным и среагировал по своему. В последние годы, часто обретаясь в тайге, он привык к обреза. Винтовка в условиях леса мешалась, тем более целиться далеко особой нужды не было – не полевые условия. Революеры даже не считал за оружие. Испытывать приятную тяжесть под полкой, и не принимая стойку, чтобы приткнуть к плечу приклад, выстрелить с любого положения – вот к чему он приучил себя. Кроме того, слова Семена Семеновича «и без вас найду» привели его в готовое положение. Пуля, похоже, прошла легкое, и нужно было спасать раненного. Все оставшиеся в живых: Егор, Фома и Иван – были людьми военного времени, нюхали порох, убивали и даже, как мы знаем, грабили, но они резко отличались от преступников убийц мирного времени. Будь ты бойцом белой армии или красной, независимо от этого у них не принято такое, чтобы оставить умирать раненного товарища или просто бросить бойца, даже вражеского, не похороненным. По сути, если подумывать, преступник могущий лишь украсть, но бросивший раненного или убитого именно этим гораздо хуже

душегуб, чем боец убивший многих и многих , который будет пытаться помочь пока человек дышит, ну а если не сумеет, то предаст тело земле.

При помощи самодельных носилок, они понесли раненного Семена Семеновича в поисках жилья и нашли глухую деревню, где и были взяты бойцами Войцеховского, возвращающихся из разведки.

По документам Семена Семеновича, легенда осталась та же – едут к генералу Каппелю, чтобы воевать за освобождение Верховного. Только вот жаль, что заплутали в тайге и случайный выстрел чуть не оборвал жизнь штабс-капитана. Готовы, как говорится, приступить...

Особым доверием у Войцеховского пришлые люди не пользовались, но и проверять их времени не было, а потому служба на новом месте началась с должности похоронной команды.

Семена Семеновича закопали со всеми вместе в одной братской могиле - если по прямой - совсем недалеко от того места, где так же не очень глубоко лежали шесть ящичков с золотыми слитками и девять мешков с монетами, которые они так и не смогли обнаружить. Деревня была сожжена, останки бревен покрыты толстым слоем сугроба, местность изменилась до неузнаваемости.

Всё, что из земли, всё – в землю.

Содержание

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ МУСЫ	3
1. Казнь и долгий путь к очищению	3
2. Моабитская тетрадь	8
3. В логове «республики»	15
4. Послесловие	20
ОСВОБОДИТЕЛЬ	25
«ГЛОБУС»	38
1. В интернате	38
2. Начало	43
3. Вор-одиночка	47
4. Родительский день	51
БОГИ И ГЕРОИ	
из древнегреческой мифологии	57
Царь Минос и Тесей	57
Аид и Персефона	70
Персей и Андромеда	76
ДЕД КИРИЛЛ	84
КОМАНДИРЫ	92
1. Капитан Филиппенко	92
2. Полковник Хорошев	102
ДМБ – УРА!	107
ТАМАРА	130
ДУМЫ СТАРОГО СОЛДАТА	141
ДРУГ	166
СЧИТАТЬ ЛЮДЕЙ ПОШТУЧНО.	178
КРАСНОАРМЕЕЦ	187
ТАНКИСТЫ	200
ФРОНТОВАЯ ЛЮБОВЬ ТАТЬЯНЫ МАЛЫХ	217
ПАРТИЗАН	229
МОСТ	241
ЩЕПКИ	258
КВАЗИМОДА ГЕРАСИМ	270
МЕЛОДРАМА	280

ОТЕЦ ДЕПУТАТА	297
ПАПА	309
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЛИХОРАДКА	
приключенческая повесть	318
1. Прибытие.	318
2. Семен Семеныч.	323
3. У Колчака	332
4. Последний акт экспроприации «Студента»	336
5. Егор Булатов	351
6. Эпилог.	358

Дим Хусаинов

ОСВОБОДИТЕЛИ

Дизайн обложки: Т. Богаевская
Компьютерная верстка: М. Камянчук

Подписано в печать 20.06.2014 г. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Pragmatica. Отпечатано в издательстве.
Заказ № Б-21.
Тираж 80.

ООО "Издательский дом "Печатный вал". 623 851, г. Ирбит,
ул. Горького, 2Д.
Тел./факс +7 (34355) 3-87-24, 3-87-38

Послевоенные дети

(отрывок)

Воочию не зная те года,
Имею связь, зависимую с этим...
Немножко я погиб еще тогда,
Когда отец был ранен в сорок третьем.

Спасибо, пап, что не сгорел в огне...
И не чужая, может, битва снится,
Как будто сам побыл на той войне,
Где мог погибнуть, не успев родиться.

Дим Хусаинов